

ФОРУМ

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

1

1982

Ф О Р У М

ОБЩЕСТВЕННО — ПОЛИТИЧЕСКИЙ

ЖУРНАЛ

1

1982

«СУЧАСНІСТЬ»

Ответственный редактор:

ВЛАДИМИР МАЛИНКОВИЧ

Консультативный совет:

АБОВИН-ЕГИДЕС, Михаил АКСЕНОВ МЕЕРСОН, Владимир БОРИСОВ, Борис ВАЙЛЬ, Георгий ДАВЫДОВ, Николай ДРАГОШ, Кронид ЛЮБАРСКИЙ, Михайло МИХАЙЛОВ, Сергей ПИРОГОВ, Игорь ПОМЕРАНЦЕВ, Галина САЛОВА, Тамара САМСОНОВА, Надия СВИТЛЫЧНА, Сейтхан СОРОКИНА, Виктор ФАЙНБЕРГ, Борис ШРАГИН.

Статьи, подписанные авторами, выражают их собственное мнение.

Журнал выходит четыре раза в год.

Für den Inhalt verantwortlich: Dr.W. Malinkowitsch.

Адрес редакции: Georg-Mauerer-Weg 11, 8000 München 50, BRD.

Оформление подписки на журнал: «Sučasnist» e. v. München, Müllerstr. 33, Rgb, 8000 München 5, BRD.

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

ОТВЕТЫ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛА «АЛЬТЕРНАТИВА»

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛА «АЛЬТЕРНАТИВА»
(ПАРИЖ):*

1. Можете ли вы кратко описать положение в правозащитном и демократическом движении сегодня, в частности имея в виду период после массовых арестов, высылки Сахарова, все усиливающегося давления на общественную мысль и других проявлений реакции?

1а. Можно ли в связи с этим вести разговор о разгроме диссидентства?

1б. Какие можно подвести итоги после всех этих событий — как в практическом, так и в идейном плане?

1в. Какая ныне преобладает тенденция в настроениях участников движения: тенденция ли к прекращению активной правозащитной деятельности, к прекращению вообще какой бы то ни было оппозиции, или же тенденция к продолжению борьбы за права на другой основе (основах)?

1г. Не находите ли вы, что в этой связи правозащитная и любая другая оппозиционная деятельность все более смещается на Запад, особенно после роста эмиграции среди правозащитников и выселения за рубеж ряда активистов?

2. Что значит быть социалистом сегодня в Советском Союзе?

---

*"L'Alternative", двухмесячный журнал; выходит на французском языке с ноября 1979.

Осенью прошлого года корреспондент журнала взял в Москве интервью у представителей различных социальных слоев советского общества. Мы публикуем некоторые из этих ответов

2а. Не считаете ли вы, что власти более всего боятся сближения между правозащитным движением и рабочим классом, как это произошло в Польше?

2б. Как относятся различные течения правозащитного движения к рабочему классу (в частности в связи с забастовками в Горьком, Тольятти и в других местах)?

3. Как вы относитесь к тому, что происходит в Польше?

3а. Как восприняли появление профсоюза "Солидарность" в рабочей среде?

3б. В диссидентских кругах?

3в. Можно ли объяснить все то, чего они добились у себя в Польше, т. е. их фактическую победу, лишь особой специфической судьбой Польши, историческими особенностями польского народа и рабочего класса?

3г. Являются ли эти события, и в частности роль польского Комитета защиты рабочих, уроком для правозащитного движения в СССР? Если да, то в чем именно?

ОТВЕТЫ СОВЕТСКИХ ГРАЖДАН:

Рабочий (грузчик). 32 года. Пол — мужской. Москва

1. Не могу.

1а. Нельзя. Правительство ругают все и везде. Значит, будут и новые активные диссиденты.

1б. Итоги: сажают они активно, а люди почему-то трусят меньше.

1в. Настроений участников движения не знаю, т. к. не знаю участников. Я думаю, что прекращения борьбы не будет. А построить ее на других основах было бы хорошо: не "несчастеньких" защищать через "голоса", а по голодухе бить, сравнивать зарплаты (видимо, имеется в виду сопоставление зарплаты в СССР и странах Запада), жилье. Основа должна быть такая — бить в первую очередь через желудок.

1г. Не нахожу. До тех, кто там, мне дела нет. Может, они врут или хлеб себе зарабатывают на конфликтах между СССР

и Америкой. Может, все, что они говорят — вражеская пропаганда.

А если человек здесь рискует, здесь садится, здесь голодовки устраивает — такого я послушаю и подумаю.

2. Настоящий социалист — понятие из кино. В жизни не встречал.

2а. Если дураки — то боятся. А бояться нечего. Кто из нас, из рабочих, этих диссидентов видел? Я вот встретил случайно, да и то не знаю, может, эти мои знакомые не диссиденты, а просто люди душевные (а что анкета эта к ним попала или что книги дают читать — это ведь через 10-е руки, небось).

2б. Я их в жизни не видел. Так, как они ко мне могут относиться? А рабочий класс — понятие абстрактное. (Насчет забастовок — а они были? У меня в Горьком родня. Они не слышали).

3. Хорошо. Только если дальше так пойдет, наши задавят.

3а. В рабочей среде появление профсоюза "Солидарность" воспринимают по-разному. Кто хоть что-то кроме газет понюхал — хорошо. А кто "Правдой" питается — плохо.

3б. Про диссидентов не знаю.

3в. Какая у Польши история, в школе не проходили.

3г. А что за комитет? Урок-то урок, да у нас такого не выйдет.

II. Бывший рабочий, ныне люмпен (точнее — ремесленник, кустарь-одиночка). 33 года. Пол — мужской. Москва

1. Много сажают. Сколько осталось, не знаю. Положение такое: силы остались, только чтобы как-то самих себя защищать, да и то у них не выходит.

1а. Как понимать диссидентство? Если как инакомыслие, то говорить о разгроме нельзя. Наоборот, сейчас почти весь СССР мыслит не так, как правительство говорит.

1б. Об итогах говорить рано. Если пересажают всех, кто

дает информацию на "голоса" и пытается работать более или менее легально, тогда итоги будут, как 100 лет назад: не дают говорить, так начнут стрелять.

1в. Что там у диссидентов, не знаю. А у простых людей одна тенденция: законы плохие, но их, в общем, нетрудно обойти. *Бороться за права — опасно.* Взять их без спросу — проще (не работать на госслужбе; читать, что хочу; говорить, что думаю; зарабатывать, как умею). А властям на таких, кто не кричит, что он диссидент, а делает, что хочет, наплевать.

Думаю, что это один из методов борьбы: если хочешь быть свободным, будь им без спроса.

1г. "Деятельность" — единственная форма жизни эмиграции. А что им без этого делать? Они ведь привыкли к тому, что сытость во всех видах — это плохо, а надо бороться и страдать. Вот и борются.

А нам от их борьбы, в общем-то, ни холодно, ни жарко. Даже пересылку литературы не могут организовать. Варятся в своем котле и склоки заводят.

Толку от "смещения на Запад" не будет.

2. С этим понятием не сталкивался.

2а. Отвечу цитатой: "Узок круг этих революционеров. Страшно далеки они от народа". Если власти боятся сближения, так они и своей тени боятся. А опасности нет. Рабочий класс о диссидентах почти и не знает.

2б. Диссиденты относятся к рабочему классу, как декабристы к мужику: теоретически уважают, а практически презирают — пьянь, быдло тупое и покорное, книжек не читает, хоккей предпочитает.

3. Молодцы поляки!

3а. В рабочей среде о "Солидарности" говорят мало, но завидуют.

3б. Диссиденты всегда в восторге, когда правительство недовольно.

3в. Истории Польши не знаю. Да и кто ее у нас знает? А рабочий класс там (надо думать) культурнее и более спяный. Во-первых, Европа, а во-вторых, им легче — враг-то все-таки внешний, а не внутренний.

3г. Не знаю, поймут ли наши диссиденты этот урок. А урок в том, интеллигенция разговоры говорит, а "низы" — действуют. От разговоров о правах толку не будет. А если они займутся проблемой жратвы, отпусков, сверхурочных, перенормирования — и не в журналах тиражом в 5 экз., а в листовках, — может, лет через 20 и уговорят наших работяг на "Солидарность".

III. Студентка. 19 лет. Пол — женский. Москва. Вуз — технический, специальность — естественник

1. В общих чертах могу, но есть пробелы.

1а. Думаю, что нет.

1б. Несмотря на репрессии, мне кажется, что расширился круг людей, интересующихся правозащитным и демократическим движением, появилось больше возможности получения информации такого рода.

1в. Мне кажется, что преобладает тенденция к продолжению борьбы на самых разнообразных основах.

1г. Нет, не нахожу. Несмотря на рост эмиграции среди правозащитников, по-моему, осталось достаточно оппозиционно настроенных людей и в СССР, и их число растет.

2. Не знаю.

2а. И этого тоже они боятся, сильно боятся, но не только этого.

2б. Мне кажется, что это закономерно (забастовки), а правозащитное движение должно принимать их как еще доказательство неспособности к управлению государством нынешних властей и т. д.

3. Также считаю это закономерным.

3а, б. Приветствую появление его, не принадлежа ни к рабочей среде, ни (пока) к диссидентским кругам.

3в. Думаю, что нет, хотя некоторые специфические условия в Польше, безусловно, способствовали и началу всеобщей борьбы, и победе.

3г. Не знаю.

1, 1а. Так называемое "правозащитное движение" в СССР носило и носит сугубо сектантский и гуманитарно-интеллигентский характер. Ничтожное количество людей по различным соображениям ("не могу молчать", "долг перед Россией", "сострадание к чужим невзгодам", "хочу помогать людям", "возмущаюсь несправедливостью", "нет свободы слова" и т. д.; к сожалению, есть категория и политических карьеристов, которые готовят "капитал" перед отъездом на Запад) отваживается открыто выступать против официальной внутренней и внешней политики СССР, против вопиющих нарушений многочисленных (и не только гуманитарных) прав человека в СССР. Активистов, многократно заявлявших о себе официально, членов инициативных групп, свободных ассоциаций и т. п. сажали, сажают и будут сажать. В провинции — за малейшие проявления инакомыслия и чтение запрещенной в СССР литературы, в Москве — не сразу, только наиболее активных людей, которые торчат как кость в горле у властей.

Усиление репрессий происходит медленно, но верно. С другой стороны, зачатки демократического движения, зародившись, умереть не могут. Инерция страха постепенно уходит, и на смену тем, кто оказывается в тюрьме, приходят новые люди. Желающих же помогать, не называя себя официально и громко, становится постепенно все больше.

Я употребил слова "так называемое" в том смысле, что выступления отдельных людей и групп нельзя считать, по моему мнению, "движением". Среди широких масс об этом "движении" не имеют ни малейшего понятия, а советская пропаганда, хотя и очень неумело, но все же делает свое дело, и многие считают диссидентов агентами ЦРУ и пр.

Кроме того, "движение" абсолютно беспочвенно. Выступать в защиту соблюдения законов и прав в стране, где жизнь в обход правил и законов столетиями была нормой — по меньшей мере нелепо. Такая позиция не может иметь успеха в России, где отсутствует правосознание. Если пристально, с пристрастием рассмотреть жизнь большинства (абсолютного) граждан СССР, то по меньшей мере 90% из них можно привлечь к уголовной ответственности по статьям существующего уголовного законодательства. Но это — норма жизни в СССР. И никто не обратит внимания на мелкие и крупные нарушения закона человеком, пока он лоялен к властям.

1б. См. выше.

1в. Уцелевшие пока на "свободе" участники движения в России и круги, близкие к ним, ни о каком прекращении активной деятельности не думают. Власти делают все, чтобы задавить полностью всякую легальную деятельность. Некоторые группы (например, Христианский комитет защиты прав верующих) переходят на полулегальное положение — объявляют о приеме новых членов, но не объявляют их имена.

О тенденциях к продолжению деятельности на других основах мне ничего не известно. В молодежных кругах поговаривают о терроре, но надеюсь, что дальше разговоров дело не пойдет. Не дай Бог!..

1г. Правозащитная деятельность не может сместиться на Запад, независимо от роста количества политических эмигрантов и изгнанников из СССР. Либо она существует внутри страны, либо ее не существует вовсе. Западная эмиграция может лишь оказывать посильную помощь — предавать гласности материалы и документы, поступающие из СССР, наладить тем или иным способом относительно бесперебойное снабжение литературой, которой становится в обращении все меньше и меньше, привлекать максимум внимания к нарушениям прав человека в СССР, пытаться способствовать если не освобождению узников совести, то хотя бы их высылке на Запад, обмену и т. д.

Говорить о перемещении на Запад движения не придется еще и потому, что русская политическая эмиграция, как ни одна другая, органически не в состоянии консолидироваться и делать одно общее дело. Оно заменяется бесконечными беспредметными спорами и склоками.

2. Социалист — понятие весьма растяжимое и совершенно абстрактное, из области идеального, как и многие другие понятия типа "социализм" (особенно "с человеческим лицом" — почему-то более чем 60-летняя история стран, в которых победила идеология марксизма и коммунисты пришли к власти, ничему не научила поклонников этих внежизненных схем).

2а. Власти в СССР боятся собственной тени. Власти (очевидно, бессознательно) делают рекламу и создают совершенно "лишний" (для них) шум вокруг того ничтожного круга

лиц, которые осмеливаются так или иначе противопоставлять оппозиционные мнения открыто. Так, например, последнюю демонстрацию 10 декабря на площади Пушкина в Москве (количество участников не превышало 40-50 человек) разогнали силами по меньшей мере 600 дружинников, большого количества милиции и бесчисленного числа сотрудников "в штатском". Площадь была оцеплена, выходы из метро перекрыты, подземные переходы — тоже. Результат — некоторое количество прохожих выяснило, что существует традиция — устраивать 10 декабря молчаливую демонстрацию памяти жертв тоталитарных режимов. Если бы власти не делали такой рекламы, то 40 человек, снявших на 10 мин. головные уборы, никто бы не заметил.

Говорить об опасении властей объединения диссидентско-интеллигентского "движения" с несуществующим рабочим (незначительное количество членов свободных профсоюзов благополучно пересажали; что от них осталось — мне не известно) по меньшей мере смешно, если в правительстве и соответствующих ведомствах сидят не патологические идиоты (хотя похоже, что это именно так).

26. Хорошо (забастовки в Горьком не было — раздутые слухи: часть рабочих, не дождавшись отвратительно курсирующего автобуса, разошлась по домам). Однако беда в том, что в случаях стихийных забастовок в СССР (они, по имеющимся у меня сведениям, — только стихийные), власти немедленно удовлетворяют сиюминутные требования рабочих, иногда даже не репрессируют (немедленно) зачинщиков, и на этом все заканчивается.

3. Приветствую. Появление профсоюза "Солидарность" свидетельствует о том, что ортодоксальная политико-экономическая система, существующая в странах социалистического лагеря, несостоятельна. Все страны рано или поздно придут (увы) к этому, ибо среднему потребителю всегда будет чего-то не хватать, а ни одной идеологической программы, на соответствующей экономической основе, которая могла бы быть противопоставлена коммунистам всех мастей, не существует. Поэтому установление тоталитарных режимов с коммунистической идеологией неизбежно во всех странах. Вопрос лишь в том, как долго такие режимы смогут существовать в различных странах. По моему мнению, в странах с

давними демократическими традициями (развитые страны Европы, Северной Америки, Австралии и т. д.) система себя изживет очень быстро. Именно этот процесс мы наблюдаем сейчас в Польше. В других странах, где демократические основы исторически не слишком развиты, коммунистические тоталитарные режимы могут быть бесконечно долго. К ним, увы, относится и Россия.

3а. Нет данных.

3б. Приветствовали. Тому свидетельство — письмо в поддержку польских профсоюзов.

3в. См. выше 3а.

3г. Теоретически — безусловно, да. На практике ничего подобного в СССР произойти не может (вспоминается известный анекдот: объявляют перед началом рабочего дня: "Сегодня каждого десятого повесят. Вопросы есть?" — "Есть: веревку дадут казенную или самим принести?").

В. Гуманитарий-публицист. 31 год. Пол — мужской. Вероисповедание — православный

1. Я хочу поделиться своими взглядами на проблему именно с позиций церковного, православного сознания и думаю, что это мнение — не мое одно, но целого круга православной общественности (об иерархии здесь речь не идет). Поэтому очень желательно бы, чтоб эти ответы были напечатаны в их полном виде, очень важно, чтоб было уяснено отношение верующих людей к диссидентству, правозащитному движению.

Сначала — кратко, на мой взгляд, значение диссидентства, этого героического периода "бури и натиска". Неоценимая заслуга диссидентства в мировом плане в том, что ценой больших жертв оно показало всему миру циничное отношение советских властей к международным обязательствам, в частности Хельсинкским соглашениям, похоронило иллюзии Запада на сей счет. Тем самым его история была одним из главных факторов, приведших к ослаблению левых кругов на Западе, к его "прозрению" относительно природы тоталитаризма (хотя, как показывают, в частности, статьи Максимова, Солженицына, позиции левых на Западе все еще

слишком сильны). Внутри страны диссидентство отчасти расковало свободную мысль, хотя бы немного, но сломало инерцию страха. Люди вдруг с удивлением обнаруживают, что перестают бояться, ломают прежде всего "внутренние запреты" в самих себе. Другой фактор этого, на мой взгляд, — пробуждение религиозного самосознания. Человека, для которого единственно реальны небесные блага, трудно купить земными подачками. Ну и третье значение диссидентства — оно как бы вызвало огонь на себя. Если б не было оппозиционного движения, мы бы давно вернулись к сталинским временам (что, правда, не исключено, но маловероятно).

1а. Отсюда ясно, что говорить о разгроме можно лишь условно, скорее — об исчерпанности тех форм и методов, в которых это движение отлилось в 60-70-х гг. Оппозиция, инакомыслие было и будет, потому что людей тошнит от газетной жвачки, души начинают просыпаться. Я верю, что тысячи других встанут на место ушедших в лагеря. С ухудшением экономического положения недовольство народа будет все расти.

1б. Я считаю, что окончательные итоги подводить рано, но размышление о нынешней ситуации крайне необходимо. О положительной роли диссидентского движения я уже сказал. Теперь — о его слабостях, которые предопределили его существование как деятельность "сектантской" кучки интеллигентов. Слабости лежат в двух плоскостях: в плане организационном, стратегии и тактики борьбы с режимом, и, что самое главное, в сфере идейных основ движения. Практические слабости заметны всем, они на ладони: отсутствие какой-либо организации (хотя чрезмерная организация грозит болезнью "вождизма", но пока это неактуально), упование только на легальные методы работы, хотя сейчас это уже бессмысленно. Я считаю, что нелегальные методы борьбы должны быть срочно разработаны, и здесь нам есть чему поучиться у большевиков, хотя они имели дело с неизмеримо более легким врагом. Другие причины тупика преодолеть куда сложнее и болезненнее, хотя это совершенно необходимо, иначе — самоубийство. Это:

1. Принципиально движение должно ставить вопрос о положении не только "узников совести", но и всех страда-

ющих людей в Советском Союзе. От бесчеловечных условий заключения страдают все — и политические, и уголовные ээки. Иначе — какой-то элитарный подход. Если мы не можем пока помочь всем, то об этом надо так честно и сказать. То же самое относится к психически больным людям. Надо принципиально ставить вопрос об обеспечении прав всех, кто находится в советских психтюрьмах, потому что все советские психбольницы, даже и общего типа, в сущности — тюрьмы, в них больные полностью бесправны и зависят от произвола санитаров и врачей. Известно, что в странах Запада больные имеют целый ряд прав, в том числе право на лечение только по их согласию.

2. Идеология прав человека в ее юридически-правовом аспекте малоконструктивна, она неорганична и чужда сознанию почти всего населения Советского Союза. Эта идеология списана с Декларации Французской революции, с правовых норм Запада, и в таком виде, в сущности, неприемлема для советских людей, особого пути России, в которой нет подлинно демократических традиций, и, может быть, это — благо. К тому же наш народ, как и его вожди, вообще лишен понятия о правовой культуре, уважения к законам. "Закон — что дышло, куда повернешь, туда и вышло" — это его психология. Диссиденты в этом повторяют ошибки западников столетней давности. Впрочем, с критикой демократической идеологии уже выступали и Осипов, и Шиманов, не буду их повторять. В наших условиях понятие "права человека" носит беспочвенно-обличительный характер, а положительное содержание уловить трудно.

На мой взгляд, нельзя огульно, как делают некоторые христиане, отбрасывать понятие "права человека", оно многозначно, и в нем есть и христианский аспект (именно поискам такого христианского содержания посвящены, например, недавние энциклики Папы П. II, документы Собора Православной Американской Церкви и др.). Я, к сожалению, с ними не знаком. В этом смысле можно сказать, что диссиденты, исповедуя ложную идеологию, совершают часто истинно христианские поступки (защита невинных людей, Фонд помощи семьям политзаключенных).

3. Практическое отсутствие в демократическом движении социально-экономической программы (что, по-моему, органически связано с засильем в диссидентстве формально-

правовой идеологии). Программу "конвергенции" Сахарова нельзя принимать по многим причинам, она не только утопична, но и усугубила бы наши беды и болезни пороками западной демократии. Я считаю, что в политическом Самиздате проблемы материального положения народа, его низкий жизненный уровень, отсутствие самых элементарных продуктов в провинции должны быть поставлены на первый план. Надо говорить об экономических правах: право на создание свободных профсоюзов, право на забастовки, на необходимый прожиточный минимум, который, кстати, гарантируется даже в советской Конституции. Очень важно говорить народу о его нищете сравнительно с Западом, о той пропасти, которая разделяет бедные слои населения и партийно-правительственную бюрократию, которая не измеряется рублями, о системе, в сущности, юридически даже по советским законам незаконных привилегий, которыми пользуется "номенклатура" — правящий класс в СССР (распределители и пр.). В общем, бить в сознании людей на материальные интересы (зачем рабочему свобода слова, когда нечего есть?). Тогда народ увидит в диссидентах своих защитников. Все это должно найти отражение в целостной социально-экономической программе. А среди диссидентов есть экономисты, которые могли бы этим заняться. Из существующих планов спасения России мне кажется самым приемлемым работа Солженицына "Письмо вождям", несмотря на утопичность некоторых моментов, и идеи Шиманова (хотя карелинско-шимановская мысль о сотрудничестве с властями и преобразовании "царства Зверя" в "царство святых" мне кажется крайне вредной и нереальной).

Чтобы распространять такую экономическую информацию в народе, не обязательны длинные бюллетени, их эффект гораздо меньше хлестко написанной листовки, плаката. Для сближения с народом я считаю наиболее доступным именно путь таких "малых форм" Самиздата. На мой взгляд, сейчас должен наступить этап "хождения в народ", идти на завод рабочими, разъяснять рабочим, что во всем виноваты не "отдельные искажения генеральной линии", а система советского социализма в целом. Но главным для России я считаю путь христианского просвещения. Только при массовом обращении к Богу возможно возрождение России.

1в. Я не являюсь участником движения, но думаю, что о

прекращении борьбы они не помышляют, оппозиция не может прекратиться, поскольку все почти считают, что дела идут все хуже. Как я уже сказал, движение должно развиваться на другой основе. В связи с неадекватностью идеологии прав человека в оппозиционном движении отдифференцируются в скором времени разные течения со своими программами, и это хорошо. Но важно найти какую-то общую платформу. Говоря об организационных основах, нужно сказать, что главное теперь — организация нелегальных форм работы и открытая критика советского партийного режима, показ всех бесчеловечных аспектов идеократии, мафиозной структуры власти, всех сфер советской жизни, а не иллюзия, что сам-то по себе социализм хорош (как это имеет место у Роя Медведева и др.). В любом случае — говорят диссиденты всю правду или полуправду — их судят как врагов, но тогда уж лучше быть до конца откровенным.

Идейной основой продолжения борьбы может быть только возрождение национального сознания. На этой платформе следует объединиться всем, кто ищет выхода из нынешней безнадежности. И сдвига не будет, пока с оппозицией режиму не сблизится православная церковь (то, что происходит в Польше, Чехословакии, где, как говорят, католическая церковь во многом поддерживает диссидентов и уходит в подполье, даже в Литве, где она тесно связана с освободительным движением). Сейчас такой поворот церковной политики кажется невероятным, но... невозможное человеку возможно Богу. Наши иерархи на это не пойдут, но, отказавшись от поддержки коммунистического режима, церковь приобрела бы огромный авторитет в глазах всего мира. Думаю, что гонения только ускорили бы падение коммунистов, т. к. такой атеистический энтузиазм, как в 30-х и 60-х годах, вызвать уже невозможно, население церкви симпатизирует. В этой связи необходимо наладить как можно скорее обмен опытом, например с баптистами, которые давно противостоят атеистической власти (инициативники). Вообще, только через подъем русского национального сознания возможно у нас массовое распространение православия (и в этом, по-моему, непреходящее значение идеологии славянофильства, несмотря на отдельные ее недостатки и утопизм). Лично я верю скорее в мистический поворот судьбы России, хотя это не исключает и политической активности. (Господь

хочет от нас синергии, встречной активности не только в молитве, но и в устроении Града земного.)

1г. Правозащитная и оппозиционная деятельность не может переместиться на Запад, но эмиграция может быть серьезным подспорьем, материальной и моральной базой для деятельности здесь. Прежде всего, задача эмигрантов — добиться от западных правительств выделения фондов, средств для снабжения СССР политической и религиозной литературой, организации таких каналов. Очень важно, чтобы кроме "Свободы" возникли и другие русские радиостанции, где было бы больше представлено национальное самосознание. "Голос Америки", "Би-Би-Си" тоже должны уделять большее внимание именно актуальным русским проблемам, в частности, экономическим правам народа, необъятным привилегиям партийно-бюрократической элиты и др. (Не боясь обострений с СССР, необходимо создать сильную международную организацию, задача которой была бы — поддержка оппозиционного движения в СССР).

2. Я отношусь отрицательно к советскому атеистическому социализму (христианский социализм — вопрос спорный). За 60 лет сов. власти слово "социализм" настолько дискредитировано, что вызывает, как правило, только отрицательные эмоции.

2а. Сближения с рабочим классом власти вряд ли бояться, т. к. до этого нам еще далеко, как до неба. Но власти сейчас бояться всего; этим, в частности, объясняется жестокий разгром СМОТа.

2б. Диссиденты относятся к рабочему классу примерно как интеллигенция XIX века к народу — теоретически ему сочувствует, а практически чуждается и смотрит с высокомерием, презрительной усмешкой (пьянь, чернь). Преодолеть это отношение — насущная необходимость, это можно сделать лишь на путях христианского сострадания.

3. К событиям в Польше я отношусь, конечно, с восхищением и завистью (нам бы так!). К сожалению, информации по западному радио не хватает. Хотелось бы, чтоб этому уделялось внимания больше, даже частностям, деталям, для нас это очень важно. Например, очень интересен вопрос о различ-

ных течениях внутри "Солидарности", об их программах, о программе "Конференции независимой Польши".

За. О рабочей среде я не знаю, но думаю, что рабочие старшего поколения, затюканные советской пропагандой, плохо (хлеб наш жгут!), а молодые рабочие, которые слушают радио, наверно, хорошо. К сожалению, рабочий класс за 60 лет СССР сильно люмпенизировался (пьянка и пр.).

Зб. В диссидентских кругах воспринимают все очень хорошо; конечно, есть опасения насчет вторжения и последующего за ним общего зажима, но это, я думаю, только усилит развал соц. лагеря. В Польше возврат к старому невысказан, это мое глубокое убеждение. Про себя мечтаю — если бы поднялась Чехословакия! Там ведь у рабочих есть контакты с диссидентами. Но это вряд ли скоро случится. А вообще, поживем — увидим.

Зв. Наверно, здесь сказали и особенности общеевропейского рабочего движения, социал-демократии. Но главным образом это, безусловно, исторические особенности польского народа — его глубокий национализм, который даже имеет форму польского мессианизма (польский вариант славянофильства), меньшая степень тоталитаризации, довольно сильное влияние католической церкви, независимой от правительства, пошедшей в последние годы на диалог с диссидентами и вообще оппозиционными к власти группами. Экономическая ситуация, до которой коммунисты довели страну, только ускорила процесс освобождения. На мой взгляд, все это, безусловно, произошло промыслительно, по воле Божией, и в этом есть урок и русской церкви: не все у католиков плохо, есть чему и поучиться.

Зг. События эти — урок наиважнейший для всех оппозиционных групп в СССР. Прежде всего — в том, что только на почве национального единства, на почве объединения всех сил, заинтересованных в обновлении нации, всех, кому дорого слово "русский", может быть достигнуто что-то положительное. Урок одновременно для диссидентов и церкви, ибо эти две силы должны как-то пойти навстречу друг другу и в этом встречном движении видоизмениться; церковь — проявить больше заинтересованности в мирских делах, сменить свой политический курс, а диссиденты — осознать важность

поиска каких-то общенародных, общенациональных ориентиров, восстановления утраченных традиций. В этом отношении, я считаю, очень важен духовный опыт Солженицына, который как раз занимается восстановлением исторической памяти народа, затоптанной и расстрелянной за эти 60 трагических лет.

VI. Данные об опрашиваемом отсутствуют

1. Я не совсем улавливаю разницу между терминами "правозащитное" и "демократическое" и понимаю это так. Потребность многих людей в более основательной десталинизации, чем имела место в "эру" Хрущева, и послехрущевское развитие, т.е. поворот вспять в 1964-65 годах, привели к понятию "правозащитного движения". По Есенину-Вольпину, сталинская Конституция 1936 года составлена достаточно хорошо, остается лишь убедить власти следовать ее букве и тем самым сделать государство правовым. Эта точка зрения в значительной мере основана на представлении, что есть плохой сталинизм и в принципе неплохой ленинизм; положительную направленность ленинизма следует отстаивать в борьбе со сталинизмом. Теперь, в 81 году, мы отчетливо видим, что подобные представления изжили себя, а также, что привить властям уважение к правовым нормам очень трудно, хотя и не безрезультатно. Мы, т.е. те, кто не может принять сталинизм, лишний раз убедились, что живем в государстве, где запрещается даже то, что разрешается.

(Термин "... и демократическое", как я понимаю, отражает тот факт, что законопослушная оппозиция имеет различные оттенки как внутри себя, так и в том, что к ней примыкает — разные национальные движения и т. д.)

Итак, возможно говорить о кризисе цели. Если точнее — локальных целей у разных течений внутри движения достаточно много, взяв хотя бы "Хронику", которая все фиксирует и фиксирует происходящее, но общей идеи, способной сплотить миллионы и стать ключевым фактором (польский вариант), нет.

Движение переживает переломный момент. Его будущее зависит от ряда факторов (в порядке убывания степени важности):

— понимание, что правозащитная деятельность учит

власть уважать собственные законы медленнее, чем убывают ряды тех, кто согласен своей судимостью чему-либо кого-либо учить;

— потребность в том, чтобы политический протест более четко, чем до сих пор, был подкреплен мотивами этического свойства;

— тяга к церкви, а церковь учит спасать душу и уважать власть, что в ряде случаев приводит к довольно неприятному синтезу;

— шквал дезинформации, осложняющий деятельность правозащитников: глушение правительственных(?) радиостанций на русском языке, возобновление практики показательных процессов, ряд саморазоблачений;

— 2% граждан потребляют 98% Самиздата, наступило насыщение и уход в наименее политизированные формы литературы;

— для этих 2% стало осознанным фактом, что за пределами узкого круга Самиздат не существует или неконкурентоспособен, если иметь в виду массовую пропаганду — телевизор и т. д.;

— социальный протест проявляется во все более и более сублимированных формах: усиленное внимание собственным детям (попытка скомпенсировать в следующем поколении), нежелание отдавать ребенка в детский сад, откуда он приносит стихи о Ленине; в пику детским садам создаются частные прогулочные группы; нежелание иметь ребенка вообще. Статистика свидетельствует, что в Российской Федерации нет воспроизводства населения, т. е. русские сокращаются в числе. Эта же гробовая тенденция прослеживается в кошмарной статистике алкоголизма, что можно рассматривать как пассивную форму социального протеста. Парадоксальным фактором является осознанное непротивление неосталинизму: подавляя абсолютно все, большевики истощают страну и рубят сук, на котором сидят. Расчет простой: не мешать им дорубить до конца. Черный юмор.

1а. В терминах, употребляемых генералом Цвигуном, — можно. (Имеется в виду статья в сентябрьском номере журнала "Коммунист").¹ Однако под иным углом зрения поло-

---

1. "О происках империалистических разведок", 1981, № 14:88-99.

жение дел выглядит иначе, и вот как.

В 1972 году "Вестник РХД" опубликовал статью Житникова "Закат демократического движения",² т. е. написанную за 10 лет до настоящего момента. В 1974-м там же, в статье "Идеократическое сознание и личность",³ Нелидов оспаривал тезисы Житникова. Обе статьи достаточно содержательны, из чего можно заключить, что процессы распада начались не в период после высылки Сахарова. Чтобы резюмировать, ссылаюсь на Нелидова: "...Коммунизм нельзя рассматривать как совокупность идей: фактически ведь нет никакого идейного коммунизма, есть большое импульсивно заряженное общество (каким всегда становится тоталитарное общество), и коммунизм есть просто устойчивая форма его одержимости". Резюме: невроз как состояние общества приблизился к порогу, когда объединиться более чем втроем по какому бы то ни было поводу очень сложно.

В этом смысле утрата иллюзий (а также осознание невозможности противопоставить какой-либо контркоммунизм) равнозначна тенденции к хаосу, к энтропии, к тепловой смерти. Делая победные заявления, гебисты, похоже, не догадываются, что завязаны с диссидентами в одной и той же ситуации: устранив диссидентов, они будут иметь дело со все той же самой недужной страной.

16. Эмоциональный шок и временная растерянность, в которой можно надеяться увидеть перегруппировку сил, перестановку акцентов, что обеспечит какую-то иную, пока непонятную, активность.

Неясно, то ли это процесс растекания вширь и как бы ослабления интенсивности, то ли это сублимация, т. е. уход вглубь, в жизнь, невидимую на поверхности. Есть основания считать, что протест не иссяк, а обретает более изощренные формы. Судебными процессами власти научили людей не выставлять себя напоказ. Цепочки, по которым распространяется Самиздат, похожи на нити грибницы, которая развивается медленно, но в должный момент порождает гриб, и тот шляпкой ломает асфальт.

В общем надежда имеется. Но неизбежно уточнение, на-

---

2. К. Житников; № 106: 275-294.

3. Дмитрий Нелидов; № 111: 185-214.

дежду умаляющее: Москва и страна за пределами Москвы резко отличаются по интенсивности диссидентской деятельности. Это можно изобразить в виде концентрических окружностей, своего рода стрелковой мишени: центр, десятка — это Москва в пределах кольцевой автодороги: следующий круг — Московская область с примыкающим к ней 101 километром; единица, ноль — вся остальная страна, в которой преобладают националистические вариации диссидентства. Дело в том, что за последние годы Москва превратилась в законченный супергород, и процессы, происходящие в ней, не характерны для страны в целом. Прежде всего речь идет о том, что в Москве отжили свое сталинские стереотипы мышления; в целом в стране эти стереотипы еще живучи. Итогом сказанного может быть то, что в число важных задач демократического движения следует включить борьбу против дипломатического бойкота международного телевидения со спутников. Ведь надо учесть, что поляки имеют возможность смотреть телепрограммы соседних стран, в советских же условиях телевидение превращено в навязывание стереотипа мышления.

1в. Можно встретить таких, кто не прекращал, а можно и таких, кто и не начинал, но мог бы начать, если бы не активизация властей в 80-м году. Молчаливая толпа, а затем горстка людей, продолжает собираться на Пушкинской площади в годовщину Декларации прав человека, несмотря ни на что. Однако толпа когда-то превратилась в горстку теперь. На первый взгляд, мы видим прекращение активной деятельности. Но только на первый взгляд. Образ мицелия — грибки, невидимой снаружи, — подсказывает, что жизнеспособнее третья из перечисленных тенденций.

Я полагаю, что происходит именно пересмотр основ, причем даже неконцептуально.

Люди в массе устали от идеологии, партийности, программности; важно, чтобы хоть кому-то был внят тупик, в который эту массу вогнали. Некуда деться от признания факта, что выход один — через религиозное обновление. Но не обрядовещерское — ходи в храм, соблюдай посты, — а по сути, по соотношенности вековой традиции с безумством куска истории. Если бы только нашлись те, кто захотел бы соотнести... Опыт Польши показывает, что гражданское мужество церковных деятелей должно быть взаимодополнено высокой этикой деятелей оппозиции.

1г. Эмигранты уязвимы в том отношении, что кроме самих себя они никого не представляют, но зато у них не связаны руки; оппозиционеры внутри в этом смысле пользуются престижем, но стеснены в движениях, а ведь приходится участвовать в перетягивании каната, которое им навязывает пропагандная машина. Стало быть, только взаимодействие и мыслимо.

Хельсинкские группы своим существованием и разгромом показали, что так называемый "дух Хельсинки" — не более, чем миф; чтобы засветить эту мифологию, надо было, чтобы группы оказались разгромленными, а засветив, тем самым они продемонстрировали свою дальнейшую ненужность. Как горбуша после икрометания. Однако геополитическая ситуация вобрала в себя опыт Хельсинкских групп; я считаю, что без существования "третьей волны" это было бы невозможно.

Обстоятельства "третьей волны" все еще слишком необычные. На вопрос "смещается ли деятельность", я не мог бы ответить "да" или "нет".

2. Навязло в ушах. Девальвация термина. Анекдотичность. Со ссылкой на "Литературную газету" (которая в свою очередь ссылается на книгу Х.-Й. Гамма, Мюнхен, издательство "Лист")¹ привожу историю, объясняющую термин.

Англичанин возвратился из Германии к себе на родину. Его спрашивают, что он может рассказать о немцах. — "Что ж, — говорит он, — это люди честные, умные и к тому же национал-социалисты. Вот только никто не бывает наделен всеми этими тремя качествами одновременно. Если немец честен и умен — он не национал-социалист. Если он честен и притом национал-социалист, значит, он не умен. Если же он умен и притом национал-социалист, значит, он не честен".

Наша жизнь сложнее этой схемы. Существует даже кибернетизированный социализм по Турчину;² где-то когда-то промелькнул "социализм с человеческим лицом". Но в любом обрамлении этот термин вызывает у меня лично аллергическую реакцию.

2а. Это было бы очень опасным (с точки зрения властей)

---

1. Hans J. Gamm, "Der Flusterwitz im Dritten Reich", List.

2. См. его кн. "Инерция страха", Нью-Йорк, 1977.

развитием, но не следует переоценивать его вероятность. Ситуация в России гораздо ближе к схеме Оруэлла, чем ситуация в Польше. А по Оруэллу — невозможна диффузия между "внешней партией" и "пролами".

Существует разница между историческими условиями Польши и России, есть разница в инерции интеллектуальной да и просто ньютоновской.

2б. Не могу говорить от имени течений. Смутно представляю, что скоординированности почти никакой. Забастовки в советских условиях не могут быть похожи на стачки царских времен или в условиях буржуазно-демократических. Это стихийное проявление недовольства массы без зачинщиков, которых нет и не могло быть, потому что если бы проявления недовольства начались с них, то администрация быстро выявила бы и пресекла в корне.

3. Длинный список положительных эмоций.

Вспоминается то обстоятельство, что 10-15 лет известно изречение: "Лагерь социализма, где Польша — самый веселый барак".

С замиранием сердца думаю о том, введут или не введут войска.

Есть надежда, что обойдется без этого: Папа — поляк, Чеслав Милош — нобелевский лауреат, афганский скандал — все это делает Польшу не такой уж незащищенной.

3а. По-моему, плохо: "Работать не хотят; они, поляки, и раньше нас объедали, а теперь еще больше". Но говорит это, прежде всего, о стереотипе мышления и недостатке информации. Интересно процитировать уже высказанное в ответ на эту анкету: "Он [народ] самоидентифицируется с властью перед лицом "врага внешнего" (США, Китай, бунтующие поляки) и перед связываемым пропагандой с "внешним врагом" "врагом внутренним". Имперская идеология и психология являются сильнейшим фактором, сплачивающим народ и власть в единый блок". Я возразил бы на это, что самоидентификация подстроена властью и существует благодаря дезинформации. Если будет глобальное телевидение, "единый блок" распадется.

3б. Как приятное разнообразие в застойной ситуации, когда только и делают, что ссылают, высылают, сажают, не

выпускают.

Зв. Специфики в польской истории более чем достаточно: отсутствие центральной власти в предпоследние три века, отсутствие политической самостоятельности последние полтора века (исключая 1919-39 гг.), стесненное положение между двумя империями — Россией и Рейхом. Но все это — фон, фоновый фактор — традиционная антироссийская направленность и обращенность к Западу; национальная сплоченность перестрадавшего народа, активная неприязнь к любого рода "освободителям".

Непосредственный ответ на вопрос таков. Да, успехи поляков можно объяснить спецификой их условий. Специфика в следующем:

а/ тоталитаризм не подавляет собой все, как в Союзе;

б/ церковь действительно независима от государства и играет важную роль;

в/ церковь католическая, терпима к новациям, к устремленности в земные дела;

г/ за десятилетие после Гомулки интеллигенция проделала большую культурную работу, что и привело к 10-миллионной "Солидарности".

Зг. И да, и нет. "Нет" — очень разный опыт. "Да" — выявлен алгоритм, который можно пытаться улучшить, приспособить.

Мы находимся в более глубокой яме, чем поляки. Выход примерно таков же, но требует большей психологической подготовленности. Осознать, рассчитать усилия, вести затяжную борьбу. Полякам потребовалось 10 лет. Русским потребуются неизвестно насколько больше, но гораздо больше.

VII. Философ, женщина, 45 лет, Москва

1. Я думаю, что положение действительно достаточно серьезно: с одной стороны, все усиливающееся давление властей, а с другой, очень слабая связь движения с населением страны создают тяжелейшую обстановку для движения. Я убеждена, что со времени своего возникновения движение не потерпело ни духовного, ни интеллектуального, ни нравственного упадка, однако условия его физического существования постоянно ухудшаются. Движение может просто физически исчезнуть — одних выпихнут на Запад, других

ушлют в ссылку, третьих — в лагерь. В его оппозиции властям и противостоянии КГБ движению не на что опереться — оно не имеет массовой поддержки среди населения. В настороженном отношении к движению тех, кто черпает информацию о движении из советских газет (а таких большинство), в слабом притоке новых людей в движение.

Слабая связь движения с населением — не его вина, а его беда. Рабочая часть страны, видимо, почти бессознательно заняла позицию пассивного сопротивления строю: страшный алкоголизм, разворовывание всего, что попадает под руку, безразличное, а подчас и издевательское отношение к работе. Но такого рода пассивное сопротивление наряду с бездарной экономической политикой властей ведет к краху экономики, а не к каким-либо конструктивным изменениям в стране. К тому же значительная часть населения заражена националистическими и имперскими предрассудками, предана даже не столько властям, сколько государству как таковому. Нехватка продовольствия, бешеная инфляция возбуждают население не против государственных властей, а против друг друга. В Москве в очередях, как правило, виновниками создавшегося положения считают не власти, а иногородних, которые "помногу берут", или страны, которым мы оказываем "помощь": Кубу, Чехословакию, Польшу и т. п. Слепота населения проявляется и в бурно нарастающем сейчас желании видеть у власти "настоящего хозяина"; культ Сталина, по-моему, оживает не столько сверху, сколько снизу. Сюда же надо добавить почти полное отсутствие правосознания у большинства населения — борьба за свободу высказывания своих убеждений и за право пользоваться полной информацией воспринимается значительной частью населения как недопустимое выпадение из общего порядка.

Реальные проблемы, возникающие сейчас для движения, связаны, по-моему, с этими двумя факторами — давлением властей и отсутствием поддержки населения.

а/ В связи с первым фактором все чаще встает вопрос о конспиративных формах движения. Однако практическое осуществление нелегальных форм при малом количестве диссидентов и их никакой "оснащенности" техникой (ксероксами, типографиями, даже магнитофонами и пишущими машинками) и при громадной разветвленности КГБ очень затруднительно. Этот вопрос, я думаю, решается не

столько усовершенствованием конспиративных форм, сколько расширением движения. Заставить власть "уважать" собственные законы невозможно, ее можно только заставить соблюдать их, а для этого за правозащитным движением должна стоять реальная сила — моральная и практическая поддержка населения, а ее сейчас нет. Власти сдерживает сила оппозиции, а не собственное правовое сознание, которым они (по крайней мере советские власти) не обладают.

б/ Что касается второй стороны дела — связи с населением, то, как мне кажется, здесь требуется выработка новых форм самиздатской литературы. "Хроника текущих событий" — этот героический подвиг ее создателей и тех, кто сейчас со страшным трудом ее продолжает, — почти неизвестна населению. Да если бы и была известна, это ничего бы существенно не изменило. Для массового советского человека узнать, что еще кого-то посадили "за антисоветскую агитацию и пропаганду", с его неразвитым правовым сознанием — значит лишний раз убедиться, что власти сажают "за дело": "Что ж, — говорит он, — их, диссидентов, по головке гладить за то, что они против нас?" Поэтому я думаю, что "Хроника" должна быть дополнена "популярными" изданиями, в которых дается ясная информация и разъяснения по поводу, например, войны в Афганистане, свободных профсоюзов в Польше, экономического положения в стране, постановки образования и медицинского обслуживания, нашей системы выборов, лживости официальной идеологии и информации и т. д. Кроме того, необходимы "популярные" теоретические работы, например, серия статей, объясняющая, что такое тоталитарное государство и формы оппозиции ему, что собой представляют гражданские права, как строится реальная экономика и т. д. Объяснять надо с азов, принимая во внимание политический и правовой уровень нашего населения.

Конечно, вопрос о реальном создании таких серий и их распространении упирается в ту же проблему, что и все диссидентское движение — в слабую связь с населением; получается замкнутый круг: без поддержки населения нельзя создать издание такого рода работ, а без них невозможно получить поддержку населения, но я думаю, что попытки в этом направлении предпринимать необходимо.

1а. Не думаю, что диссидентское движение разгромлено — оно существует. Кстати, полагаю, что очевидным при-

знаком физического истребления диссидентского движения будут массовые репрессии по образцу сталинских, когда хватают преимущественно невиновных в каком-либо "образе мыслей", т. к. "виновные" уже истреблены. Когда нет реальной оппозиции, начинается превентивный террор, по своей природе носящий массовый характер, ибо речь уже идет не об искоренении действительных убеждений, а об искоренении возможности их появления, т. е. о создании атмосферы всеобщего страха. Пока этого еще нет, и для меня это служит негативным свидетельством того, что диссидентское движение еще влияет на общую атмосферу в стране. Но существуют и позитивные свидетельства — есть "Фонд", есть "Хроника", есть Группа "Хельсинки", действует религиозное движение.

Что же касается того, можно ли говорить об идейном разгроме диссидентского движения, то думаю, что и его нет. С самого начала своего возникновения движение, по-видимому, не возлагало особых надежд на коренную перестройку положения в стране. Практическое значение движения связано не с надеждами такого рода, а с тем, что в духовную жизнь страны вошло совершенно новое явление — люди, которые, будучи готовы к любым преследованиям и даже физической гибели, открыто высказывают свои убеждения, помогают пострадавшим, требуют соблюдения гражданских прав. Это утверждение себя в качестве нравственного и правового лица столь необычно для нашей страны, что оно имело и имеет громадное нравственное, духовное и политическое значение для нашего будущего и нашего настоящего. Несмотря на отчужденность большинства населения, это влияние бескомпромиссной нравственной и гражданской позиции стало фактом нашей жизни, и в этом его смысл. В этом отношении никакого разгрома нет — диссидентство стояло и стоит на позиции своей моральной и правовой обязанности сопротивляться репрессиям и нарушениям гражданских прав.

16. Власти создали для диссидентства невыносимые условия, но не добились ни его идейного, ни его физического разгрома. И перестанет ли диссидентское движение существовать в будущем? Если и перестанет, то, по моему мнению, только вместе с введением массового террора — в результате физического уничтожения. Однако массовый террор во времена Сталина проходил на общем фоне индустриализации страны, создания хоть и уродливой, но все-таки

экономики (эту индустриализацию можно с рядом оговорок сравнить, по-видимому, с периодом первоначального накопления). Сейчас же, если начнется массовый террор, то он будет проходить на фоне очевидного распада экономики, и всеобщая деморализация населения, атмосфера тотального страха неизбежно ускорит этот экономический распад. Если при Сталине с помощью принудительного труда что-то строилось, то теперь принудительный труд будет только разрушать. Именно сталинский принудительный труд заложил основы того отношения к работе, которое теперь проявляется в повальном ничегонеделании, разворовывании, спекуляции и взяточничестве, и растущая деморализация населения только усугубляет это отношение. К чему это приведет, трудно даже представить — уже сейчас почти вся страна голодает, правительство не в силах ввести повсеместно даже самое скудное обеспечение населения продовольствием с помощью карточной системы. Массовый террор закончит дело: тогда, по-видимому, вопрос будет уже стоять не о диссидентском движении, а о простом физическом выживании людей.

1в. Вопрос об активности правозащитного движения — неоднозначный вопрос. В смысле морального накала оно всегда было очень активным, и этот моральный накал ничуть не уменьшился в настоящее время. Что касается политической активности, то, насколько я знаю, диссидентское движение никогда не ставило вопрос о строе как таковом. Не ставило вопрос так: тоталитарное государство, правительство которого не выбирается и не смещается своими гражданами, не может и не будет соблюдать гражданских прав, ибо соблюдение последних означает крушение тоталитаризма. Из такой постановки вопроса должна была бы вытекать целенаправленная борьба за введение в законодательство форм давления гражданского общества на государство и правительство: посредством реального обеспечения свободных выборов, отмены цензуры, свободы прессы и т. д. Наше же диссидентство, насколько я знаю, никогда не вело такого рода борьбы против цензуры, за свободные выборы, за изменение законодательства в отношении статей 190-1 и 70 УК РСФСР и соответствующих статей республиканских кодексов, за право на забастовки и демонстрации. Поэтому такого рода политическая активность не испытывает спада —

ее, по-моему, никогда не было.

Если же говорить об иной основе борьбы за права человека в нашей стране, то мое глубокое убеждение (но это мое личное убеждение, я не слышала сходных мнений) состоит в том, что, если движение хочет сохранить себя, оно должно осознать, что защита прав человека у нас возможна реально только на почве предъявления правительству политических и законодательных требований: проведения действительной, а не фиктивной предвыборной кампании, отмены цензуры, введения свободных профсоюзов, пересмотра законодательства.

1з. Если диссидентская деятельность полностью переместится на Запад, то она просто не будет иметь какого-либо значения для нашей страны, хотя бы потому, что для Запада будут перекрыты все источники информации о положении дел у нас. Далее, "Колокол" ГЕРЦЕНА только потому и имел значение для России (кроме значения исторического источника), что опирался на оппозицию (легальную и нелегальную) внутри страны. Да и сама эта оппозиционная эмиграция, лишенная обратной связи, по моему мнению, неизбежно захиреет. Правительство это прекрасно понимает, поэтому оно и выпихивает на Запад тех, кто для нее опасен здесь. Исключение — академик Сахаров, но вполне может быть, что его держат здесь в качестве заложника. Правительство комбинирует методы борьбы с оппозицией, одних высылает за рубеж, других высылает внутрь страны, третьих сажает в лагеря, но все эти меры одинаково действенны для истребления диссидентского движения.

2. Я думаю, что прежде всего это значит четко сознавать, что никакого социализма в России нет и не было. Отнять предприятие у частного собственника совсем не означает еще передачи его в руки рабочих. У нас собственность прямым образом попала в руки государства, а это значит, что рабочий остался в положении наемного работника, что противоречит марксовской идее социализма. Более того, государственная собственность на промышленность — худший из видов собственности, ибо, кроме других средств насильственного воздействия на народ, государство получило еще в свои руки и экономику. В руках государства все — расценки и нормы, условия приема и увольнения, условия труда и продол-

жительность рабочего дня. Рабочий не участвует ни в чем — какой же это социализм? Можно обсуждать идею социализма, можно критически ее анализировать, однако отправной точкой такого анализа, я думаю, является осознание разницы между общественной собственностью, как ее понимал Маркс, и государственной, как это имеет место у нас. Наша отечественная слепота в этом отношении — проявление старого русского заблуждения, что государство и гражданское общество одно и то же. Поэтому у нас до сих пор принимается на веру болтовня об общенародном государстве — рабочий больше не имеет реального врага в лице капиталиста, а считает своим врагом государство — на это надо слишком много душевных сил, да и, кроме того, некоторое знание основ экономики, политики, истории.

2а. Считаю, но боюсь, что особых надежд на сближение пока нет. Может быть, потому, что наш рабочий пока очень мало интересуется своими правами "человека и гражданина", что же касается его права как работника, то правозащитное движение, по-видимому, уделяло и уделяет этому слишком мало внимания. Мне кажется, что в интересах этого сближения правозащитное движение должно создать группу защиты экономических прав рабочего со своим бюллетенем и своей "Хроникой".

3. До введения в Польше военного положения относилась с большими надеждами; сейчас думаю, что на некоторое время рабочее движение в Польше прервано. Любопытна реакция на события в Польше официальной прессы. Не говоря уже об откровенной лжи и подтасовке фактов, искреннее возмущение прессы, отражающее, конечно, правительственную реакцию, очень характерно для нашего "социализма": "страна социализма" возмущена тем, что рабочие пытались хотя бы частично взять производство под свой контроль. "Первое в мире пролетарское государство" впало в истерику от того, что пролетариат попытался реализовать свои права. Дело в том, что наши власти, по-видимому, все-таки знают, "чье мясо кошка съела", знают, что прежде всего они узурпировали права рабочих и существуют за счет этой узурпации, осуществляя ее как политическое, правовое и экономическое насилие внутри страны.

3а. Мне рассказывали, что рабочие поголовно относятся к

событиям в Польше очень сочувственно; например, между собой говорят, когда недовольны администрацией: "На вас бы Польшу", или с горечью: "Мы не в Польше". Но по роду своих занятий я не имею постоянных контактов с рабочими, а при случайных трудно рассчитывать на доверие, которое в нашей запуганной стране вообще очень редкое явление. Что же касается интеллигента-обывателя, то реакция была, как правило, отрицательной: "Что вы, это же анархия, разве можно допустить анархию". Или: "Мы за них кровь проливали, а они..." Только очень небольшая кучка интеллигентов страстно переживала и сочувствовала событиям в Польше, но поскольку она вложила в это дело очень много эмоций и надежд, то сейчас — после введения в Польше военного положения — она переживает упадок духовных сил.

Зб. Насколько я знаю, вполне однозначно — с громадным сочувствием.

Зв. Ну, о "фактической победе" после введения военного положения в Польше уже вряд ли можно говорить; что касается польского рабочего движения, то я действительно думаю, что историческая судьба Польши определила дух народа, который уже не раз проявлял себя, и я глубоко верю, что проявит в ближайшем будущем. Историческая судьба нашего народа и дух народа, с нею связанный, привели к тому, что даже Пушкин в свое время по аналогичному поводу пишет "Клеветникам России", "Ответ г-ну Беранжеру", к тому, что Достоевский ненавидит поляков, к тому, что современная интеллигенция в основном отрицательно относится к "Солидарности".

Кроме того, польское общество является, по-видимому, гораздо более сплоченным, чем наше, поэтому интеллигенция с ее естественным свободомыслием и правовым сознанием активизирует рабочий класс, а тот в свою очередь своей готовностью к действиям придает силы интеллигенции. Сплоченность эта объясняется острым национальным чувством, которое сфокусировано на борьбе за свою независимость, у нас же оно проявляется (за исключением острых национальных ситуаций типа второй мировой войны) в основном как поддержка правительства в его имперских устремлениях, будь это подавление движения в Венгрии, Чехословакии, вторжение в Афганистан и т. п. К нам, нынешним, вполне

относятся слова Льва Толстого по поводу той же Польши (рассказ "За что?"): "Опять бессмысленно повинующиеся десятки тысяч русских людей были пригнаны в Польшу и... сами не зная, зачем они это делают, пропитав землю кровью своей и своих братьев поляков, задавили их и отдали во власть слабых и ничтожных людей, не желающих ни свободы, ни подавления поляков, а только одного: удовлетворения своего корыстолюбия и ребяческого тщеславия".

Что же касается церкви, то католическая церковь сохраняет определенную независимость по отношению к государству, оказывая соответствующее воздействие на народ; православная же церковь давно сервильна по отношению к государству, поэтому верующий русский в оппозиции против государства не может опереться на свою церковь.

ОТВЕТЫ НЕЗАВИСИМОГО АЛЬМАНАХА «ВАРИАНТЫ» (МОСКВА) НА ВОПРОСЫ ЖУРНАЛА «АЛЬТЕРНАТИВА» (ПАРИЖ)*

ВОПРОСЫ ЖУРНАЛА «АЛЬТЕРНАТИВА»

1. Репрессии, имевшие место в 1979-80 и все еще продолжающиеся, у вас часто определяются как "невиданные", иногда даже говорят о ресталинизации. На чем основаны эти оценки? Почему "невиданные"?

2. Как можно, по-вашему, объяснить эту волну репрессий? Сыграли ли в этом определенную роль дифференциация, которая произошла в правозащитном движении, экономические трудности, отношения с Западом, события в Афганистане и Польше?

3. Какова реакция диссидентов на репрессии? Что могло бы препятствовать эффективной и единодушной реакции?

4. Какую роль сыграло в репрессиях прошлых лет отсутствие или слабость поддержки Запада (со стороны правительств, со стороны общественного мнения)? Что вы думаете об этой поддержке и о формах, в которых она выражалась в последние годы?

5. Можно ли сегодня говорить о разгроме диссидентства, о внутренней его слабости, связанной с его ориентацией, о кризисе диссидентства?

6. Сохраняют ли главные правозащитные группы какую-либо дееспособность? Пользуются ли они поддержкой общественного мнения, хотя бы потенциальной?

7. Не приведет ли это к переоценке доминирующей в диссидентстве концепции власти?

8. Является ли польский опыт предметом дискуссий в демократическом движении? Какие, по-вашему, уроки можно извлечь из этого опыта для вашей страны?

9. Можно ли ожидать нового подъема движения после того упадка, который оно переживает сегодня? Каков будет

---

* Французский перевод см. в журн. "L'Alternative", 1982, № 15, с. 7-12.

Независимый общественно-политический альманах "Варианты" издается с конца 1977 г. при сотрудничестве групп и лиц социал-демократической, социалистической и "еврокоммунистической" ориентации.

исход: "новое" диссидентство или радикально иное явление?

10. По некоторым как тамиздатским, так и самиздатским текстам можно заметить, что бывшее исключительно отрицательное отношение к Сталину и сталинизму сейчас выражается не столь определенно. Является ли это характерным и для общественного сознания?

11. Можно ли ожидать какого-то сближения определенных течений дем. движения с властью, и на какой основе? Не являются ли показательными в этом отношении недавние заявления некоторых диссидентов на судебных процессах?

12. Что вы думаете об эмиграции? Перекликается ли процесс ее становления, как и дискуссии в кругах эмиграции, с тем, что происходит у вас в стране?

ОТВЕТЫ АЛЬМАНАХА «ВАРИАНТЫ»:

1. Число арестованных оценивается примерно в 200 человек — это больше, чем в любой иной период после 1956 г. Но дело не столько в количестве, сколько в той возросшей легкости, с которой стали выдаваться санкции на арест. Именно в этот период решение об аресте меньше всего зависело от конкретных действий, совершенных тогда репрессированными, а определялось исключительно политической конъюнктурой.

Потери, понесенные диссидентством (главным образом его правозащитным крылом), весьма ощутимы: с помощью угроз, арестов и высылки как на Восток, так и на Запад были принудительно пассивированы чуть ли не последние лидеры правозащитного движения времен взлета его авторитета. Особняком здесь стоит только А. Д. Сахаров, масштабы личности которого выводят его из рамок правозащитного движения и делают нравственным лидером всего диссидентства, понимаемого как любое активное инакомыслие в различных сферах жизни (ссылка Сахарова — нечто среднее между концлагерем и свободой при обвинениях, практически, в "измене родине" — результат, видимо, сложного компромисса в верхах; Сахаров продолжает оставаться заложником Запада).

Репрессированы были Сахаров, Великанова, повторно братья Подрабинеки — то есть люди, получившие широкую известность. С другой стороны, репрессировано много верующих (стоящих от политики несравненно дальше, чем диссиденты в узком смысле слова), желающих только обсуждать

проблемы своего вероучения, соблюдавших все советские законы не хуже прочих лояльных граждан.

Таким образом, репрессированы как наиболее неудобные для власти люди, так и наименее для нее опасные. Эта дифференциация очень заметна. Можно даже сказать, что ударили по авангарду и арьергарду недовольных. А значит, столкновение с главным ядром, с рядовыми активистами движения еще предстоит. Состав репрессированных определяется во многом тем, как производились аресты: КГБ пошло по пути, самому простому для себя, но произведшему наихудший для престижа государства резонанс на Западе, — арестовывались либо те, на кого уже было собрано досье, либо те, кто поступал неосторожно. Репрессии 79-80 гг. можно сравнить с "отложенным спросом" — репрессированы были в значительной степени те, кого хотели бы репрессировать раньше, но не делали этого по внешнеполитическим или иным соображениям. Кстати говоря, сказанное в этом абзаце свидетельствует, что разговоры о возвращении сталинских времен — явное преувеличение: репрессии не являются в действительном смысле массовыми, обрушенными на "виноватых" и на невиновных.

Ничего неожиданного в этой волне репрессий в общем-то нет. Власть в нашей стране не может без них существовать. А информация о стремлении аппарата КГБ (особенно низового и среднего звена) активизировать репрессии просачивалась довольно давно, вопрос состоит только в том, когда и почему это стремление было поддержано и оформлено высшим партийным руководством.

2. Вряд ли кризис разрядки был *причиной*, но он, несомненно, развязал властям руки, позволил удовлетворить тот "отложенный спрос", о котором сказано в ответе на 1 вопрос. Экономические трудности прямого влияния, видимо, не оказали, нарастают они постепенно и осознаются советским руководством не в полную меру, хотя очень убедительной выглядит и такая цепочка рассуждений: экономические трудности ведут к обострению социальной напряженности в *перспективе* и к активному массовому недовольству — необходимо заблаговременно выбить актив, потенциальных лидеров. Осмысление властями польского опыта, несомненно, идет именно в этом направлении. Из структурных изменений в диссидентстве следует сказать о расколе правозащитного

движения на конфронтующие группировки, связанном с тотальной инфильтрированностью легального диссидентства, — они не были причиной репрессий, но были активно использованы властями для дискредитации движения.

3. Ответ был традиционным — коллективные и индивидуальные письма протеста, выступления в вольной печати, — и традиционно незначителен был отклик внутри страны. Другого трудно было и ожидать. К сожалению, никакой активной помощи уничтожаемому и дискредитируемому правозащитному движению другие направления диссидентства оказать пока не могут. Не потому, что чувства солидарности не хватает, а из-за мизерной эффективности нелегальной пропаганды, не обладающей достаточной материально-технической базой. *Создание последней выдвигается как актуальнейшая задача.*

4. Мы высоко оцениваем моральную поддержку нашего дела всеми демократическими силами, общественными и политическими, Запада. Но будем реалистами: никакая общественная поддержка нашими правителями практически не принимается во внимание, разве что опосредованно — на уровне межправительственных отношений. Относительная неприкосновенность диссидентов и иных заложников в 70-х гг. была буквально куплена западными правительствами, и не нам осуждать их за отказ удовлетворить все возрастающие аппетиты советского руководства. Следует также иметь в виду, что правительственное давление может быть эффективным (и то ограниченно) только в условиях разрядки, в условиях же конфронтации оно оказывается контрпродуктивным — государство легко обращает общественное мнение против тех, кто "сотрудничает с врагом" (черносотенное общественное мнение против интеллигенции, евреев, диссидентов...). Это общая черта авторитарных и тоталитарных режимов — вспомним франкистскую Испанию 1945-46 гг. или Чили после осуждения режима в ООН в 1978 г. Да и степень зависимости советского руководства от внешнего мира не следует преувеличивать — оно без особых раздумий пожертвует жизненным уровнем народа для сохранения своей власти. (Впрочем, Польша показала нашему руководству, что нельзя отбирать слишком много сразу.) Единственной, пожалуй, областью, где эта зависимость заметна, является техно-

логия, особенно с выходами в военную область, так как с этим связано положение СССР как мировой державы. (Здесь необходимо учитывать, что технологические новшества в СССР получаются не столько путем нормальных закупок лицензий, патентов, "ноу хау" и т. д., сколько "сдиранием" всеми правдами и неправдами доставаемых западных образцов.)

Что касается поддержки общественного мнения, то необходимо прежде всего внимание ко всем, кто решается на протест, и постоянное разоблачение того государства, в котором мы живем. В последнем жизненно заинтересованы прежде всего левые силы Запада, страдающие от отождествления их с т. н. "реальным социализмом". Желательно также, чтобы большее внимание уделялось не защите борющихся здесь, а помощи этой борьбе (техникой, литературой и т. д.). В конце концов, в СССР все нормальные люди, вступая на путь оппозиционной деятельности, понимают, на что они идут, и лучшей наградой им служат реальные плоды их работы, а не достаточно эфемерные для подавляющего большинства гарантии безопасности. Мы считаем, что в западной печати вопрос солидарности с нашей борьбой был правильно поставлен, в частности, Fernando Claudin в статье "Советский экспансионизм" (ж. "Zona abierta", № 2-3, 1980). Также мы положительно оцениваем публикации в западных левых журналах работ представителей восточно-европейских оппозиций (особенно в журналах "New Left Review", "Das Argument", "Neues Forum"). Хотелось бы, чтобы подобные материалы шире публиковались в изданиях, связанных с социал-демократией. Важным событием мы считаем и участие восточно-европейских оппозиционеров в коллоквиуме о пост-революционных обществах, организованном в ноябре 1977 г. газетой "Il Manifesto".

5. О разгроме диссидентства (понимаемого, повторяем, в широком смысле) говорить преждевременно. Серьезный удар нанесен в основном по его правозащитному крылу, значение и известность которого до сих пор были наибольшими.

Кризис же диссидентства в его традиционных формах несомненен. Его эффект был в значительной степени связан с тем, что это было первое в нашей послевоенной истории независимое от государства общественное движение, а сейчас эффект новизны утрачен: о диссидентстве уже не гово-

рят даже в салонах. В среде московской интеллигенции оно в значительной степени замкнулось в себе.

Оказалась низка и эффективность установки традиционного диссидентства на преимущественное развитие легальных и полуправовых общественных организаций — правозащитное движение в слишком большой степени вынуждено было быть самозащитным. Не оправдало себя и подчеркивание неполитического характера движения многими диссидентами. Они исходили из принципиального отказа от борьбы за власть, выступали за ограничение борьбой лишь против злоупотреблений власти, против нарушений властью собственных законов (один русский социал-демократ начала века определил сходную позицию русских либералов как "законопослушную оппозицию незаконной власти"). Хотя правозащитники понимают, что злоупотребления — неотъемлемое свойство соответствующей власти, они политически разоружаются перед ней, надеясь приобрести взамен легальность и сочувствие не только политически родственных групп на Западе, но всего общественного мнения Западе, воспитанного на либеральных традициях. Им удается мобилизация западной общественности, разочарованной перерождением эмансипаторских тенденций первого "социалистического" государства. Однако за этот успех диссиденты платят своей зависимостью и от властей, и от конъюнктуры западной печати. Они попадают в деликатную ситуацию "репрессивной терпимости" (по Маркузе) на Западе и одновременно репрессивной нетерпимости (уже без кавычек) в СССР. Общественное сочувствие — сознательно поставленная предельная цель. Отклик в широкой печати — предельное к ней средство. Открытость — исключительное для нее условие. Легализация — навсегда ставит их вне советского общества и вне конспирации.

В современном же мире без поддержки политических (пусть оппозиционных) сил на многое рассчитывать не приходится. Выходом из кризиса диссидентства может стать создание в обозримом будущем политических организаций разных направлений и обращение к "низам" с конкретными социальными программами.

6. Диссидентское движение неоднократно подтвердило свою неуничтожимость, что связано, видимо, с его глубокими объективными корнями. К тому же в нашей стране всегда

существовала субъективная обусловленность подобных движений — на отсутствие энтузиастов-мучеников Россия никогда пожаловаться не могла.

Что касается дееспособности диссидентского движения (прежде всего, правозащитного его крыла), то ее можно определить как составляющую четырех факторов: масштаба личности, интенсивности работы, связей с иностранными корреспондентами, информационных связей внутри страны. КГБ, видимо, сходным образом оценивает дееспособность и соответственно проводит аресты. Можно сказать, что на свободе еще остались люди, способные много и самоотверженно работать, но организаторов среди них меньше, чем литераторов. Именно по организаторам пришелся наиболее тяжелый удар. Но связи внутри страны восстанавливаются и развиваются. Контакты с иностранными корреспондентами сейчас поддерживают менее представительные участники движения. Оставшиеся на свободе, считающиеся на Западе известными диссидентами, Рой Медведев и Игорь Шафаревич сами себя так не называют. В нынешней ситуации они проявляют разумную и необходимую осторожность, занимаясь своим делом.

Целиком была репрессирована рабочая группа по контролю за использованием психиатрии в политических целях. Некоторые частично репрессированные группы переживают внутренние трудности. Но в целом структура правозащитного движения сохранилась. Хотя бы один оставшийся на свободе участник той или иной группы потенциально является создателем новой по составу группы и должен стремиться эту потенцию реализовать. Труднее оценить движение в политическом течении диссидентства, работающем в глубоком подполье.

Одновременно это течение обладает большими шансами в борьбе за получение общественной поддержки. Резервы ее, разумеется, есть, но, чтобы их получить, нужна громадная работа и изменение общего духовного климата в стране. До сих пор, несмотря на всю ненависть народа к "начальству", он самоидентифицируется с властью перед лицом "врага внешнего" (США, Китай, бунтующие поляки) и перед, связываемым пропагандой с внешним врагом, "врагом внутренним". Имперские идеология и психология являются сильнейшим фактором, сплачивающим народ и власть в единый блок. И глав-

ный урок олимпийского года заключается как раз в реакции населения на бойкот Олимпийских игр, в основном совпадающий с реакцией правительства (несмотря на довольно критическое отношение к проведению игр в Москве, проявившееся в массе анекдотов). Перспектива распада этого блока в современных условиях может быть связана с ситуацией типа афганской войны — длительные, безнадежные военные действия, убивают наших парней — за что? и т. д. И уже сейчас необходима *ориентация на низы* в повседневной работе — разоблачении конкретных социальных зол (воровство начальства, экологические и экономические преступления, вопиющая бесхозяйственность и неэффективность) с выдвиганием *конкретных* альтернатив.

7. Трудно сказать, есть ли в диссидентстве доминирующая концепция власти. В традиционном диссидентстве заложено глубокое противоречие: при почти *тотальном* отрицании власти с этической точки зрения, оно на практике стремилось лишь к *ограничению* власти ею же установленными законами. Мы же считаем, что необходимы глубокие общественно-политические и экономические преобразования, направленные на демократизацию советского общества, но вместе с тем исходим из необходимости более дифференцированного и историчного подхода к оценке существующей власти.

Как ни печально это признавать, но существующая власть в целом органична советскому обществу, которое во многом ею же и сформировано. Лишь, пожалуй, в области культуры общество стало вырываться вперед (не случайно популярность разного рода неофициальных произведений литературы и искусства, неофициальных культурных движений несравненно больше, чем популярность диссидентства).

Второй фактор, который следует учитывать, — внутренняя неоднородность власти. Высший ее эшелон порой даже превосходит общество в целом по "модернизаторской ориентации" и гибкости: это связано с меньшей, чем, скажем, у основной массы госаппаратчиков, боязнью потерять привилегии, с более четким осознанием ответственности за место страны в мире (единственный, наверно, случай, когда имперская идеология может играть относительно прогрессивную роль) и даже (по крайней мере у части экспертов, этот эше-

лон обслуживающих) более реалистическим представлением о положении в стране и мире.

Но робкие реформистские поползновения "верхов" (когда они есть) разбиваются о косность и консерватизм среднего звена, активно осуществляющего свое право "бюрократического вето", как при подаче информации "наверх", так и при исполнении распоряжений, "оттуда" исходящих. Среднее звено не заинтересовано ни в каких изменениях в направлении большей рациональности и эффективности.

8. Уроки польской революции многогранны и пока, к сожалению, власть может их усвоить более успешно, чем оппозиция. Верхний эшелон власти не может не понимать объективного свойства социально-экономической ситуации во всех странах Восточной Европы и закономерности польского взрыва. Противоядием от него могли бы стать реформы сверху. Но путей, которые могли бы обеспечить плавное проведение преобразований, при политике *сытых овец и целых волков*, практически не существует. Неэволюционные же пути (например, обращение "верхов" к "низам" через голову среднего звена — а la "великая пролетарская культурная революция") не обеспечивают ни преемственность политического режима, ни сохранение стратегического равновесия с Западом. Реально же получается ситуация d'impasse, когда пытаются не допустить создания субъективных предпосылок открытого кризиса (выбивание потенциальных лидеров, в частности).

Вообще, в анализе польской революции следует подчеркнуть, что большую роль сыграли не экономические трудности (они являются скорее фоном или катализатором событий), а протест против социальной структуры сословного характера, потрясающей коррупции, неэффективности управления и т. д. Конечно, до польского уровня нам еще расти и расти (следует ведь учитывать и то, что Польша была наименее тоталитарным обществом в Восточной Европе), но для нас главный урок должен быть следующим — искать основы для своей деятельности в реальных (и не "вообще", а детально рассмотренных) нуждах общества, вести конкретную политику и выдвигать выполнимые (или кажущиеся таковыми) программы. Нужна оппозиция не только моральная (Сахаров), не только ретро-утопическая (Солженицын), не

только коммунистически-утопическая (Медведев), но и *конкретно социальная, конкретно политическая*. Ибо до сих пор, увы, секретарь райкома несравненно ближе к реальной повседневной жизни, чем Сахаров и "хельсинкцы". Ну и конечно, один из уроков Польши — необходимость сочетать массовое движение со скрыто созданными структурами общественных и политических организаций.

9. Отчасти ответ на этот вопрос уже дан выше нами. Предстоящий период можно охарактеризовать как вызревание новых форм, возможностей и масштабов оппозиционной работы. Расширение ее направлений: рядом с традиционным (правозащитным) диссидентством будет шириться создание разного рода легальных неконформистских (прежде всего молодежных) клубов, движений, организаций и т. п.; активизируется деятельность подпольных политических групп, среди них наметится тенденция к созданию объединений партийного типа; станет достаточно распространенным явлением оппозиционная деятельность профсоюзного характера. Поддерживая все эти движения, мы считаем для себя важнейшим делом работу по сплочению всех сторонников демократического социализма.

В случае дальнейшего усиления репрессий возможны и проявления индивидуального террора со стороны автономных групп. Такие проявления мы не одобряем, считая их политически вредными.

Переход на нелегальные рельсы (при использовании всех легальных возможностей) мы считаем перспективным и прогрессивным явлением. Создание нелегальных структур, организационных и технических, придаст дополнительную прочность всему оппозиционному движению. По сути дела, это не пересмотр, а развитие прежних диссидентских установок в изменившихся условиях. И начался он существенно раньше указанного в вопросе срока.

10. Место Сталина и сталинизма в советском общественном сознании не поддается однозначной оценке. Наиболее общей чертой организованной оппозиции является антисталинизм, и здесь попытки отдельных авторов апологетировать Сталина, ничего, кроме презрения, не вызывают. Иначе обстоит дело с массовым сознанием. Конечно, портретики Сталина часто являются лишь выражением эпатажа, но и за этим стоят глубокие причины. Следует разделять попытки

власти использовать реабилитацию сталинизма для укрепления режима и явление, которое можно было бы назвать "народным сталинизмом", несущее немалый заряд социальной (пусть слабо осознанной) оппозиционности (можно вспомнить высказывание Ленина после революции 1905-7 гг.: "Мы недооценили глубокий черносотенный демократизм русского мужика").

Как ни неприятно, но приходится признать, что в советском общественном сознании крепнет тенденция к оценке Сталина и сталинизма по аналогии с петровской модернизацией России. На передний план выдвигаются достижения (реальные и в еще большей степени раздутые официальной пропагандой, которая достаточно цепко держит умы), при недооценке ужасов, страданий, тех грандиозных человеческих "издержек", ценой которых проводилось превращение России "ситцевой" в Россию железную, ракетно-танковую. Распространен и такой ход мысли: "Тогда (при Сталине) мы быстро росли, развивались, совершали подвиги и, как ни трудно было, побеждали"; "был порядок, не то что нынешний бардак"; а кроме того — "было время и цены снижали, и текли куда надо каналы и потом куда надо впадали". Это прошлое, переоцениваемое прежде всего теми, кто его не переживал, противопоставляется серому настоящему.

Наш долг — постараться ухватить объективно оппозиционную основу "народного сталинизма", борясь с его реакционной формой, показывая, что наше настоящее — логичный результат сталинистского прошлого. И здесь каждый, не обязательно оппозиционно настроенный, а просто честный, интеллигент обязан в своей повседневной деятельности (читает ли он лекцию, пишет ли статью или ставит фильм) не допускать апологетики Сталина и при малейшей возможности разоблачать сталинизм.

11. Наличие отступников и предателей не свидетельствует ни о каком сближении. Измена — это не сближение, а моральное падение и политическая смерть. И здесь нет никакой разницы между неверующим П. Якиром и православным священником о. Д. Дудко.

Интересно, что одновременно с ударом по внецерковным религиозным группам КГБ пытался изобразить себя чуть ли не защитником религии, ходатаем за нее перед Советом по делам религий, своей же дочерней организацией. Шла возня

по созданию религиозно-гебешного семинара, открывается индуистский храм. Недавно с о. Д. Дудко официально сняты все обвинения, с ним беседовал крупный чин (чуть ли не зам.пред.) КГБ: "Дмитрий Сергеевич, что мы можем сделать для Церкви за ваше раскалние?"

Надеемся, что активисты религиозных движений и представители религиозной эмиграции дадут достойный ответ потугам властей.

С современной властью не может быть никакого сближения, речь должна идти лишь об отказе от огульного охаивания деятельности властей диссидентством, о более объективных и взвешенных оценках.

Другое дело — перспектива. Опыт всех удачных и неудачных попыток демократизации и либерализации в 1960-80-х гг. (Чехословакия 68-69 гг., Испания после 76 г., Бразилия после 78 г., Польша после 80 г. и пр., менее значительные) показывает, что в такого рода процессах всегда важную роль играла часть "истэблишмента" прежнего режима, а также оппозиция, из недр самого режима вырастающая. В условиях достаточно острого кризиса сам властвующий блок раскалывается, и определенная его часть идет на сотрудничество с оппозицией. Для нас это, конечно, дело не ближайшего будущего.

12. Среди политических эмигрантов много людей, заслуживающих наше уважение своей деятельностью в СССР. Эти люди представляют собой вчерашний день демократического движения в стране. К сожалению, некоторые эмигрируют не только вынужденно, но и от ощущения собственного бессилия. Возможно, поэтому мы с горечью наблюдаем перманентный процесс превращения восточно-европейских движений в эмиграции в движения эмигрантов. Наверное, эта оторванность эмигрантов от внутреннего диссидентства переживается ими еще болезненнее, чем нами. К сожалению, реального взаимодействия между нами и эмиграцией нет, мы даже плохо осведомлены о происходящих там процессах.

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

Кронид Любарский

О СТРУКТУРЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ В СССР

Редакция бюллетеня "Вести из СССР" опубликовала вып. 4 ежегодника "Список политзаключенных СССР" по состоянию на 1 мая 1982. В списке 848 имен — лишь малая часть общего числа политзаключенных (по моим очень приблизительным оценкам — около 10%), однако, в настоящее время это, по-видимому, наиболее полный список из всех существующих (во всяком случае, о более полных пока неизвестно).

Так или иначе, но настоящий список позволяет провести определенную статистику: число 848 не слишком мало, чтобы считать выборку неrepresentative.

Я попытался провести подсчет числа политзаключенных различных категорий, чтобы оценить удельный вес тех или иных течений политической, религиозной и национальной оппозиции в СССР. Такие оценки не могут не быть интересными для любого, задумывающегося над современным положением СССР и над его будущим. Они тем более важны, что по понятной склонности представители тех или иных течений, или люди, им симпатизирующие, имеют тенденцию преувеличивать роль близкого им по духу течения и преуменьшать роль тех, с которыми они идейно или духовно несогласны. Так, еврокоммунистические партии склонны делать основной упор на "социалистическую оппозицию" в СССР, на сторонников социализма "с человеческим лицом". Со своей стороны, НТС (русская эмигрантская политическая организация Народно-Трудовой Союз) полагает свое влияние внутри страны существенным. Последний по времени пример: А. Солженицын в своем письме Р. Рейгану утверждает: "русское национальное самосознание внушает наибольший страх правителям СССР". Есть другие примеры того же рода. Кто прав — ответить могут лишь цифры.

Для начала приведем таблицу распределения политзаключенных по разным категориям в абсолютных величинах (первый столбец) и в процентах от общего числа политзаключенных (второй столбец). В третьем столбце приведены вычисленные значения вероятных ошибок абсолютных величин (в очевидном предположении биномиального закона распределения). Небольшие величины получившихся ошибок указывают, что выборка оказывается, действительно, представительной. Данные в таблице значения ошибок округлены до целых.

Таблица 1

Правозащитники, самиздат общего характера (не национального или религиозного плана)	70		
Листовки, лозунги, демонстрации протеста общего характера	18		
Критические устные высказывания общего характера	62		
Всего представителей общедемократического движения	150	(17,7%)	±8
Еврейское эмиграционное движение	21	(2,5%)	±3
Немецкое эмиграционное движение	14	(1,6%)	±2
Беженцы, невозвращенцы, общие требования эмиграции (не национально обусловленные)	85		
Всего лиц, добивавшихся эмиграции	120	(14,2%)	±7
Украинское национальное движение	82		
Украинская Хельсинкская группа	20		
Украинская католическая церковь	6		
Всего	108	(12,7%)	±7
Литовское национальное движение	37		
Литовская Хельсинкская группа	4		
Всего	41	(4,8%)	±4
Латышское национальное движение	16	(1,9%)	±3
Эстонское национальное движение	34	(4,0%)	±4
Армянское национальное движение	12		
Армянская Хельсинкская группа	1		

Всего	13	(1,5%)	±2
Грузинское национальное движение	5		
Грузинская Хельсинкская группа	1		
Всего	6	(0,7%)	±2
Крымско-татарское национальное движение	4	(0,5%)	±1
Национальные движения в Дагестане	4	(0,5%)	±1
Румынское национальное движение	4	(0,5%)	±1
Русское национальное движение	3		
Православные	20	(2,4%)	±3
Всего	23	(2,7%)	±3
Евангельские христиане-баптисты (незарегистрированные)	160	(18,9%)	±8
Адвентисты седьмого дня	27	(3,2%)	±4
Пятидесятники	9	(1,1%)	±2
Свидетели Иеговы	2	(0,2%)	±1
Методистская церковь	1	(0,1%)	±1
Йоги	1	(0,1%)	±1
Социалистическая оппозиция	7	(0,8%)	±2
Независимые профсоюзы	5		
Организация забастовки	6		
Всего участников рабочего движения	11	(1,3%)	±2
"Вторая культура"	3	(0,4%)	±1
Террористы	4	(0,5%)	±1
Коммерческое распространение "вредной" литературы	2	(0,2%)	±1
Феминистки	1	(0,1%)	±1
НТС	1	(0,1%)	±1
Антисемиты	1	(0,1%)	±1
Разглашение тайны КГБ	1	(0,1%)	±1

Лица, неугодные властям из-за независимого поведения	2	(0,2%)	±1
Выражение личного недовольства своим положением (по социально обусловленным причинам)	10	(1,2%)	±2
Отнести к определенной категории трудно	29	(3,4%)	±4

Разумеется, в ряде случаев отнести определенное лицо к той или иной категории можно было по-разному, ибо причин ареста было несколько. В этих случаях мы старались определить основную причину. Так, например, В. Мейланов был осужден за демонстрацию в защиту А. Сахарова и за самиздат, но мы отнесли его к категории "демонстрантов", ибо именно демонстрация послужила непосредственной причиной ареста. Другой пример: большая группа православных, арестованных 6 апреля 1982 г., обвиняется, по-видимому, в основном, в коммерческом размножении религиозной литературы. Мы, однако, отнесли их не к этой категории, а к православным, ибо отбор литературы для размножения проводился целенаправленно именно по религиозным соображениям. Можно привести и другие примеры. Конечно, отдельные случаи могут быть оспорены, но в целом картина от этого не изменится.

Табл.1 составлена специально так, чтобы читатель, при желании, мог по иному сгруппировать приведенные цифры. Мы, например, отнесли арестованных членов национальных Хельсинкских групп к соответствующим национальным движениям (учитывая специфику работы этих групп). Можно было бы, однако, отнести их к правозащитникам. Православных мы объединили с русским национальным движением, полагая, что эти категории тесно связаны между собою. Можно было бы, однако, выделить их в отдельную группу, оставив в графе "русское национальное движение" только лиц, занимавшихся преимущественно национальными проблемами. Возможны и иные подходы — таблица позволяет их осуществить.

Цифры табл. 1, интересные сами по себе, не дают, однако, правильной картины удельного веса различных категорий политзаключенных, ибо тут не учитывается различие в численности групп, так сказать, "поставляющих" заключен-

ных. Естественно, например, что украинцев-политзаключенных больше, чем латышей, ибо украинцев вообще больше. Поэтому, для получения истинной картины необходимо обратиться к относительным цифрам. Мы провели несколько сопоставлений.

Для сравнения удельного веса политзаключенных, принадлежащих к разным национальным движениям, мы воспользовались данными Всесоюзной переписи 1979 г. о численности различных национальностей.¹ Разделив численность политзаключенных — участников данного национального движения n_0 на общую численность этой национальности N , мы нашли R_0 — "удельный вес политзаключенных" данного национального движения.² Величины R_0 (в единицах 10^{-6}) приведены в табл. 2:

Таблица 2

Эстонское национальное движение	33,3
Литовское национальное движение	14,4
Еврейское национальное движение	11,6
Латышское национальное движение	11,1
Немецкое национальное движение	7,2
Крымскотатарское национальное движение	4,1
Армянское национальное движение	3,1
Украинское национальное движение	2,5
Национальное движение народов Дагестана	2,4
Грузинское национальное движение	1,7
Румынское национальное движение	1,4
Русское национальное движение	0,2

Количество политзаключенных данной категории n_0 очевидно, зависит от двух факторов. Во-первых, оно прямо пропорционально числу участников данного движения n .

---

1. Для крымских татар перепись данных не дает (там все татары объединены). Поэтому мы экстраполировали на 1979 г. данные, приводимые в "Информациях" представителей крымских татар (К. Л.).

2. То обстоятельство, что данные о численности политзаключенных взяты для 1982 г., а о численности населения — для 1979 г., несущественно, т. к. мы не ставим своей целью получить абсолютные цифры (это невозможно хотя бы из-за неполноты данных), а хотим лишь сравнить между собою положение различных национальных движений (К. Л.).

Естественно, что понятие "участник движения" априорно не формализуемо, зато а posteriori оно определяется совершенно четко. Во-вторых, количество политзаключенных тем больше, чем серьезнее относятся к данному движению власти, чем больше они его боятся. Последнее, т. е. "степень страха" властей, в свою очередь, зависит от интенсивности движения: власти, в среднем, естественно, больше боятся развитых и массовых движений. Поэтому можно принять, что второй фактор, грубо говоря, прямо пропорционален (хотя возможна и более сильная зависимость) "удельному весу движения как целого", т. е. степени распространенности данного общественного движения среди населения или какой-либо интересующей нас части населения, например, некоторой национальности. Этот "удельный вес движения" очевидно, равен $\frac{n}{N}$. "Степень страха" властей пропорциональна $\frac{n}{N}$ с коэффициентом пропорциональности k , который можно назвать "коэффициентом опасности" движения. Он отражает внутреннюю оценку данного движения со стороны властей, независимую от численности движения, так сказать имманентную "вредность" движения для власти.

Исходя из этого, мы можем записать для "удельного веса политзаключенных данной категории" R_0 следующее выражение:

$$R_0 = \frac{n_0}{N} = \frac{n \cdot k \frac{n}{N}}{N} = k \frac{n^2}{N^2} \quad (1)$$

С другой стороны R_0 можно представить в другом виде:

$$R_0 = \frac{n_0}{N} = \frac{n_0}{n} \cdot \frac{n}{N} \quad (2)$$

т. е. R_0 есть произведение $\frac{n_0}{N}$, "удельного веса движения как целого"

(обозначим его R), на $\frac{n_0}{n}$, отношение числа политзаключенных

данного движения к числу участников движения в целом. Это последнее отношение мы назовем "степенью преследуемости движения" и обозначим его через P . Итак:

$$R_0 = PR \quad (3)$$

К сожалению, в формулу (1) входят два неизвестных: n и k , и вычислить их по-отдельности невозможно. Значит, невозможно и вычислить по-отдельности P и R .

Аналогично можно было бы сравнить "удельный вес заключенных" за веру различных христианских конфессий (преследования мусульман или, скажем, анимистов за веру, как ни странно, не зарегистрированы). Неясно, однако, к чему надо относить в данном случае числа политзаключенных, что именно взять за величину N .³

Но зато для религиозных движений можно получить независимые оценки как "удельного веса" этих движений R , так и степени их преследуемости P . Оценки числа верующих разных конфессий (т. е. величин n) имеются. Они крайне грубы и приблизительны, но тем не менее позволяют произвести расчеты и сделать сравнения хотя бы по порядку величины. Исключение составляют крайне закрытые религиозные группы, такие, как Свидетели Иеговы и Истинно-православная Церковь. Нет надежных данных ни о численности заключенных из их числа, ни о численности верующих. Есть основания думать, что число последователей этих церквей невелико, но зато "преследуемость" почти стопроцентная.

Оценки численности православных, данные в различное время представителями Патриархии, — от 30 до 60 млн. чел. Очевидно, нижний предел — 30 млн. — можно считать достаточно надежным: Патриархия в официальных сообщениях имеет тенденцию занижать число верующих. Г. Рар дает мало надежную цифру свыше 100 млн.⁴ Остановимся, однако, на нижнем пределе: принятие больших цифр, очевидно, будет лишь снижать вычисленную "степень преследуемости". Для незарегистрированных евангельских христиан-баптистов мы примем цифру Г. Винса: 100 тыс. Для пятидесятников и адвентистов данные еще менее уверенны: Кестон-колледж грубо

---

3. Логичным представляется принять за N численность взрослого населения немусульманских народов, но ясно, что такое сопоставление малоинтересно: слишком несопоставимо число верующих разных конфессий. Кроме того, поскольку N для всех конфессий будет одно и то же, для сравнения достаточно просто сопоставить абсолютные числа верующих разных конфессий из табл. 1 (К. Л.).

4. Г. Рар, Сколько православных в России, "Посев", март 1973.

оценивает их численность в 150 и 120 тыс. соответственно.

Используя эти данные, получаем табл. 3, где приведены отношения числа заключенных к числу верующих данной конфессии (в единицах 10^{-6}), т. е. "степень преследуемости" Р.

Таблица 3

Евангельские христиане-баптисты (незарегистрированные)	1600
Адвентисты седьмого дня	442
Пятидесятники	180
Православные	0,7

В таблицу не включены католики: преследуемые католики — это, в основном, литовцы, для которых католицизм тесно слит с национальными чувствами. Поэтому практически невозможно отделить преследования за выражение национальных чувств от преследований за религиозные убеждения.

Если величина n известна, то можно оценить и k — "коэффициент опасности" данного движения. Из формулы (1) находим:

$$k = \frac{n_0 N}{n^2} \quad (4)$$

По формуле (4) вычислим значения "коэффициента опасности" k религиозных движений разных конфессий. В качестве N возьмем, как было сказано выше, общую численность взрослого населения страны немусульманских национальностей, которую мы грубо оценили по данным переписи населения. Неточность этой цифры (небольшая, кстати) на сравнительные оценки вообще не влияет. Величины "коэффициента опасности" приведены в табл. 4:

Таблица 4

Евангельские христиане-баптисты (незарегистрированные)	2,26
Адвентисты седьмого дня	0,52
Пятидесятники	0,17
Православные	0,000003

Наконец, сделаем попытку сравнить "удельный вес" политзаключенных нерелигиозных и ненациональных движений, так сказать, чисто общественно-политических, а также сопоставить их с "удельным весом" заключенных по

национальным причинам в целом и по религиозным в целом, просуммировав отдельно заключенных участников всех национальных движений и заключенных участников всех религиозных движений. При оценке "удельного веса" заключенных из национальных движений, за высказывание общедемократических требований, за требования эмиграции, за участие в "социалистической оппозиции" или за связь с НТС, разумно относить число заключенных к численности всего взрослого населения страны, ибо, очевидно, что любой взрослый гражданин может, в принципе, стать участником этих общественных движений. При оценке "удельного веса" заключенных за участие в женском движении естественно относить число заключенных к взрослому женскому населению страны, а при оценке для участников рабочего движения — к общей численности рабочих. Для религиозных (христианских) движений мы относим суммарное число заключенных к численности взрослого немусульманского населения, как сказано было выше. Все эти данные были взяты по данным советской статистики. Полученные величины "удельного веса политзаключенных" R_0 в единицах 10^{-6} приведены в табл. 5:

Таблица 5

Национальные движения, вместе взятые	1,72
Религиозные (христианские) движения, вместе взятые	1,50
Демократическая оппозиция	0,90
Эмиграционное движение	0,72
Рабочее движение	0,14
Социалистическая оппозиция	0,04
Женское движение	0,01
НТС	0,006

Полученные данные оказались, в ряде случаев, неожиданными даже для меня самого. Однако, я полагаю важным их опубликовать. Если мы хотим действительно понимать происходящее в стране, мы должны не жить в мире иллюзий, а иметь в руках факты.

МЕЖДУНАРОДНЫЕ САХАРОВСКИЕ СЛУШАНИЯ

ОБРАЩЕНИЕ

13-15 апреля 1983г. в Лиссабоне (Португалия) состоится 4 сессия Международных Сахаровских Слушаний. В повестке дня два вопроса:

1. Социально-экономические права трудящихся в СССР.
2. Свобода интеллектуального творчества в СССР.

На Слушаниях компетентному жюри будут представлены свидетельства лиц, покинувших Советский Союз не ранее, чем 5 лет назад, и обладающих личным опытом в указанных выше вопросах.

Исполнительный Комитет Слушаний обращается ко всем лицам, которые могли бы дать свидетельские показания о несоблюдении или соблюдении основных прав человека в названных областях. Слушания интересуют, среди прочих, следующие темы:

1. Условия труда рабочих и служащих: техника безопасности, оплата труда и др.
2. Прием на работу и увольнение с нее: наличие или отсутствие дискриминации по национальному, религиозному, политическому или иному признаку.
3. Принудительный труд, преследования за «тунеядство».
4. Помощь, оказываемая профсоюзами в защите основных прав трудящихся, или отсутствие такой помощи.
5. Условия труда женщин.
6. Условия труда инвалидов.
7. Особенности труда колхозников, свобода выхода из колхоза
8. Наличие или отсутствие дискриминации по какому-либо признаку в сфере интеллектуального творчества: литература, искусство, наука.
9. Цензура.
10. Преследования авторов за неортодоксальное интеллектуальное творчество.

Приведенный перечень, разумеется, не является исчерпывающим, а лишь примерным. Обращаем еще раз внимание на то, что показания должны быть представлены о личном опыте, либо о том, чему данное лицо было прямым свидетелем.

Исполнительный Комитет просит прислать показания (в развернутой или тезисной форме) не позднее 31 января 1983 по адресу:

Dr. Cronid Lubarsky, International Sakharov Hearings,
Wolftratshauer Str. 68, D-8000 München 70

Представитель Исполнительного Комитета Слушаний будет рад вступить с Вами в контакт и обсудить вопрос о возможности Вашего приглашения в Лиссабон для личного выступления на Слушаниях.

ВЕСТИ ИЗ СССР

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Редактор Кронид Любарский

СПИСОК ПОЛИТЗАКЛЮЧЕННЫХ СССР

выпуск 4, по состоянию на 1 мая 1982

Справочник-ежегодник, публикуемый издательством Cahiers du Samizdat, содержит основные биографические данные о всех известных в настоящее время политзаключенных СССР. В справочнике 256 стр. Приведены данные о 848 заключенных, включая адреса самого заключенного и его родственников, причины и дата ареста, срок по приговору, прошлые судимости, состояние здоровья, профессию и др. сведения. В конце списка приведены фотографии заключенных, многие из которых публикуются впервые.

В вводной части приводятся: таблица перевода статей УК РСФСР в статьи УК союзных республик, таблица сравнения условий содержания заключенных на разных режимах, список адресов основных мест заключения, фотографии и планы политических лагерей, тюрем и спецпсихбольниц, таблицы официальных индексов лагерей и следственных изоляторов и др.

Справочник выходит в свет на русском и английском языках. При заказе следует указать желаемый язык.

Стоимость вып. 4 (1982 г.) — 480 бельг. франков. Для заказчиков в Америке — 12 долл. США (включая пересылку авиапочтой).

Список ежемесячно дополняется «Приложением», куда включаются все поправки и дополнения, поступающие в редакцию. «Приложения» выходят только на русском языке.

Стоимость подписки на «Приложения»: 300 бельг. франков. Для подписчиков в Америке — 8 долл. США (включая пересылку авиапочтой).

Заказы и чеки направлять непосредственно издателю Anthony de Meeüs,

CAHIERS DU SAMIZDAT
48 rue du Lac
1050 Bruxelles [Belgium]

ДЕЛО № 58

Процедура проведения предварительного следствия, начиная с момента его возбуждения и до окончания, подробно регламентирована уголовно-процессуальным правом. Оговорены, в частности, и сроки проведения следственных действий. Они в любом случае не должны превышать 9-ти месяцев. Однако известны дела, которые тянутся годами. Эти сквозные или длящиеся дела, не привязанные к конкретным лицам, расширяют оперативный простор КГБ. Они позволяют в любой момент, минуя процедурные формальности возбуждения нового уголовного дела, производить обыски, допросы, не связывая их рамками предъявления обвинения тому или иному человеку и сроками проведения предварительного следствия. По мере того, как оперативная разработка дела обрастает кипами донесений агентов и материалами допросов, дело начинает цвести. От него отпочковываются новые направления, которым присваиваются свои следственные номера. И, наконец, дело взрывается целой гроздью конкретных обвинений: арест следует за арестом и сопровождается широкой волной обысков и плотной слежкой оперативных групп. Следствие, суд, приговор — все идет своим чередом. А то, главное дело, продолжает жить своей жизнью: выискиваются новые жертвы, вокруг которых постепенно все туже и туже сжимается удавка ареста. Одним из таких сквозных дел является дело № 46012/18-76 — это дело "Хроники текущих событий".

Около пяти лет сотрясало Литву дело № 345. Начато оно было 5 июня 71 года, а проявилось впервые лишь более года спустя — 20 ноября 73 года. Облава обысков прокатилась в тот день по Литве. Восьмой выпуск "Хроники Литовской Католической Церкви" приводит 28 имен литовцев, подвергшихся обыскам. Первыми жертвами этого дела стали Пятрас Плюйра-Плумпа и Повилас Петронис — оба были арестованы сразу же после обыска. Последнее упоминание о деле № 345 датировано мартом 78 года. Тогда руководитель следственной группы по этому делу Маркявичус допросил семинариста Пятраса Ражукаса, угрожая ему возбуждением дела по статье об "антисоветской агитации и пропаганде".

Дело № 345 было ориентировано прежде всего против "Хроники Литовской Католической Церкви" и религиозного самиздата. Тем временем в Литве оформилось правозащитное движение. Возникла Литовская хельсинкская группа и Католический комитет защиты прав верующих, а Самиздат стал одним из существенных элементов общественной жизни Литвы. И не просто самиздат — появилась, обрела популярность и устойчивость настоящая самиздатская пресса. Известно 16 литовских самиздатских журналов различного направления.

23 августа 79 года 45 граждан прибалтийских республик: Литвы, Латвии и Эстонии — предали гласности Обращение в связи с 40-летием пакта Молотова-Риббентропа, приведшего к оккупации Прибалтики советскими войсками. Теперь, после 23 августа, открылось новое дело — № 58, которое правозащитники вскоре окрестили как "дело Литовского самиздата". Дело № 345, открытое после выхода первого выпуска "Хроники Литовской Католической Церкви", датированного 19-м марта того же года, перестало упоминаться в постановлениях на обыски и аресты.

Первые обыски по делу № 58, санкционированные начальником республиканского КГБ Петкявичусом, прошли 2 октября 79 года в Вильнюсе у Юлюса Саснаускаса, Антанаса Терляцкаса и Владаса Шакалиса. С тех пор обыски и аресты по этому делу идут нескончаемой чередой. Вот одно из ответов дела № 58.

9 января 80 года в Вильнюсе были арестованы Витаутас Скуодис и Повилас Печелюнас. А три месяца спустя, 4 марта 80 года, тоже в Вильнюсе органы КГБ арестовали Гинтаутаса Ешмантаса. Судили всех троих вместе в Верховном Суде Литовской ССР с 15 по 22 декабря 80 года.

Кто же эти трое, с большим достоинством и мужеством прошедшие и следствие и суд? Все трое — люди одного поколения. Ешмантас и Печелюнас родились в 1928 году, Витаутас Скуодис — в 1929. В начале Второй мировой войны, когда судьба Литвы была решена тайным договором между Сталиным и Гитлером, обвиняемым было по 10 лет. К концу войны — по 16. Но и после окончания Второй мировой войны, война в Литве продолжалась еще лет 10-15. Истребительные отряды НКВД охотились за "лесными братьями" — литовскими партизанами. Массовыми депортациями населения в Сибирь и

жесточайшим террором советские власти задушили сопротивление литовского народа оккупантам. Но забыть этого литовцы не могли. Витаутас Скуодис в своем последнем слове на суде рассказал о том времени: "Помню, когда немцы захватили Клайпедский край, мы — гимназисты — тогда обсуждали, что мы можем сделать в защиту родины. Вскоре после этого в Литву вошла Красная Армия. Под предлогом защиты своих западных границ, заняла всю Литву. Этот факт заставил задуматься о будущем Родины. Родина продолжала страдать во время Второй мировой войны, когда немцы оттеснили русских и когда русские пришли опять, в 1945 году. Желая уклониться от службы в Красной Армии, много сыновей Литвы скрывались от насилия в лесах. Их обозвали бандитами. Видя все это, я не мог оставаться равнодушным. Патриотом обязан быть каждый". А в письме Президенту США Картеру, датированном 28-м ноября 79 года, Скуодис пишет: "С 15-го июня 1940 года, видя постоянные нарушения демократических свобод и прав человека в Литве, я включился в движение литовского народа за демократические свободы и права человека..." Письмо к Президенту Картеру было связано с тем, что Скуодис родился в Чикаго. Его отец — американский гражданин, и поэтому, согласно законам США, Витаутас Скуодис также является американским гражданином. В своем письме Скуодис информировал Президента о своем положении и заверил его в том, что останется "верным принципам защиты прав человека, защищая тем самым честь своей родины — США и своей отчизны — Литвы".

Витаутас Скуодис — ученый-геолог. До ареста работал доцентом кафедры гидрогеологии и инженерной геологии Вильнюсского университета. Значительную часть своего свободного времени он отдавал общественной работе в Литовском Комитете защиты природы, членом которого он являлся. Немало стараний приложил Скуодис для сохранения старинной части Вильнюса, где намечалось строительство подземных гаражей.

24 ноября 79 года Скуодис становится членом Католического Комитета защиты прав верующих, а 27 ноября — членом Литовской хельсинкской группы. В вину Витаутасу Скуодису вменялось издание самиздатского журнала "Перспективы", а также участие в журнале "Альма Матер" (вышел в 4-х вы-

пусках в 79 году), посвященном 400-летию Вильнюсского университета. В "Альма Матер" была опубликована статья Скуодиса "Краеведение — всеобщая наша забота". Однако главным пунктом обвинения Скуодису был его обстоятельный труд "Духовный геноцид в Литве". В нем автор статистически обобщил все атеистические публикации, изданные в Литве с 40-го по 76 годы.

"Содержание этой работы, часто иллюстрируемое цифрами, — пишет Витаутас Скуодис в "Обращении ко всем верующим Литвы", — ясно показывает ненаучность советского атеизма, его вульгарность, систематическое оскорбление и преследование верующих — постоянное нарушение в Литве элементарных, во всем мире признанных, прав человека". Отвечая на обвинения в суде, Скуодис поясняет: "Трудом 'Духовный геноцид в Литве' я хотел помочь деятельности Католического Комитета защиты прав верующих и этот труд полностью оставил в распоряжение этого Комитета. Думаю, — продолжает Скуодис, — что эта работа раскрывает действительное положение католиков в оккупированной стране".

Деятельность всех троих подсудимых связана с самиздатским журналом "Перспективы". Он появился в 78 году — с тех пор вышло не менее 17 номеров. "Перспективы" — литовский либеральный журнал, выступающий с еврокоммунистических позиций. В нем нередко публиковались статьи, полученные, как указывала редакция, от "Союза литовских коммунистов за выход Литвы из СССР". В предисловии к первому номеру журнала сказано, что цель издания — "подготовка почвы для формирования общественного мнения в Литве". Журнал "Перспективы" выходил под девизом: "Уважай мнение других и тогда, когда его не одобряешь". И судя по тому, что перед судом предстали два католика: Скуодис и Печелюнас, и неверующий, социалист Ешмантас, рабочая атмосфера в редакции журнала вполне соответствовала его девизу.

Выходец из бедной крестьянской семьи — Повилас Печелюнас закончил факультет литуанистики Вильнюсского университета. До ареста работал преподавателем литовского языка и литературы в средней школе. Печелюнас — обладатель уникальной библиотеки по литуанистике. Ему инкриминировали редактирование журнала "Альма Матер" (он признал авторство вводной статьи в этом журнале — "Начинает-

ся новый этап”), а также публикацию статей в журнале “Перспективы”.

Гинтаутас Ешмантас окончил Вильнюсский педагогический институт по специальности “литаунистика”. Он профессиональный журналист, 20 лет проработавший в республиканских газетах и в редакции журнала “Коммунист”, откуда в начале 70-х годов, после выхода (или исключения) из партии, был уволен. В последнее время работал библиографом во Дворце книги. Ешмантаса обвинили в авторстве стихов и статей, опубликованных в Самиздате. Причем большая часть его статей была напечатана в журнале “Перспективы”. В том числе и статья “Рубикон”, подписанная именем М. Васкас, которая также вменялась Ешмантасу в вину. В “Рубиконе” автор с позиций еврокоммунизма критикует нарушение прав человека в Советском Союзе. В “Обращении к руководителям коммунистических партий Европы”, написанном в Вильнюсской тюрьме в конце 80-го года, Гинтаутас Ешмантас говорит: “Меня осудили за то, что я пропагандировал социализм с человеческим лицом, писал поэмы и стихотворения, возвышающие Добро, Свободу, Правду и Дружбу, и жаждал, чтобы Литва на основании Конституции, вышла из состава СССР и стала независимым, свободным, социалистическим государством”.

Верховный Суд Литовской ССР приговорил Ешмантаса к 6 годам, Печелюнаса — к 3 годам, а Скуодиса — к 7 годам лагерей строгого режима. В качестве дополнительной меры наказания каждому из них назначена еще пятилетняя ссылка.

Повилас Печелюнас, Гинтаутас Ешмантас и Витаутас Скуодис — люди несходной доарестной судьбы, разных идеологических взглядов. Но есть нечто, стоящее выше всех этих различий. Об этом узники совести Ешмантас, Скуодис и Печелюнас пишут в письме из Псковской тюрьмы, датированном 17 января 81-го года: “Нас... осудили за то, что мы любили свою родину Литву, за то, что жаждали свободы своему народу, за то, что не согласились стать вырожденками своего народа или рабами его врагов. Но совесть наша спокойна, потому что враги не сумели сломить нашей воли”.

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

ДИСКУССИЯ О ВОЗМОЖНЫХ ПУТЯХ ВЫХОДА ИЗ КРИЗИСА

Я. Куронь

ТЕЗИСЫ О ВЫХОДЕ ИЗ БЕЗВЫХОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Яцек Куронь — популярный лидер польской демократической оппозиции, один из руководителей КОРа и "Солидарности". В ночь на 13 декабря 1981 года был интернирован и заключен в тюрьму, где и написал эту статью.

1. ЭКОНОМИКА — каждый видит, что с нею. Если пове­рять, что военная авантюра была устроена — как уверяют устроители — ради спасения экономики, то операция прошла успешно, но пациент скончался. Согласно официально опубликованному отчету Главного статистического управления, в январе — первом спокойном месяце нашей войны — продано продукции на 13,6% меньше, чем в забастовочном январе прошлого года (когда были вырваны 6 выходных по субботам) и на 17,5% — чем в военном декабре. Если так пойдет и даль­ше, через 5 месяцев результат будет исчисляться в отри­цательных величинах. Отчеты ГСУ можно в дальнейшем по­править — удастся ли сделать то же с производством, затор­мозить его агонию? Ответ на этот вопрос связан с вопросом о причинах катастрофы. Среди них называют всеобщее разо­чарование трудящихся, военную блокаду информации и нало­женные Западом ограничения. Вторая причина уже пере­стала действовать, третья — только вступает в действие. Названные причины так очевидны, что заслоняют еще одну, важнейшую. Упадок экономики не начался в декабре 1981 года — и не в августе 1980-го. Имевшие отвагу говорить пред­сказывали его приход, начиная с 1976 года. После августа 80-го все заинтересованные согласились, что смертельная бо­лезнь нашей социально-экономической жизни — централизо­ванное управление как единственный способ организации

деятельности общества. Из-за этого участники социального сотрудничества не имеют влияния на ее процесс и цели; а это источник всей болезни. Реформа экономики и государства должна была радикально изменить этот порядок вещей. Тем временем, 13 декабря, независимо от деклараций авторов переворота и даже их намерений, в стране введены армейские методы управления. Это означает подчинение всей социально-экономической жизни приказам центрального штаба. Все участники сотрудничества, включая кадры среднего уровня, должны выполнять приказы и рапортовать о положении. Это, вероятно, хороший способ вести войну и наверняка наихудший — для руководства жизнью общества. Причины смертельной болезни разрослись до карикатурных размеров. Даже если бы случилось чудо и поляки начали бы соревноваться друг с другом в добросовестной работе, а Запад предоставил бы такие кредиты, как во времена Герека, — плоды этого пропали бы даром, и тем скорее, чем более военизирован нынешний характер жизни.

2. ОБЩЕСТВО находится в состоянии войны. Те, кто объявил эту войну, не особенно скрывают, что ведут ее против общества. Благодаря исключительной общественной самодисциплине поляков, мы пока избежали кровавых столкновений в большом масштабе. Зато мы имеем классическую оккупацию с цензурой переписки, комендантским часом, массовыми облавами, обысками, арестами, приговорами военных трибуналов, коллективной ответственностью и т. п. Насилие, угрозы и отчаянные призывы к спокойствию — единственный язык, которым власть разговаривает с обществом. Чего достигает она и чего может достигнуть? Отчаяния и ненависти — у всех; страха и покорности — у одних; решимости и воли к борьбе — у других. На запуганных власть рассчитывать не может: они покорны, пока продолжается насилие. Решительные будут бороться, и тем энергичней, чем более резкие средства пустит в ход против них власть. Разрушенная экономика будет порождать нужду и голод — решительных будет прибывать.

Оккупантам не следует исходить из длительности чужеземного господства на польских землях. Чужеземное господство не уничтожало ткани социально-экономической жизни — оккупация уничтожает. Неправомочна и ссылка на первые годы после Второй мировой войны. Тогда коммунисты

пробозглашали, а частично и осуществляли программу всей польской демократии, включая Польское Стронництво Людове (крестьянская партия Миколайчика. — Пер.). Страна отстраивалась, создавалось хозяйство на Западных Землях. Поэтому, несмотря на существование вооруженного подполя, в стране не было военного положения и даже, наоборот, существовали значительные гражданские свободы.

Пример Венгрии после 1956 г. зловещ. Там было произведено огромное кровопускание, устроенное не теми, кто организовывал общественную жизнь.

Насилие порождает насилие. Самые нетерпеливые, менее уравновешенные хватаются за обоюдоострое оружие — террор. Террор порождает террор, и спираль террора террором не может быть оборвана. Кто сеет ветер — пожинает бурю.

3. ВЕСЬ СОВЕТСКИЙ БЛОК глубоко расшатан событиями в Польше. Смертельная болезнь, о которой шла речь в тезисе 1, в Польше развита сильнее всего, но ею страдают и остальные страны блока. Модернизация народного хозяйства влечет за собой рост потребностей общества и участие в международном разделении труда. В странах блока модернизация неизбежна из-за вооружений. В условиях болезни модернизация приводит к резкому росту расходов — при неизменной и даже снижающейся производительности. Отсюда — растущая зависимость от Запада и нарастающие социальные конфликты. Мы знаем, что авантюра в Польше была произведена под нажимом СССР. У властей этой державы есть причины опасаться, что польский пример окажется заразительным. Однако совершенно очевидно, что в расчете оказалась ошибка. Санкции ограничили возможность сотрудничества с Западом, а без этого экономика блока не может функционировать нормально: тяжесть дополнительных, все более дорогостоящих вооружений — уже сверх ее сил. К тому же, разруха польского хозяйства выбила важное звено в экономическом сотрудничестве блока. Страны блока должны помогать Польше, а помочь ей могут немногим. Их обществам приходится нести тяжесть этой политики вместе с тяжестью нарастающего кризиса. Терпение общества имеет свои границы, уже отчетливо видимые.

Империя начала умирать, хотя ее еще хватит на кровавую расправу с Польшей.

4. МОЖЕТ ЛИ ПОЛЬСКОЕ ОБЩЕСТВО ДОЖИДАТЬСЯ АГОНИИ ИМПЕРИАЛИЗМА?

Чехи практически переждали немецкую оккупацию. Однако тогда война, не без участия чехов, шла в основном вне чешской территории, и все знали, чего ждут. Сейчас война если идет, то в Польше, а агония империализма — лишь прогноз.

Никакие призывы не удержат молодых и горячих от борьбы, только могут загнать их в тупик терроризма — если окажутся настолько эффективны, что ограничат другие формы борьбы. Никакие призывы не уменьшат отчаяния и ненависти, а это взрывчатая смесь, которую любая искра заставит взорваться.

Нужда — плод военного положения (тезис 1), как и насилие. На насилие и насилием навязанную нужду здоровое общество отвечает борьбой — в лучшем случае оно может перенести ее на другие фронты. Здесь — Польша, а история показывает, что угнетатели только ценой крови и пепелищ достигали спокойствия на срок одного поколения.

Призывы — даже наивысших авторитетов — не принимать каких-то действий могут быть эффективны лишь тогда, когда они подсказывают другие действия, ведущие к разрешению проблем. Тем временем оккупация перечеркнула все возможности мирной деятельности, включая добросовестный труд. Поэтому никто не в силах обеспечить в Польше спокойствие, пока продолжается оккупация. Прервать ее могут власти, заключив компромисс с обществом, — или общество, свергнув власть. В этом втором случае мы окажемся лицом к лицу с военной мощью Советского Союза.

5. НАЦИОНАЛЬНОЕ СОГЛАСИЕ — необходимое условие мирной жизни. Оно основано на соглашении всех граждан относительно, по крайней мере, некоторых фундаментальных ценностей и целей.

После августа 1980-го польский народ един, как никогда прежде. Трудности выводились из того, что перед лицом советской угрозы общество должно было отказаться от существенной части своих устремлений. Спорили мы о том, какова должна и может быть эта часть, и стремились к компромиссу с людьми, представляющими интересы СССР в Польше.

Во имя этого компромисса польское общество признавало решающую роль этих людей в управлении государством.

Оно стремилось лишь к общественному контролю над их начинаниями и к реальному представительству общества в принятии принципиальных решений. Люди, служившие СССР, не хотели компромисса. Вместо того, чтобы во главе общества строить государство пусть даже самой ограниченной демократии, они своей неспособностью разрушали хозяйство и администрацию. Они довели это дело до конца после 13 декабря, уничтожив все условия общественного компромисса. Сегодня такой компромисс, т. е. компромисс между обществом и правительственным лагерем, гораздо менее возможен, чем до 13 декабря. Однако сохранение оккупации неизбежно приводит правительственный лагерь к катастрофе. Если в нем есть люди, сознающие это, — они должны задаваться вопросом, не окончится ли для них равно трагически и инициатива компромисса. Вопрос этот не бесоснователен: у польского общества есть причины требовать расчета с оккупантами.

Однако в пользу компромисса высказывается и Епископат — в Польше авторитет огромный. Эту позицию поддерживает большинство руководства "Солидарности", люди науки и культуры — словом, все, чей голос в польском обществе имеет вес.

Еще важнее, однако, то, что инициатива компромисса дала бы людям из правительственного лагеря социальный мандат, которого этот лагерь не имел после 1956 года. Инициатива компромисса была бы для них рискованной, но сохранение оккупации — чистое самоубийство.

6. ДВИЖЕНИЕ СОПРОТИВЛЕНИЯ, всеобщее, хорошо организованное, — единственный шанс поляков. Только такое движение может быть стороной компромисса. Только такое движение может удержать волну терроризма, а если в правительственном лагере не найдется инициаторов компромисса — уменьшить срок советской интервенции как ответа на неизбежный тогда общественный взрыв. Оккупант силен дезорганизацией общества и способностью быстро перебрасывать с места на место небольшое число усмирительных частей. Поэтому мы сейчас должны — иначе, чем это было перед августом 80-го, — организовать себя вокруг единого центра и проявить полную дисциплину. Мы должны организовать хорошо действующую систему информации и, тем не менее, считаться с возможностью ее блокирования в решающий мо-

мент. Поэтому конкретные цели движения и способы его деятельности должны быть общеизвестны.

7. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ДВИЖЕНИЯ — кроме издательской — сводится сейчас к демонстрациям: от надписей на стенах и распространения листовок через различные формы коллективных выступлений и до забастовок разной длительности. Все эти формы много значат для поднятия духа народа и оказывают нажим на вероятных сторонников компромисса в правительственном лагере.

Однако следует отдавать себе отчет в том, что названная деятельность движения — это демонстрация воли народа по отношению к людям, умышленно выступившим против народа. Если мы этим ограничимся, а инициаторов компромисса в правительственном лагере не обнаружится, — мыждемся катастрофы. В течение ближайших месяцев — чуть раньше, чуть позже — один, другой или третий местный инцидент превратится в общепольские беспорядки. Власть оккупанта, вероятней всего, будет свергнута, но самой дорогой ценой для общества и при величайшей угрозе вооруженного вмешательства СССР.

Поэтому руководство движения сопротивления должно одновременно готовить польское общество как к самым далеко идущим уступкам в компромиссе с властями, так и к ликвидации оккупанта путем массового, организованного выступления. Я считаю, что такое выступление должно состоять в одновременном ударе по всем центрам власти и информации во всей стране. Надо, чтобы люди правительственного лагеря знали, что на инициативу компромисса им осталось ограниченное, отмеренное время.

В предвидении наихудшего следует уже сейчас делать все, чтобы дать осознать советскому руководству, что при капле доброй воли с их стороны национальное согласие поляков — даже без участия нынешних правителей ПНР — не нарушит их военных интересов, а для экономических будет необычайно выгодно. Вооруженная же интервенция в Польше будет для СССР последним актом.

Я не утверждаю, что организованное выступление, соединенное с декларацией доброй воли по отношению к СССР, обеспечит безопасность со стороны этой державы. Я только утверждаю, что в случае сохранения оккупации таким путем создается наименьшая угроза.

В течение долгих лет своей оппозиционной деятельности я провозглашал принцип отказа от всякого насилия. Поэтому я чувствую себя обязанным взять слово и заявить, что в настоящее время подготовку свержения оккупанта путем массового выступления я считаю наименьшим злом.

Февраль 1982, Бялолэнка.

Польский оригинал "Тезисов" Я. Куроня напечатан в журнале "Анекс".

*Перевод с польского Н. Горбаневской
(для газеты "Русская мысль")*

3. Буяк

ПОЗИЦИОННАЯ БОРЬБА¹

Збигнев Буяк — руководитель "Солидарности" района Мазовше. С 13 декабря находится в подполье. За голову Буяка власти обещают 250 тысяч злотых.

Основная мысль Яцека Куроня, по-моему, выражается в словах: "Если не хочешь войны, готовься к войне". Его "Тезисы" являются важным голосом в дискуссии о программе действия. Яцек Куронь — выдающийся общественный деятель и социолог, обладающий способностью предвидеть последствия происходящих социальных явлений. Однако я не согласен как с основным тезисом, так и с выводами его письма.

Вся концепция Куроня опирается на постулат, что из-за нищеты и насилия, из-за отсутствия каких-либо иных возможностей успешного действия, кроме открытой борьбы — общественный взрыв неизбежен. Я же считаю, что в обществе сейчас налицо всеобщее осознание того, что взрыв не решит ни одной из стоящих перед нами проблем, а напротив — создаст огромную угрозу как нового применения силы внутренней реакцией в наиболее жестокой форме, так и интервенции

---

1. Напечатано в Приложении к журналу "Тыгодник Мазовше", № 8, 31 марта 1982 г.

извне. А значит, уже сама высокая степень самосознания, дисциплины и организованности общества свидетельствует о возможности избежать взрыва.

На террор властей общество отвечает снижением производительности, а не насильственным сопротивлением. И именно в этом направлении должна идти работа над программой действия. Мы должны пройти через все фронты борьбы, прежде чем окажемся на последнем.

Из этого следует, что я считаю нецелесообразным создание движения сопротивления, "способного единым организованным выступлением ликвидировать оккупацию". Более того, я думаю, что такое предприятие нереально. Прежде всего, учитывая военно-полицейскую структуру государства, хорошо приспособленного для раскрытия и ликвидации таких организаций. Тот факт, что оккупант говорит на том же языке, что он тоже действует "на своей территории", значительно облегчает инфильтрацию. К тому же, мы окружены государствами с такой же системой.

Я хотел бы также возразить на утверждение, что только центрально-организованное движение сопротивления способно сдержать волну терроризма. Я считаю, что может случиться как раз наоборот: однажды централизованное движение должно получать и выполнять задания центра, и если их не хватит, или они окажутся недостаточными или мало привлекательными, — может случиться, что организация встанет на путь террора. При структуре такого типа спираль террора быстро начнет раскручиваться, если однажды придет в движение.

Я высказываюсь за движение сильно децентрализованное, применяющее самые разные методы действия. Только движение с не очерченной четко структурой и разнородное, станет неуловимым и трудноодолимым. Его единство обеспечивается общностью цели: отмена военного положения, освобождение интернированных и арестованных, возвращение прав союзам и объединениям. Я не согласен с утверждением, что централизованная подпольная организация угрозой генеральной забастовки или удара по органам власти окажет на сторонников компромисса в правящем лагере давление, достаточно сильное для того, чтобы вынудить их энергично действовать, добиваясь достижения компромисса. Я думаю, что, напротив, столь сильная угроза объединит правящий

лагерь в действиях, направленных на уничтожение движения сопротивления. Еще больше могут увеличиться шансы на успех у той части аппарата, которым была бы наруку интервенция извне. А для Москвы интервенция могла бы себя окупить, если бы давала ей шансы устранить сразу всех "смутьянов" и "врагов социализма". Существование в Польше централизованного движения, оказывающего активное сопротивление, увеличило бы такие шансы.

И наконец, последний аргумент против концепции централизованного подполья. Разгром такой организации, — а избежать его очень трудно, — это очередной тяжелый удар по "Солидарности" и надеждам общества. И этого мы позволить себе не можем.

Подведу итоги. Строительство движения "Солидарности" как монолитной организации, готовой к "последнему и решительному", создаст опасность, что власть предпримет новую попытку умиротворения народа внутренними силами. И если даже нам удастся защитить себя от этого, нас будет ждать внешняя интервенция. Так что я думаю, нам следует принять принцип избегать фронтальных столкновений с властью, поскольку это подвергает страну слишком большой опасности, а шансы на успех, как я старался доказать, у нас при этом ничтожны.

Я считаю, что успешной и в то же время безопасной формой борьбы является, если пользоваться военной терминологией, позиционная война. И этот тип сопротивления я хочу предложить.

Отдельные группы и слои общества должны создавать особые механизмы сопротивления монополистическим действиям властей в разных сферах жизни. Благодаря существованию такой массовой организации как "Солидарность", а также благодаря деятельности независимых союзов крестьян, ремесленников, студентов, это сопротивление может быть настолько всеобщим, что создаст возможности строительства независимой от властей структуры общественной жизни.

На предприятиях это означает, прежде всего, борьбу за право продолжения деятельности профсоюзов. Единственный метод тут — продолжение этой деятельности, то есть защита прав трудящихся всеми средствами, включая забастовки (без руководителей). Одной из важнейших задач в теперешней ситуации может быть обеспечение повышения

зарплаты и семейных пособий в соответствии с ростом стоимости жизни. Профсоюзная деятельность этого типа возможна будет только в том случае, если коллективы будут защищать своих активистов от репрессий путем различных акций протеста.

Важными элементами независимой от властей структуры общественной жизни было бы создание в приходах Комитетов общественной помощи, помогающих наиболее нуждающимся и обеспечивающих средствами существования людей, выброшенных с работы (это лишает властей возможности экономического шантажа); независимая печать и издательства (каждое крупное предприятие должно издавать свой собственный журнал, в каждом крупном городе должно быть независимое издательство), Советы народного образования, культуры, науки, создаваемые творческими, педагогическими и научными кругами, и создающие условия для получения независимых знаний и информации, сеть учреждений Товарищества Рабочих Университетов, выпускники которых были бы активистами профсоюзного движения, организаторами и функционерами территориального и заводского самоуправления. В ходе деятельности несомненно будут выработаны и другие элементы структуры независимой жизни общества.

Это — дорога не скорых и эффектных успехов, а длительной, кропотливой работы, требующей активности значительной части общества. Однако "Солидарность", многомиллионный союз, имеющий почти миллион активистов, несмотря на военное положение, существует и действует. У него есть достижения, которые позволяют верить, что нарисованная мною перспектива реальна. А восстание, — если оно окажется необходимым, — будет последним элементом борьбы за реализацию народной программы возрождения экономики, культуры, науки, просвещения и Независимости.

Перевод с польского С. Пирогова

ТРЕТЬЯ ВОЗМОЖНОСТЬ²

Виктор Кулерский — один из руководителей "Солидарности". С 13 декабря находится в подполье.

Что будет, если власти предпочтут застой экономики и беспорядки компромиссу? Если локальные инциденты не приведут к общепольскому восстанию и свержению власти? Если оккупация примет менее видимые формы, но продлится еще долго?

История дает немало примеров долголетнего разложения власти и далеко идущей терпеливости общества, — а может быть и особенно, — во времена нужды и голода. Не следовало ли бы подготовиться и к такой возможности, не к революции, а к эволюции? Но в каком направлении? Это зависит и от общества. А значит, не альтернатива "компромисс — революция", как у Яцека Куроня, а третья возможность: медленное разложение системы и постепенные перемены, ведущие к обретению обществом способности влиять на свою судьбу.

Чтобы перемены шли именно в том направлении, необходимо не столько создание Подпольного государства, сколько самоорганизация в Подпольное Общество. А значит, не центральный орган и полное дисциплинарное подчинение ему, но движение со многими центрами, децентрализованное, неоформленное, состоящее из независимых друг от друга, но тесно связанных между собой групп, кружков, комитетов и т. д. с большой самостоятельностью и свободой решения. Они смогут обеспечить постоянную и эффективную помощь всем, кого преследуют власти, организовать распространение независимой информации и свободной мысли, создать сеть общественных связей и обеспечить возможность самообразования и повышения образования; служить моральной и психологической опорой.

Такое движение должно привести к ситуации, когда власти будут контролировать пустые магазины, но не рынок,

---

2. Там же, "Тыгодник Мазовше", № 8, 31 марта 1982 г.

занятость работников, но не их средства существования, государственные издательства, но не распространение информации, типографии, но не движение самиздата, почты и телефоны, но не связь, школьное ведомство, но не просвещение. Такое самоосвобождение общества может со временем привести к тому, что в руках у властей окажется только полиция и горсть заклятых коллаборантов. В такой ситуации уже не будет третьего выхода. Либо падение власти, либо хотя и не явный компромисс, но постепенное открытие шлюзов, отделяющих власти от общества, и постепенное снятие наложенных на него оков. Возвращение гражданских прав, самоуправление и, наконец, участие в принятии решений, касающихся прежде всего экономических, культурных и социальных вопросов. Размер возвращаемых свобод должен быть при этом таков, чтобы перевесить тот риск, каким оплачивается жизнь в сфере Подпольного Общества. Только в этом случае его притягательная сила может настолько уменьшиться, что вновь станет возможно обрести какой-то контроль над общественной жизнью в целом. Ценой за вновь обретенное влияние на общество была бы постепенная либерализация и демократизация.

С точки зрения дальней перспективы, невозможна деятельность конспиративной организации, охватывающей всю страну, в условиях современного полицейского государства, окруженного подобными же системами и, как они, управляемого силой. Создание такой организации угрожает преждевременным взрывом или преждевременным разгромом, а значит и поражением, которого мы не можем себе позволить. Поэтому только относительно узкая группа людей может пойти на риск организовать отделы центрального органа и, самое главное, региональных организаций. Создание Подпольного Государства было бы, следовательно, только добавочной, потенциальной угрозой для власти. Его влияние могло бы распространяться в Подпольном Обществе, давая возможность быстрой организации вокруг "центрального органа" в момент, когда это окажется необходимым.

Таким образом, только в крайней ситуации Подпольное Государство получило бы свое продолжение и поддержку в Подпольном Обществе. А до того времени Подпольное Общество должно быть независимым и избегать тесных связей с центральной структурой. Это также увеличит ее возможности

сопротивления попыткам уничтожения да и общество уберезет от разгрома. Даже уничтожение всего Подпольного Государства в таком случае будет лишь частичным поражением. Подпольное Общество сохранится, способное воссоздать то, что окажется потерянным.

Третья возможность тем более достойна внимания, чем выразительнее вырисовывается еще одна опасность. Империи, терзаемые внутренними конфликтами, кризисами, и под угрозой извне не раз прибегали к агрессии. Агрессия позволяет быстро и любой ценой, невзирая на затраты, увеличить военный потенциал, консолидировать массы вокруг власти, отвлечь внимание общества от его трагического положения. Нельзя упускать из виду такую перспективу. Утешение, будто "вооруженная интервенция в Польшу будет последним актом СССР", в нашем положении весьма сомнительно.

Перевод С. Пирогова

ИНТЕРВЬЮ С БОГДАНОМ ЛИСОМ³

Б. Лис — один из руководителей "Солидарности", член действующей в подполье Общепопольской комиссии "Солидарности" от Гданьска.

Вопрос: Имеется ли теперь возможность соглашения с властями?

Ответ: Чтобы ответить на этот вопрос, нужно ответить самому себе, решило ли военное положение поставленные перед ним властью задачи или нет. Так вот, эти задачи не только не решены, но то, что это будет так, можно было предвидеть с самого начала. Поэтому обращение к военным кругам, даже если верить в официально провозглашенные намерения властей, было вызвано либо ошибочной оценкой положения и степени вовлеченности общества в процесс обновления, либо какими-нибудь иными причинами. Есть еще одна вероятность, а именно: что это было сознательное решение

---

3. "Солидарность", журнал региона Гданьска, № 34/64, 7 апреля 1982.

превратить Польшу в страну, подавленную террором военных властей со всеми вытекающими из этого последствиями. (Что экономические санкции Запада предвиделись уже до введения военного положения, видно из того, что решение о забое мелкого скота было принято в ноябре 1981 года). Я лично думаю, что все указанные причины сыграли существенную роль в принятии большинством партийного руководства такого типа решения. И либеральная, и консервативная фракции расценивали факт введения военного положения как первый этап борьбы либо за изменение общественно-политической ситуации в Польше, либо за замедление процесса реформ, поскольку ход борьбы и ее окончание по-разному видятся крылу консерваторов и крылу так называемых либералов. Не следует думать, что партийные либералы готовы к крупным уступкам обществу. Но можно допустить, что они видят пути выхода из кризиса в смягчении напряженности и они прагматичны в своих действиях, учитывая опыт, полученный на основании анализа истории кризисов в послевоенной Польше. Для реализации своих целей им нужно своего рода общественное согласие. Такое согласие для них возможно только тогда, когда не будет стоять на повестке дня вопрос о роли партии как руководящей политической силы в стране и когда законодательство гарантирует ей это право. Конечно, партии еще необходимо признание и обществом этих гарантий. Из этого положения вытекают условия, для возможного соглашения, и я думаю, что за них следует бороться. Соглашение возможно при условии, что все права, обретенные обществом на основе такого соглашения, будут гарантированы народу партией однозначным и определенным образом, что будут нетерпимы нарушения этих прав государственным и партийным аппаратом различных уровней. У общества есть также и свои условия, и от их реализации самым очевидным образом зависит достижение согласия, и это, пожалуй, понятно и властям. Например, освобождение интернированных и арестованных за профсоюзную деятельность. Поэтому, даже если не всё в моем анализе точно, все-таки возможность соглашения существует. Конечно, если в партии победит идея соглашения. Потому что, вопреки провозглашенным пропагандой лозунгам о настойчивом стремлении партии к согласию, фракция консерваторов ведет упорную борьбу за иной исход того, что начато в ночь с 12 на

13 декабря прошлого года. Целью консерваторов является недопущение каких бы то ни было перемен и в то же время подавление террором общественного сопротивления, создание рабской системы труда, которая могла бы задержать прогрессирующий кризис экономики. Если консерваторы получают перевес, то возможные последствия этого легко предвидеть. Вместо согласия — угроза обостряющегося изо дня в день общественно-политического конфликта, могущего привести к непредвиденным последствиям, включая гражданскую войну, резкое падение жизненного уровня населения и вероятность полного краха экономики.

Вопрос: Будущее "Солидарности"?

Ответ: Многое зависит от позиции всего общества и от линии, которую займет партия. Хочу верить, что победит концепция согласия, и тогда от договорной формулы профсоюзного движения будет зависеть, займут ли профсоюзы место в совместном управлении страной или будут вести только чисто профсоюзную работу. Продолжаются споры об организационной структуре. Мы будем решительно настаивать на нынешней организации по отраслевым и производственным секциям в рамках единого профобъединения. Это символ единства всех поляков. При соответствующем определении сферы действия профсоюза можно гарантировать, что профсоюз не будет заниматься тем, что относится к исключительной компетенции политических партий, но и не допустит вмешательства в свою организационную структуру. Меры военного положения не уничтожили "Солидарности". Её не уничтожить и в будущем.

Вопрос: Что сейчас должны делать члены "Солидарности"?

Ответ: Члены "Солидарности" в это трудное для нас время должны занимать собственную позицию по отношению ко всему, что происходит вокруг нас. В своих действиях они должны быть прежде всего в согласии со своей совестью. Демонстрирование единства общества имеет огромное значение и косвенно влияет на формирование политики властей. На предприятиях нужно создавать небольшие, основанные на конспиративных принципах, ячейки, но не профсоюзного руководства, а движения солидарности. Они

должны быть готовы в любую минуту действовать в рамках единой, скоординированной, крупной акции. Конкретное направление действий будет определено на основе актуального положения и будет результатом консультаций между отдельными регионами. Эти консультации проводятся. На сегодня не рекомендуются действия, в ходе которых активисты профсоюзной деятельности были бы арестованы, то есть митинги и забастовки. Следует стремиться к тому, чтобы устранять влечение к террористическим действиям. Таких тенденций "Солидарность" не поддерживает и будет от них отмежевываться. Следует организовывать каналы свободного распространения информации, всеми доступными способами размножать сообщения, заявления, платформы и другие независимые издания распущенных организаций. Нужно помнить о тех, кто за деятельность от нашего имени и в наших интересах сейчас сидит в лагерях и тюрьмах. Ни за что нельзя оставить их одних. Это было бы позором для нас "Сегодня он, завтра ты" — вот лозунг, который должен одновременно и определять наше отношение к этой проблеме и предостерегать нас от последствий, связанных с определенными принципами поведения. Нужно помогать семьям интернированных и арестованных. На сегодня это важнейшее дело. Может быть, уже скоро нам придется применять иные способы действий, но это зависит от развития событий.

Вопрос: А Валэнса и арестованные руководители "Солидарности" и руководители, находящиеся и действующие в подполье...?

Ответ: Мы не должны создавать новых, временных органов руководства профобъединения до тех пор, пока это возможно без осложнения для работы в условиях военного положения. Руководство "Солидарности" избрано законно, и, воздерживаясь от создания новых органов, мы наверняка усилим его позиции на случай возможных переговоров, наделяя его полномочиями и давая ему мандат единственного нашего представителя. Кроме того, работа без создания широких организационных структур уменьшает риск подвергнуться репрессиям со стороны органов безопасности. Лех Валэнса является руководителем "Солидарности". В такой ситуации, как нынешняя, внутрисоюзная демократия приостановлена.

Валэнса имеет право избрать такую линию поведения, какую он считает правильной. Руководители, находящиеся на свободе, обязаны своей работой укреплять позиции тех, кто при нашей поддержке и от нашего имени будет участвовать в возможных переговорах с властями.

Перевод С. Пирогова

ГЛАВНОЕ — СОХРАНИТЬ СТРУКТУРУ «СОЛИДАРНОСТИ»

(Интервью с представителями польского
свободного профсоюза)

В мае этого года в Цюрихе состоялась Конференция политэмигрантов из стран Восточной Европы. На конференции присутствовали члены Официального представительства польского свободного профсоюза "Солидарность" в Швейцарии др. М. Гребский, П. Гмай, М. Новак.

Корреспондент журнала "Форум" взял у них интервью.

Корреспондент: Вот уже почти два года события в Польше находятся в центре всеобщего внимания. Это — неоспоримое свидетельство того, что миллионы людей во всем мире понимают: сегодняшний кризис в Польше — начало всеобщего кризиса коммунистической системы. Особую тревогу вызвали события 13 декабря прошлого года — переворот Ярузельского. Что это — конец польским реформам или же временное отступление "Солидарности"? Читателей нашего журнала интересует Ваше мнение — мнение официальных представителей десятимиллионного свободного профсоюза. Как Вы оцениваете то, что произошло 13 декабря? Действительно ли в Польше было введено военное положение или имел место путч против польского общества?

Др. М. ГРЕБСКИЙ: Согласно польской конституции, введение военного положения возможно лишь при угрозе внешнего вторжения. Если кто действительно и угрожал тогда (да и сейчас) военным вторжением в Польшу, так это наш "старший брат" Советский Союз и другие союзники по Варшавскому договору.

Кроме того, военное положение должно быть предварительно одобрено Государственным Советом республики. А Государственный Совет занялся рассмотрением вопроса о военном положении лишь через день после его введения. Да и польские граждане смогли узнать, что от них требуется при введении военного положения, через несколько дней после 13 декабря, когда на улицах были развешаны соответствующие плакаты (на этих плакатах, между прочим, не была представлена дата).

Нельзя, однако, сказать, что 13 декабря в Польше произо-

шел типичный путч, т. к. сохранилась существующая структура власти и управления. Все это, впрочем, лишь формально-юридические вопросы. О каком праве можно вообще говорить, если фактически 13 декабря в Польше было введено бесправие. Руководство коммунистической партии хотело подавить "Солидарность" и сделало то, что хотело. В соответствии со своей старой методикой — методикой грубейшего произвола.

К.: Предполагала ли "Солидарность" возможность подобного переворота или она опасалась лишь внешней агрессии в Польшу?

П. ГМАЙ: Уже в ноябре 1980 года "Солидарность" обсуждала возможность подобного развития событий. Такой внутренний переворот, осуществляемый силами безопасности с опорой, с одной стороны, — на партийно-бюрократический аппарат и армию, а с другой, — на военную угрозу со стороны СССР и сателлитов, мы условно называли "сэндвич".

С момента своей организации "Солидарность" планировала работу на много лет вперед. Велась активная разъяснительная работа в армии и милиции. Но при этом действовал принцип строгого самоограничения. Если бы "Солидарности" удалось полностью перевести на свою сторону армию и милицию, это неминуемо спровоцировало бы советскую агрессию. То же самое касается и коммунистической партии. С марта прошлого года в Польше фактически не было единой коммунистической партии. Как это ни парадоксально, "Солидарность" хотела сохранить компартию. Ведь на границах Польши стоят 35 советских дивизий.

Тактика "Солидарности" состояла в выигрыше времени и создании глубоко эшелонированной организации. Для этого нужны были люди и нужна была хорошо налаженная (для любых условий) система связи и координации. Каждый десятый член "Солидарности" был активистом, каждый сотый — функционером. Сто тысяч функционеров! Эффективность такой работы видна сегодня. После переворота "Солидарность" сохранила, несмотря на многочисленные аресты, свой актив. Сохранила она и 60% своих издательских возможностей. Лишь на короткий период властям удалось нарушить координацию между местными ячейками "Солидарности". Сейчас такая связь полностью восстановлена. "Солидарность"

добилась своей главной цели — создала организацию, глубоко укоренившуюся в народе.

К.: Считала ли "Солидарность" своей задачей перестройку всей экономической системы в Польше или она ограничивалась защитой конкретных интересов отдельных польских трудящихся?

П. Г.: В Польше невозможно защищать конкретные интересы трудящихся, не требуя одновременно перестройки всей экономической системы. Экономический кризис в Польше назревал уже давно. Уже в начале 70-х годов централизация производства зашла так далеко, что о подлинном динамичном управлении предприятиями не могло быть и речи. Сплошная бесхозяйственность. И это касается практически всех отраслей экономики. И то, что экономика неуправляема, было ясно всем: и рядовому рабочему и профессору-специалисту. Все понимали, что необходима перестройка всего хозяйства, перестройка в направлении расширения прав предприятий: в выборе ассортимента выпускаемой продукции и способов мобилизации внутренних ресурсов, в большей их экономической независимости. Правительство же ничего не делало.

К.: Одним из требований "Солидарности" было требование самоуправления на предприятиях. Вы считаете, что самоуправление могло бы решающим образом изменить экономическую ситуацию в стране?

П. Г.: Да, конечно, да.

К.: Считаете ли Вы возможной коренную перестройку управления производством в условиях экономического кризиса?

П. Г.: Трудно сказать. Конечно, ситуацию нельзя было бы изменить вдруг, сразу. Но в течение нескольких лет, я думаю, такая перестройка была бы возможной. Если бы, конечно, одновременно происходил процесс демократизации всей общественной системы. Без демократизации серьезная перестройка экономики невозможна.

К.: Не привела бы такая перестройка к экономической катастрофе?

П. Г.: Нет. Особенно, если учесть, что при дальнейшей

демократизации общественной жизни, в Польшу продолжали бы поступать кредиты от развитых государств Запада.

К.: Как случилось, что польские солдаты — дети и братья членов "Солидарности" — выступили против свободного профсоюза?

П. Г.: переворот готовился с начала лета 81 года. В июне-июле значительная часть воинских соединений, которые власти считали ненадежными, была разоружена. После сентябрьских маневров очень усилилось влияние советских офицеров в польской армии. Практически вся связь между отдельными подразделениями оказалась в их руках. Делалось это под предлогом защиты военных интересов стран Варшавского договора. Отсутствие связи между польскими частями оказалось чуть-ли не решающим фактором в подготовке переворота. Практически переворот был совершен частями органов безопасности и милиции.

М. Г.: В этих частях — около 300.000 служащих.

П. Г.: Даже командиры больших воинских соединений не знали в первые дни, какова общая ситуация. Отдельные части были направлены на охрану объектов, имеющих военное значение: мосты, железные дороги, аэродромы и т. д. Солдаты не имели, практически, контактов с населением. Трудно ожидать от солдата действий, которые могли бы рассматриваться властями как измена присяге, если он, всего-навсего, охраняет мост.

В тех немногих случаях, когда воинские части входили в непосредственный контакт с забастовщиками, некоторые офицеры и солдаты отказались выполнять приказы командования и были арестованы. Части, которые сталкивались с рабочими, отводили в казармы и разоружали. Между прочим, сейчас весна: время демобилизации и нового призыва. Часть солдат демобилизована, но нового пополнения еще нет. Власти боятся брать в армию молодежь.

На Ваш вопрос я могу ответить: нет, армия не выступила против народа. Путч — дело рук сил безопасности и милиции.

К.: Как Вы оцениваете ситуацию, сложившуюся после 13 декабря. Удалось ли Ярузельскому добиться намеченной цели?

П. Г.: Мы убеждены: то, чего хотели добиться Ярузельский и его люди, не достигнуто.

Экономической стабильности нет. Хозяйственное положение много хуже, чем в прошлом году. Единственное, что может сделать Ярузельский, — еще больше централизовать управление экономикой, но такая централизация приведет к катастрофе.

Нет и политической стабильности. Даже в партии и в администрации нет единства. Раскол проходит через все слои общества. И сторонники режима повсюду в меньшинстве.

И, наконец, не решена главная задача. Не удалось ни уничтожить "Солидарность", ни даже уменьшить ее влияние на население.

Ситуация настолько нестабильна, что режим имеет очень мало шансов долго продержаться у власти. Он не способен ни руководить экономикой, ни руководить политикой, ни подавить сопротивление.

К.: Какие задачи в этой ситуации ставит перед собой "Солидарность"?

П. Г.: Главная задача сегодня — сохранить структуру "Солидарности". Построить многоэтажную подпольную структуру, систему связи и координации действиями региональных союзов, наладить издание бюллетеней, газет и других публикаций. По-существу, наладить подпольную форму общественной жизни в Польше. Это единственная возможность сохранить за собой население. Ведь люди — основной капитал "Солидарности". Необходимо удерживать молодежь от необдуманных действий, таких как террор и массовые беспорядки. "Солидарность" — единственная в Польше организация, которая способна это сделать. Но недовольство режимом настолько сильное, что его не всегда удастся сдерживать даже нашей организации. Так, 3 мая десятки тысяч поляков по призыву "Солидарности" вышли на улицы Варшавы. Они должны были лишь 15 минут постоять возле костела, выражая тем свою солидарность с "Солидарностью". Но власти применили силу. И в ответ начались спонтанные беспорядки. Не обошлось здесь и без провокаторов. После этого "Солидарность" призвала поляков воздерживаться от уличных выступлений. С влиянием "Солидарности" на население власти не могут не считаться.

К.: Как Вы представляете себе возможный выход из сложившейся в Польше политической ситуации? Один из бывших руководителей КОРа Яцек Куронь считает, что проблема возможно будет решена всенародным выступлением против режима Ярузельского. Руководители подпольной "Солидарности" Збигнев Буяк и Виктор Кулерский предлагают другой путь — путь возрастающего давления на правительство со стороны подпольной "Солидарности", за которой пойдет большинство поляков.

П. Г.: Предсказывать будущее очень трудно. Если Ярузельский и компания будут опираться лишь на силу, то следует предполагать, что экономический кризис будет нарастать, т. к. исчезнет возможность серьезного экономического сотрудничества с Западом. В условиях, когда польская промышленность более, чем на 50%, зависит от связей с Западом (она работает на западных машинах и, следовательно, нуждается в запчастях и материалах с Запада), это может привести к очень серьезным последствиям.

Другой аспект проблемы: нельзя ожидать в нынешних условиях какого-либо сотрудничества трудящихся с властью. А ведь они — трудящиеся, а не власть, — являются производителями. У власти остается лишь один выход — дальнейшая централизация управления производством, введение жесткой палочной дисциплины. А такой путь нигде и никогда (ни у нас в Польше, ни в СССР, ни в других странах "реального социализма") не давал долговременных положительных результатов. Это очень опасный путь, который приведет к разрушению промышленности. Но, если политические условия не изменятся, другого пути, повторяю, у власти нет.

К.: Каким образом политические условия могут измениться?

П. Г.: Мы думаем все еще возможен компромисс между властью, Церковью и "Солидарностью".

К.: Власти вынуждены будут уступить?

П. Г.: Да.

К.: Какие основные требования "Солидарности" должны быть при этом удовлетворены?

П. Г.: Ограничение власти коммунистической партии, осо-

бенно в области экономики. Ну и, конечно же, освобождение всех репрессированных и возобновление Соглашений 80 года.

К.: Если борьба "Солидарности" с режимом растянется на несколько лет, не может ли сложиться ситуация, когда большинство трудящихся устанет от постоянных экономических трудностей, от репрессий, и борьба народа превратится в борьбу одиночек-идеалистов?

П. Г.: Это, в принципе, возможно. Народ не сможет сопротивляться бесконечно долго. Особенно, если властям удастся разрушить структуру "Солидарности".

К.: Как я понял, это трудно сделать из-за многоэтажности подпольной "Солидарности".

П. Г.: Трудно, но не невозможно. В Советском Союзе такое делали. Я все же верю, что "Солидарность" выстоит.

К.: Вопрос к пани Новак. Польские женщины первыми ощущают экономические трудности: нечем кормить семью, не во что одеть детей, все труднее выглядеть элегантно, — а ведь для польки это очень важно, не так ли? Не думаете ли Вы, что женщины первыми устанут от борьбы?

Мария НОВАК: Это невозможно! Вы не знаете польских женщин. Они горды и упрямы. Они не сдадутся. Это совершенно невозможно.

К.: Каковы задачи представителей "Солидарности" на Западе?

П. Г.: Наладить отношения с польской демократической эмиграцией, с политэмигрантами из других стран Восточной Европы, с общественными, государственными и профсоюзными (что особенно важно) организациями западных стран. Мы должны быть рупором "Солидарности". Ведь там, в Польше, у нее уста замкнуты. Представительства "Солидарности" информируют мир о положении в Польше. Занимаемся мы и организацией помощи свободному польскому профсоюзу.

Очень важно, чтобы Запад понимал: режим Ярузельского отступит, если одновременно с давлением "Солидарности" изнутри, он будет ощущать возрастающее экономическое

давление западных стран. Демократические силы на Западе должны поддержать оппозицию и в других восточноевропейских странах. В первую очередь, в Советском Союзе.

К.: Состоявшийся в прошлом году съезд "Солидарности" обратился к трудящимся стран Восточной Европы, в том числе и к трудящимся Советского Союза, с призывом развивать свободное профсоюзное движение. Означает ли это, что "Солидарность" нуждается в поддержке трудящихся СССР?

П. Г.: Да, конечно. И кроме того, мы живем в очень похожих условиях. У нас — одни и те же проблемы, у нас — одни и те же цели. Поэтому так естественна солидарность трудящихся наших стран.

К.: Не думаете ли Вы, что подлинно свободная Польша возможна лишь при условии демократических изменений в СССР?

П. Г.: Безусловно, без этого бороться за свободную и демократическую Польшу будет гораздо труднее. Если бы возникла еще одна "Солидарность" в странах Восточного блока, это была бы большая поддержка польским трудящимся.

К.: Означает ли это, что борьба за права человека, права народов, права трудящихся в Советском Союзе и борьба "Солидарности" в Польше — звенья одной и той же цепи?

П. Г.: Да. И мы желаем народам СССР успеха в борьбе за демократизацию.

К.: Я уверен, что многие люди в различных республиках Советского Союза с надеждой смотрят на Польшу. И верят в Вашу победу. Большое спасибо.

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

ВОЛНЕНИЯ В ГРУЗИИ

(САМИЗДАТ)

Как известно, в июне 1980 года с подписью 364 представителей грузинской интеллигенции на имя Брежнева и Шеварднадзе была направлена петиция с требованием защиты государственного статуса грузинского языка и улучшения обучения истории Грузии в школах. В январе 1981 года на имя Брежнева и Шеварднадзе с подписью ста представителей грузинской общественности была направлена петиция о притеснении грузин в Абхазии. Ранее ей предшествовала петиция грузин из Абхазии от апреля 1980 года по тому же вопросу. (Абхазия, северо-западная Грузия, всегда представляла органическую часть Грузии, так же как Картли, Кахети, Имерети и т. д. Правительство искусственно создало проблемы для грузинского населения Абхазии, которое представляет там национальное большинство.) Ни на одно из этих писем не был дан ответ, и в положении не наблюдалось улучшения.

В марте 1981 года в Грузии начались национальные волнения. Первое выступление студентов произошло в связи с требованием о возобновлении лекций перед многочисленной аудиторией литературного критика А. Бакрадзе, что 23 марта вызвало демонстрацию в университете перед ректором с участием до 1000 студентов и удовлетворение требования студентов.

30 марта во Дворце правительства открывался съезд писателей Грузии. Этот случай грузинская общественность использовала для выдвижения ряда требований. В 10.30 утра перед Дворцом правительства собрались представители интеллигенции и студенчества, которые держали в руках транспаранты: "Прекратить преследование грузин в Абхазии", "Освободите Маркозия". Маркозия является одним из представителей национального движения грузин в Абхазии, кото-

рый по ложному обвинению (сотрудники Министерства внутренних дел положили оружие в его машину) был арестован в феврале 1980 года. Требования демонстрантов касались также обучения истории Грузии в школах (в средних школах для изучения истории Грузии выделено незначительное количество часов, что составляет четверть часов, выделенных для обучения истории СССР — фактически только истории России. Даже это незначительное количество часов, выделенных для изучения гораздо более многовековой истории Грузии, фактически не используется). Демонстранты также требовали построения памятников выдающимся историческим деятелям грузинского государства (Давиду Строителю, царице Тамаре и др.), улучшения положения грузин в юго-восточном крае Грузии — Саингило (эту часть грузинской территории после оккупации Грузии советскими войсками и установления там советской власти коммунисты незаконно отделили от Грузии, и теперь она находится в составе Азербайджанской ССР. В отношении грузинского населения Саингило проводится кампания национального и религиозного притеснения и ассимиляции, в связи с чем грузинское население Саингило неоднократно обращалось как к местному, так и к центральному правительству, но безрезультатно).

Э. Шеварднадзе был вынужден выйти к демонстрантам. Сперва беседовал с ними на улице, а потом часть демонстрантов ввел в здание для продолжения разговора. Милиция начала насильственный разгон оставшихся демонстрантов, их даже били, нескольких из них насильственно увели с собой. Насилие со стороны милиции и КГБ вызвало большое возмущение демонстрантов и случайных прохожих, что очень расширило масштаб демонстрации (участвовало примерно тысяча человек). Демонстранты срочно сделали транспаранты с требованием немедленного освобождения всех задержанных. Представители власти были вынуждены удовлетворить требование.

Шеварднадзе обещал участникам манифестации придти в университет от 15 до 26 апреля для обсуждения тех вопросов, которые волновали участников манифестации. Он обещал также дать ответ на вопросы, поставленные в петициях о грузинском языке и Абхазии. Демонстрация на площади Руставели длилась в течение 4-5 часов. Через несколько дней

был освобожден Маркозия, о чем было сообщено в грузинской прессе. На этой же демонстрации заместитель министра внутренних дел Грузинской ССР (Кавсадзе) обещал демонстрантам прийти на второй день в Политехнический институт и ответить на их вопросы.

31 марта встреча в Политехническом институте заместителя министра внутренних дел и секретаря ЦК с обширной аудиторией грузинской молодежи (в основном студентов Политехнического института и университета) превратилась в волнующий митинг, на котором главным предметом обсуждения было положение в Абхазии. Особенное возмущение участвующих вызвала явно антигрузинская позиция в абхазском вопросе, выраженная секретарем ЦК (С. Хабеишвили). Студенты потребовали прочитать в зале петицию по вопросу Абхазии. Но представители власти категорически отказались допустить это. Тогда присутствующие в знак протеста покинули зал. Собравшимся на улице, перед Политехническим институтом, официальные лица высокого ранга обещали, что петиция будет прочтена, а также ответ на нее будет дан во время встречи с Шеварднадзе в университете.

После исторического события 1978 года¹ 14 апреля стало символом сопротивления грузинского народа произволу режима. В нынешнем году этот день был первый раз отмечен публично. Грузинская общественность, в основном студенты, собралась в патриархальном храме Светицховели в древней столице Грузии Мцхете для всеобщей молитвы за Грузию.

Предшествующие дни чувствовалось большое беспокойство правительства. Студентов массово пытались выводить из города для туристического путешествия, экскурсии или под другим предлогом. Один студент был вызван в КГБ, где ему угрожали арестом, если он не покинет город для туристического путешествия.

14 апреля как университетский двор, так и железнодорожный вокзал и вагоны поезда, на котором ехали студенты, были переполнены бесчисленными сотрудниками мили-

---

1. 14 апреля 1978 г. в Грузии состоялись многочисленные демонстрации протеста против проекта Конституции Грузинской ССР.

ции и КГБ. Официальные лица объясняли это тем, будто из колонии убежал опасный преступник, которого разыскивали (почему-то именно в Мцхете и именно в Светицховели, двор которого был переполнен сотрудниками КГБ и милиции).

В этот день движение на Военно-Грузинской дороге (центральная магистраль) было целиком остановлено. В Мцхете не впускали даже пешеходов: чтобы объяснить запрет, срочно вывели нескольких велосипедистов и бегунов и объявили спортивный форум. Поезда не останавливались в Мцхете, хотя обычно Мцхета является обязательной остановкой для всех поездов. В таких условиях очень большая часть молодежи и интеллигенции не смогла добраться до Светицховели. Добраться до Светицховели сумели только те (около 300) молодые люди, которые вместе ехали в одном поезде, который не смели не остановить в Мцхёте. Некоторым студентам удалось добраться до Светицховели, переплыв Куру на плоту. Молодые люди хотели слушать в храме записанные на магнитофонной ленте древние грузинские церковные песнопения. Как выяснилось, правительство не хотело допускать и этого. Власти сперва попытались помешать молодым людям послушать песнопения с помощью представителя так называемого "красного духовенства", агента КГБ, а потом почти во всей Мцхете выключили электричество для того, чтобы невозможно было включить магнитофон. Молодые люди прочитали молитву "Отче наш", пели церковные песнопения и, стоя на коленях со свечами в руках, молились за Грузию, после чего все вместе отправились в Тбилиси. На улицах Мцхеты, в поезде, в тбилисском метро многие из них пели известное грузинское песнопение "Мравалжамиери".

В связи с грубыми попытками правительства помешать людям отмечать 14 апреля вышеописанным образом на имя первого секретаря ЦК КП Грузии Э. Шеварднадзе было написано письмо протеста, которое подписали более ста студентов. Также молодые люди возбудили вопрос перед патриархом Грузии об изгнании из церкви недостойного "духовного лица", на самом деле агента КГБ.

14 апреля в Тбилиси кафедральный храм Сиони был окружен милицией и КГБ, и никого не впускали в церковь, хотя там вечером по вторникам обычно проводятся проповеди.

Власти были настолько напуганы, что, например, 15 апреля встречи нескольких студентов перед зданием оперы было достаточно для того, чтобы на них набросился огромный отряд (до ста человек) милиционеров, которые усердно требовали от двух (!) студентов разойтись, а некоторых, которые прибыли позже, увели в милицию.

Что касается обещанной встречи Эдуарда Шеварднадзе с молодежью и представителями интеллигенции в университете, которая должна была состояться от 15 до 25 апреля, несколько студентов (Чхеидзе, Кошкадзе) вели переговоры о точной дате этого визита сперва с ректором, которому студенты сначала предложили 20 апреля как дату для встречи, а потом с университетским партийным комитетом. В партийном комитете этим двум студентам сказали, что встреча состоится, где, когда и как они этого хотят и предложат правительству. Поскольку определенный ответ не был дан студентам в предшествующие 20-му апреля дни, вследствие переговоров партийного комитета и студентов предпочтение было дано отсрочке встречи на несколько дней. Но 18 апреля двум студентам партком сказал, что встреча состоится утром 20 апреля. Два студента, которым дата была сообщена только на день раньше, не смогли бы сообщить ее значительному числу желающих встречи и обсуждения важных национальных вопросов, тем более, что оставшийся день был воскресенье (а власти, конечно, не собирались сделать о предстоящей встрече официальное сообщение). Кроме того, также совершенно неожиданно, этим двум студентам было объявлено, что Шеварднадзе встретится только с 50-60 людьми; список которых должны представить эти два студента. Студенты ответили, что текущие преследования студентов исключают с их стороны представление правительству списка их друзей и единомышленников (если мы учтем, что эти студенты находились в центре внимания КГБ, ясно, что список, представленный ими, был бы весьма достойным внимания для КГБ). Студенты объявили, что предоставленные условия неприемлемы, и через партийный комитет университета попросили ЦК их изменить, на что 19 апреля получили отказ. Студентам было сказано, что поскольку они не хотят такой встречи, то встреча вообще не состоится.

Но 20 апреля, совершенно неожиданно, Шеварднадзе явился в университет. Несколько студентов срочно привели в ректорат, и встречу с ними Шеварднадзе хотел зачать за обещанную. Но, узнав о приходе Шеварднадзе, в университете собралось достаточно людей, так что он зашел в актовый зал, чтобы устроить "дискуссию". Но зал в основном был заполнен не участниками манифестации 30 марта и вообще представителями общественности, заинтересованной в обсуждении поставленных вопросов, а другими сотрудниками университета, которые не были информированы о происходящем. Шеварднадзе беседовал с ними о вопросах, не имеющих ничего общего с требованиями, выдвинутыми на манифестации. Но до ста студентов случайно все-таки узнали о приходе Шеварднадзе в университет, вошли в актовый зал и после вступительной речи Шеварднадзе объявили, что эта встреча не является обещанной встречей, и попросили назначить точную дату для настоящей дискуссии. Но когда ректор и Шеварднадзе начали пренебрежительно отклонять их требование, все студенты (до ста человек) в знак протеста оставили зал. Шеварднадзе срочно послал вслед за ними университетского секретаря парткома, который во дворе умолял студентов вернуться в зал или хотя бы договориться с Шеварднадзе о встрече с ним. Студенты отказались вернуться в зал, но согласились обсудить вопрос о встрече. Это обсуждение, в котором участвовали несколько студентов, состоялось в комитете комсомола. Шеварднадзе был очень взволнован и говорил, что они хотят привести массу людей. Он категорически отказался вернуться в университет для другой встречи. Вместо этого он предложил встречу в ЦК с ограниченным числом представителей общественности с заранее представленным списком. Но, поскольку такая встреча не была бы заменой открытому обсуждению требований, которое он раньше обещал, студенты и Шеварднадзе фактически не достигли соглашения.

Тем временем стало известно, что врач и историк Николай Самхарадзе, которого за свободное выражение мнения (письменное и устное) о положении в Грузии арестовали 23 сентября 1980 года, был переведен в Днепропетровскую психиатрическую больницу. Это известие и вообще судьба 66-

летнего Самхарадзе и его семьи (у него жена и трое несовершеннолетних детей) вызвали большое возмущение среди общественности грузинской столицы, и к требованиям грузинской молодежи и интеллигенции прибавилось и требование о немедленном освобождении Николая Самхарадзе.

18 мая утром студенты и представители грузинской общности должны были собраться в университетском дворе с транспарантами и потом передать требования в письменной форме первому секретарю ЦК КП Грузии Э. Шеварднадзе, который раньше, как известно, не захотел провести с общественностью обещанную встречу и обсуждать их требования.

Но утром 18 мая, когда студенты, которые должны были принести требования и транспаранты (студенты исторического факультета Тбилисского государственного университета Т. Чхеидзе, М. Кошкадзе и вместе с ними М. Багдавадзе), шли в университет, на дороге на них напала группа сотрудников КГБ с машинами, их насильственно схватили, бросили в машины и повезли в отделение милиции, в отдаленную часть Тбилиси. Их обыскали, составили акт обыска, у них отобрали транспаранты и требования.

Как потом стало известно, в то же утро задержали множество других людей, которых держали в разных отделениях милиции до конца дня.

Несмотря на это, в университетский двор все-таки собралось определенное количество студентов и представителей интеллигенции (100-200). Отсутствие арестованных студентов (Т. Чхеидзе, М. Кошкадзе и М. Багдавадзе) вызвало замешательство и волнение присутствующих. Огромный отряд милиции и КГБ начал разгонять демонстрантов нецензурной бранью и избиением, а некоторых, которых отделили от других, доставили в милицейские участки. Группа демонстрантов хотела прочесть текст требований, но сотрудники КГБ вырвали его у них.

Арестованных (Чхеидзе, Кошкадзе, Багдавадзе, а также студентку Н. Какабадзе) вечером вывели из отделения милиции, посадили в машину, сказав, что везут по домам, и повезли в город Телави (приблизительно 100 км к востоку от Тбилиси, в Кахетии). Там они находились под арестом в гостинице Интуриста "Кахети", из которой в день их прибытия выселили последних обитателей. К прибывшим сту-

дентам пришел первый секретарь райкома Телави, который объявил им, что они могут выйти только на один час (конечно, в сопровождении сотрудников милиции и КГБ), и потребовал гарантии, что в Телави ничего не случится. На вопрос о том, что именно может случиться, секретарь райкома ответил: "Что происходило в Тбилиси".

Задержанные студенты находились под домашним арестом в Телави, пока в Тбилиси не кончилось празднование 60-летия установления советской власти (т. е. 60-летия завоевания вторгнувшимися войсками Советской России независимой Грузинской Демократической Республики) и до отбытия Брежнева из Тбилиси.

Арест четырех студентов вызвал большое волнение и возмущение в Тбилиси. Молодежь в тот же день (18 мая) составила петицию в адрес первого секретаря ЦК Шеварднадзе с требованием немедленного освобождения задержанных, под которой были собраны сотни подписей. А если 24-го задержанные не вернулись бы домой, студенты собирались выступить в их защиту. Но 24 мая, как только Брежнева проводили из Грузии, задержанным объявили, что они свободны.

Несмотря на все это, требования все-таки доставлены и переданы правительству. На третий день после задержания студентов (20 мая) Звиад Гамсахурдия передал приемной ЦК КП Грузии другой экземпляр текста требований вместе со следующим письмом:

ОБРАЩЕНИЕ ЗВИАДА ГАМСАХУРДИА К ПЕРВОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КП ГРУЗИИ

Кандидату в члены Политбюро ЦК КПСС,
первому секретарю ЦК КП Грузии
Э. Шеварднадзе

Поскольку Вы обещали представителям нашей молодежи и интеллигенции, что примете от них письменные и устные требования в связи с национальными проблемами и ответите на их вопросы, на основе опроса общественности составлены требования, которые одобряет абсолютное большинство нашего народа, что в случае надобности будет подтверждено массовыми подписями. Текст требований передаю Вам на русском языке, чтобы Вы ознакомили с ними Генерального

секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР Л. И. Брежнева.

С уважением

Звиад Гамсахурдиа

20. 5. 1981 г.

ТРЕБОВАНИЯ ГРУЗИНСКОГО НАРОДА
К ГЕНЕРАЛЬНОМУ СЕКРЕТАРЮ ЦК КПСС,
ПРЕДСЕДАТЕЛЮ
ВЕРХОВНОГО СОВЕТА СССР Л. И. БРЕЖНЕВУ
КАНДИДАТУ В ЧЛЕНЫ ПОЛИТБЮРО ЦК КПСС,
ПЕРВОМУ
СЕКРЕТАРЮ ЦК КОМПАРТИИ ГРУЗИИ
Э. А. ШЕВАРДНАДЗЕ

В связи с грузинским языком

1. Выполнить все требования письма грузинского народа от 10 июня 1980 года относительно грузинского языка и обучения истории Грузии в грузинских школах и вузах ГрузССР.

2. Провести в жизнь 75-ю статью Конституции ГрузССР, согласно которой грузинский язык является государственным языком в ГрузССР. Во всех учреждениях делопроизводство, собрания и митинги вести на грузинском языке, параллельно учитывая интересы русского языка. На территории ГрузССР всюду установить грузинские надписи.

3. Обеспечить снабжение издательств ГрузССР достаточным количеством бумаги (особенно для учебников средних и высших учебных заведений).

4. Увеличить удельный вес (количество часов) радио и телепередач на грузинском языке, улучшить их качество с точки зрения освещения злободневных национальных проблем. Построить новый, усиленный ретранслятор, который улучшит слышимость радиопередач во всех районах Грузии (включая Саингило).

5. В Тбилисском топографическом техникуме в грузинском секторе упразднить обучение геодезии на русском языке. Увеличить грузинские секторы в Политехническом и других институтах. Пресечь намерение уменьшения грузинских секторов в институтах, как это предусматривают некоторые проекты.

6. В ГрузССР создать специальный завод или производственную мастерскую для выпуска машин с грузинским шрифтом.

В связи с Абхазской АССР

1. Выполнить все требования, изложенные в письме грузинского народа от января 1981 года относительно ААССР.

2. Население сванских деревень, которые должны быть переселены в связи со строительством "Ингуригэс", поселить в Абхазской АССР, в частности в Бзыбском ущелье.

3. В Абхазской АССР упразднить фактически существующий паспортный режим против грузин, который запрещает прописку грузин на территории Абх. АССР. На территории автономной республики, в особенности в Гагрском и Гудаутском районах, жителям грузинской национальности предоставить право на разделение семей, строительство новых домов.

4. В Гудаутском районе семье Б. Чаладзе, убитого провокаторами-сепаратистами, назначить государственную помощь в виде увеличенной пенсии, построить дом, поскольку убийца отказывается выплачивать алименты. Также назначить пенсию и построить дом семье искалеченного провокаторами-сепаратистами бульдозериста Р. Модебадзе, так как он лишен трудоспособности. Объективно расследовать дела относительно убийств Джеджалава и братьев Чихрадзе.

5. В нынешнем году занести в титульный список Управления охраны памятников культуры ГрузССР все те памятники культуры Грузии на территории Абх. АССР, которые лишь формально взяты государством под охрану и нуждаются в серьезном уходе (приблизительно пятьдесят памятников, на самом деле в титульный список занесено лишь три памятника).

6. Снять с должности начальника абхазского отделения Управления памятников культуры В. Пачулина, как некомпетентного и недобросовестного сотрудника, избрать вместо него подходящего и компетентного сотрудника.

7. Искоренить распространение всякого рода дезинформации относительно памятников грузинской культуры на территории нынешней Абх. АССР как в автономной республике, так и по всему Союзу.

8. Обеспечить использование средств, выделенных государством на реставрацию памятников культуры Грузии, находящихся на территории Абх. АССР, очамчирской научно-реставрационной мастерской, как для реставрационных работ большого масштаба, так и для работ с целью укрепления памятников.

9. Учредить шефство богатых организаций Абх. АССР над памятниками культуры.

В связи с Саингило (часть Восточной Грузии, ныне принадлежащая Азербайджанской ССР)

1. Необходимо, чтобы комиссия, выделенная правительством СССР для изучения вопроса о Саингило, встречалась и беседовала бы с теми ингилойцами-грузинами, которые отсылают письма и заявления в официальные инстанции СССР, а не только с теми лицами, которые занимают официальные должности. Работа комиссии должна принять характер опроса населения.

2. Прекратить притеснение и дискриминацию грузинского населения Саингило. Прекратить уничтожение садов и виноградников грузин, снесение их домов с целью искусственного заселения освобожденных участков азербайджанцами и дагестанцами. Пресечь такое заселение, запланированное в ближайшее время на территории деревни Кешкутан; на участке, где прежде были сады и виноградники грузин.

3. Грузинам-ингилойцам предоставить право на разделение семей, предоставить им годные земельные участки для поселения в Кахском районе.

4. Вернуть национальность и настоящие фамилии тем грузинам-мусульманам, которые в Кахском, Закатальском и Белоканском районах паспортизированы и статистикой обозначены как азербайджанцы.

5. В указанных районах учредить активный и постоянный контроль с целью пресечения террора, жертвой которого являются грузины-ингилойцы; провести объективное расследование уже совершенных преступлений.

6. Со всей категоричностью потребовать от руководства АзССР пресечь срыв работы и саботаж в грузинских секторах местных школ. Прекратить преследование тех родителей, которые обучают детей на родном языке. Упразднить

азербайджанские секторы в школах тех деревень, где дети не знают азербайджанского языка.

7. В грузинских деревнях открыть грузинские детские сады (в первую очередь, в Алибаде, Мосуле и Ититале).

8. Восстановить в Кахи грузинскую восьмилетнюю школу и пресечь намерение руководства переделать другую восьмилетнюю школу и среднюю школу в "интернациональные", т. е. азербайджанско-грузинские школы (что уже осуществляется в Кахи).

9. В грузинских школах директорами назначить лиц грузинской национальности.

10. Предоставить населению Кахского района грузинскую газету, выделить грузинский столбец в закатальских и белоканских районных газетах.

11. Населению Саингило предоставить возможность смотреть грузинские телепередачи. Без отсрочки принять постановление о строительстве телевизионной вышки в Цители-Цкаро. Телефонную линию Саингило присоединить непосредственно к линии ГрузССР, поскольку связь с Грузией через Баку требует много времени, а иногда и вовсе невозможна.

12. Грузинским художественным и научным коллективам предоставить право на посещение Саингило.

13. Восстановить шефскую комиссию Саингило в АН ГрузССР, закрытую грузинским правительством в 1973 году.

14. Требовать от руководства АзССР, чтобы оно дало возможность Министерству просвещения ГрузССР оказывать методическую помощь грузинским секторам школ Саингило и комплектовать их педагогическими кадрами.

15. Восстановить в школах-интернатах и вузах ГрузССР льготный прием ингилойцев и лимиты для них.

16. Прекратить дискриминацию кадров грузинской национальности на всех должностях, установить пропорциональность кадров с национальным составом населения.

17. Запретить злонамеренную фальсификацию истории трех вышеназванных районов в прессе Азербайджанской ССР.

18. Христианскому населению Кахского района предоставить предусмотренное Советской Конституцией и законодательством о культурах право на открытие церкви "Малая Алаверды" в Кахи.

19. В деревнях ингилойцев-грузин учредить системати-

ческий и организованный показ грузинских кинофильмов.

20. Поскольку на деревню Алибейли местными властями преднамеренно направлена река Курмух, выделить комиссию квалифицированных специалистов для изучения гидротехнических строений и принять меры, чтобы деревня спаслась от наводнения.

21. Прекратить повреждение и уничтожение памятников грузинской культуры на территории Саингило. Узаконить участие грузинских специалистов в археологических раскопках на территории Саингило.

В отношении Месхети и Джавахети

1. Ускорить строительство автомобильной дороги Батуми-Адигени; аджарцам предоставить возможность поселяться в Месхети и Джавахети.

2. Открыть грузинское отделение в техникуме Ахалкалаки, выработать проект для перенесения в Ахалкалаки одного из отделений зооветеринарного института.

3. В данной пятилетке ускоренными темпами завершить строительство железной дороги Марабда-Ахалкалаки.

4. Лицам, проживающим на территории ГрузССР, предоставить право проходить на контрольных пунктах Месхети и Джавахети (пограничная зона), представляя лишь паспорт (упразднить систему пропусков).

5. Проживающим и работающим в совхозе Насакирали месхам А. Курадзе и И. Хозревадзе предоставить официальные полномочия для организации переселения месхов в Грузию (из различных республик СССР). Делу переселения месхов дать официальный ход.

Общие национальные проблемы

1. Установить в Тбилиси памятники царю Давиду Строителю, царице Тамаре, герою грузинской истории Цотне Дадиани, основоположнику грузинской литературы Якову Цуртавели, великому грузинскому писателю и педагогу Якову Гогешавили.

2. С территории монастырского комплекса Давид-Гареджа перенести артиллерийский полигон, который уничтожает уникальный памятник культуры.

3. Осуществить в ГССР 50-ю статью Конституции о сво-

бодe совести, законодательство о культурах, Указ Президиума Верховного совета ГССР от 16 марта 1977 года об удовлетворении требований верующих в связи с открытием церквей. Прекратить преследование тех верующих, которые требуют открытия церквей.

4. Грузинскому григорианскому населению восточной Грузии вернуть настоящую национальность и фамилии согласно их требованиям (Дманисский район, Гардабанский район, Каспский район и т. п.).

5. В научно-исследовательский институт Южной Осетии принять грузинские кадры.

6. Удовлетворить законные конституционные требования всех национальностей, населяющих территорию ГССР.

7. Прекратить преследования некоторых представителей студенчества и интеллигенции, особенно усилившиеся с марта 1981 года.

8. По болезни и преклонному возрасту освободить из заключения Н. Самхарадзе.²

9. Упразднить общую отметку аттестата, как причину всякого рода протекционизма и взяточничества в средних школах.

10. Устроить всенародное обсуждение вышеизложенных требований.

---

2. Николай Самхарадзе, врач, арестован 23.9.80 г., находится на принудительном лечении в Днепропетровской психбольнице.

ПЕТЛЮРА И ЕВРЕИ

"Был ли Петлюра героическим борцом за свободу? Или он был обыкновенным погромщиком, юдофобским руководителем юдофобского народа?"

Эти слова напечатаны на суперобложке книги американского профессора Саула Фридмана "Погромщик", изданной в Нью-Йорке в 1976 году.¹ Правда, профессор Фридман написал это слово английскими буквами так, что его следует читать не "погромЩик", а "погромЧик". Впрочем, это детали.

Важно то, что процитированные выше вопросы действительно актуальны, и тут профессор Фридман затронул болезненные струны в душах очень многих евреев. Как известно, погромы на Украине были и до сих пор остаются одним из еврейских кошмаров, сравнимым с кошмаром гитлеровского "голокоста", несмотря на то, что ни по количеству жертв, ни по размаху и методичности, ни по степени участия официальных властей в этих событиях они никоим образом не могут быть сравнимы. Но в еврейской психике эти трагические периоды истории почти сравнялись и воспринимаются с одинаковым (или почти одинаковым) содроганием. Вряд ли стоит этому удивляться, ибо это свойство человеческой психики вообще. И теперь, через 60 с лишним лет после "петлюровщины", мы не можем освободиться от чисто эмоционального отношения к событиям тех лет на Украине. Хотя дело не только в эмоциях.

Вне всякого сомнения, основным и наиболее активным фактором, организующим дискредитацию Петлюры и всего украинского национального движения, является советская пропаганда. Без учета этого факта невозможна правильная оценка всего того, что написано о Петлюре и украинском национализме. К сожалению, некоторые влиятельные еврейские круги считают, что, исходя из их интересов, следует подчеркивать или даже преувеличивать сообщения и слухи, так или иначе связанные с преследованиями евреев в разных странах. Сочувствуя преследуемым, мы, тем не менее, не можем забывать, что кроме пропаганды существует Истина,

---

1. Saul S. Friedman, Pogromchik. New York, 1976.

забвение которой всегда чревато серьезными последствиями.

Попытаемся отбросить все предубеждения и рассмотреть свежим взглядом фигуру Симона Васильевича Петлюры — фигуру, которой народная молва евреев и авторы типа профессора Фридмана придали мрачные сатанинские очертания.

Хотя фамилия Петлюры и производные от нее слова "петлюровцы" и "петлюровщина" известны всем, не все, вероятно, четко представляют, кем он был и в каких условиях действовал.

Симон Петлюра родился в 1879 г. — в том же году, что и Сталин. Как Сталин, он учился в духовной семинарии и, как Сталин, был из нее исключен за революционную деятельность. Петлюра по духовному облику, культуре, идеалам, стремлениям и привычкам был полной противоположностью людям того типа, который известен под претенциозным названием "железная ленинская гвардия" и наиболее совершенным воплощением которого был нечеловек Сталин. Несмотря на незаконченное формальное образование, Петлюра, судя по его статьям, был человеком разносторонне образованным. Нет сомнения, что он был искренне предан идее самостоятельного культурного и политического развития украинского народа.

Начиная с 1902 г., он активно сотрудничал в украинской прессе и в Революционной Украинской партии, которая в то время стояла на социалистических позициях и в 1905 г. приняла название Украинской Социал-Демократической Рабочей партии. В 1903 г. Петлюра был арестован за революционную деятельность, но в 1904 г. выпущен на поруки. В 1904-1909 гг. он был членом редколлегии различных украинских журналов. В 1909 г. он переехал в Москву, где в 1912 г. начал издавать на русском языке журнал "Украинская жизнь", просуществовавший до начала 1917 г. — до Февральской революции. В этом журнале, наряду с выдающимися украинскими деятелями, сотрудничали и некоторые евреи, в частности, Владимир Жаботинский. Этому не следует удивляться, так как журнал вместе с еврейской прессой боролся против черносотенства, за предоставление равных прав евреям и всем народам Российской империи. Проеврейская деятельность украинских национальных кругов была в то время вызвана необходимостью бороться против русского черносотенства не

только как организации типа "Союза русского народа", но и как политико-идеологической системы, которая была направлена против национальных движений всех народов империи и все больше срасталась с царским режимом и его официальной политикой. Поскольку именно антисемитизм был "ударным" лозунгом черносотенцев, украинская и еврейская пресса единодушно сосредоточились на борьбе именно против этого лозунга. В этом вопросе интересы украинских и еврейских национальных партий полностью совпадали.

Благодаря своим проеврейским выступлениям и проеврейской направленности его журнала, Петлюра вскоре приобрел репутацию юдофила. Вот что он писал, например, в предисловии к украинскому изданию пьесы русского писателя Е. Чирикова "Евреи":

"Это произведение навеяно глубокой симпатией автора к вековечному мученику-народу. (...)

Страдания Нахмана из "Евреев" Чирикова вызывают глубокое сочувствие каждого, кто и не принадлежит к этой нации, которая волей исторической судьбы осуждена нести крест притеснений и насилия...

(...) Большое значение имеет то, что пьеса возбуждает в сердцах зрителей глубокую любовь к угнетенной нации, вызывает искреннее сочувствие к страдальцу, гнев и ненависть по отношению к строю, при котором возможны зверские издевательства над невинными жертвами".²

Накануне революции 1917 года Петлюра стал известным деятелем украинского национального движения и обладал всеми типичными чертами представителей националистически настроенной украинской интеллигенции того времени: влюбленностью в украинскую культуру, высоким идеализмом, социалистическими взглядами, верой в возможность межнационального братства или, по крайней мере, взаимовыгодного сотрудничества, стремлением к автономии Украины в составе будущей демократической России. В то время подавляющее большинство украинских национальных кругов еще не думало о возможности полной самостоятельности Украины — эта идея окрепла потом, когда стало ясно, что

---

2. С. Петлюра. Замечания о задачах украинского театра. Предисловие к украинскому переводу пьесы Чирикова "Евреи". Киев, 1907.

Временное Правительство России не очень сочувствует идее украинской автономии.

После февраля 1917 г. Петлюра неожиданно проявил себя совершенно с другой стороны — как военный и политический руководитель. В 1917 году он был избран председателем Украинского Генерального Военного Комитета (созданной после революции организации военнослужащих-украинцев в русской армии) и стал Генеральным Секретарем (то есть, министром) военных дел в украинском правительстве, сформированном Центральной Радой. Центральная Рада — это был первый парламент Украины, который в то время отстаивал право Украины на автономию. Председателем Центральной Рады был выдающийся историк профессор Михаил Грушевский.

Центральная Рада решительно поддерживала национальные и культурные стремления национальных меньшинств на Украине. Стараясь сплотить все национальности Украины вокруг идеи автономного украинского государства, Центральная Рада безоговорочно шла навстречу всем требованиям национальных меньшинств. Еврейские партии на Украине поддерживали Центральную Раду и их представители в количестве 50 человек вошли в ее состав и в состав правительства Украины. В составе правительства было создано Министерство по еврейским делам, и первым министром по еврейским делам стал д-р Моше Зильберфарб. Позже это министерство возглавляли Вольф Лацкий, Аврам Ревуцкий и Пинхас Красный. Кроме них, в правительство Украины входило еще несколько евреев: заместителем министра иностранных дел был одно время Арнольд Марголин (позже он был послом Украины в Лондоне), министром труда — Соломон Гольдельман. Оба они — Марголин и Гольдельман — остались до конца верны идее еврейско-украинского сотрудничества и позже, в эмиграции, издали ряд книг, посвященных истории независимой Украины и еврейско-украинским проблемам.

Владимир Жаботинский во время этих событий находился далеко от границ России и Украины — он сражался в составе организованного по его инициативе Еврейского легиона британской армии. Однако, он также был "повинен" в сотрудничестве еврейских политических партий с правительством Украины: в течение многих лет перед революцией он активно выступал за еврейско-украинское сотрудничество и в

значительной степени благодаря его публицистической деятельности еврейские политические круги восприняли идею близости украинских и еврейских интересов в борьбе против антиеврейской и антиукраинской политики царского правительства.³

Поскольку украинское правительство было, в основном, социалистическим, большинство его еврейских членов (за исключением А. Марголина) также были социалистами. Центральная Рада утвердила закон о национально-персональной автономии, в соответствии с которым еврейское национальное меньшинство на Украине (как и другие меньшинства) получило автономные права и должно было само организовать свои руководящие национальные органы. Подобная национальная политика была впервые сформулирована австрийскими социалистами и перед Первой мировой войной стала частью программ большинства социал-демократических партий Европы. Правительство Украинской Народной Республики, провозглашенной в январе 1918 г., впервые в мире законодательно утвердило такую политику.

Таким образом, в 1917-18 гг. сложилось то, что современная советская пропаганда назвала бы, конечно, "преступным альянсом сионизма с украинским буржуазным национализмом", хотя с обеих сторон в нем были представлены не "буржуи", а социалисты.

В действительности же тогда на Украине существовал тактический союз национально-патриотических сил обоих народов, причем каждая сторона видела в другой своего союзника в национально-освободительной борьбе.

Но тут начались погромы. Начало погромам положили бегущие с фронта банды дезертиров и бывшие члены русских черносотенных организаций, запрещенных Временным правительством России. Постепенно погромные настроения стали охватывать массы украинских крестьян и проникли в украинскую армию, значительная часть которой стала разлагаться, превращаясь в неуправляемый и неорганизованный, но вооруженный сброд. Свою роль сыграла и большевистская

---

3. Украинскую проблему В. Жаботинский осветил в ряде статей, помещенных в сборнике "Фельетоны" (С. Петербург, 1913), а также в большом числе других статей, печатавшихся в различных органах прессы с 1904 по 1927 г.

пропаганда, которая, хотя и выступала якобы в защиту евреев, но своими призывами "грабь награбленное" и "антибуржуазной" агитацией разбудила дремлющие инстинкты насилия и грабежа. Сторонники Белого движения также рассчитывали путем разлагающей (в том числе погромной) агитации привести к хаосу на Украине, что позволило бы Белой армии легко установить свой контроль над этой исключительно важной частью Российской империи. Как всегда, первыми жертвами стали евреи.

В это время сионистская фракция при Центральной Раде внесла предложение о создании еврейской самообороны для защиты еврейского населения от погромов. Предложение было внесено в Министерство военных дел, и военный министр Симон Петлюра горячо его поддержал. А кто же противился созданию еврейской самообороны? Противились этому и, в конце концов, похоронили это предложение еврейские социалистические партии. Эти факты документированы в еврейских источниках,⁴ где указывается, что еврейские социалисты отклонили план создания еврейской самообороны как "националистический", то есть "контрреволюционный". Очевидно, сыграл роль тот факт, что план был выдвинут сионистами-несоциалистами, которых еврейские социалисты считали "буржуазными реакционерами". Социалисты, по-видимому, боялись, что созданные в соответствии с этим планом вооруженные силы самообороны окажутся под влиянием не-социалистов и подорвут влияние социалистов в еврейской среде. Таким образом, социалистическая идеология и партийные интересы встали (не в последний раз) на пути спасения еврейства. Интересно, что социалистические взгляды Петлюры не помешали ему поддержать упомянутый план, еврейским же социалистам их идеология помешала понять, в чем состоят еврейские интересы.

---

4. Сведения об этом содержатся, в частности, в таких материалах: И. Шехтман, Еврейская общественность на Украине (1917-1919). Сборник "Книга о русском еврействе, (1917-1967)", издание Союза русских евреев, Нью-Йорк, 1968, стр. 31-32. И. Шехтман, Соглашение Жаботинский — Славинский. "Джуиш Соиал Стадиз", том XVII, номер 4, 1955, стр. 293. С. Гольдельман, Еврейская национальная автономия на Украине (1917-1920), Юкрейниан Рисерч энд Информейшн Инститют, Чикаго, 1968, стр. 51-52.

В январе 1918 г. началось наступление большевистских войск на Украину, и с этого времени на Украине происходила непрерывная смена властей. Большевики, немцы, гетман, Белая русская армия, поляки, атаманы разных мастей — в круговороте этих сил украинское правительство (сначала — правительство Центральной Рады, а потом — Директория) прилагало колоссальные усилия, пытаясь отстоять независимость Украины. Волна погромов почти не спадала, исключая только время немецкой оккупации и правления немецкого ставленника — гетмана Скоропадского, когда погромов почти не было. (Кто мог предвидеть, что через 20 лет немцы проявят себя совсем иначе?)

Погромы совершали все — и украинцы, и Белая армия, и большевики (вопреки распространенному среди не очень информированных людей мнению), и, конечно, всевозможные атаманы — анархистские, националистические, пробольшевистские и такие, которые меняли идеологию в зависимости от условий. Все историки погромов сходятся во мнении, что самыми страшными — и по количеству жертв, и по количеству самих погромов, и по жестокости массовых издевательств — были погромы Добровольческой (то есть, Белой) армии.⁵

Директория, в которой Петлюра был сначала членом, а потом председателем и главнокомандующим украинской армией, непрерывно издавала грозные приказы и воззвания, призывая прекратить погромы и расстреливать погромщиков. Так, в книге Арнольда Марголина "Украина и политика Антанты" приведены известные автору 92 случая расстрела погромщиков украинской армией.⁶

Впрочем, приказы Петлюры против погромов были мало действенны. Власть Петлюры большую часть времени распространялась лишь на небольшую часть Украины, да и там военачальники, формально находившиеся под его

---

5. См. И. Чериковер, Антисемитизм и погромы на Украине 1917-1918, Берлин, 1923. И. Шехтман, Погромы Добровольческой армии на Украине, Берлин, 1932. (Обе книги в издании "Остюдишес Хисторишес Архив").

6. А. Марголин, Украина и политика Антанты, Берлин, 1921, стр. 280-281.

командованием, очень мало считались с его приказами. Всевозможные местные атаманы, используя личную популярность Петлюры, прикрывались его именем, как знаменем для привлечения людей на свою сторону и придания законного вида своей деятельности. Что же до исполнения приказов этого "розового идеалиста", то они их исполняли только тогда, когда считали это для себя выгодным. Главной их целью был грабёж и расширение пределов своей личной власти, и обещаниями наживы от грабежей они привлекали на свою сторону всевозможные отбросы общества — дезертиров, не дошедших с фронта домой и "загулявших" по дороге, бывших черносотенцев, уголовников, босяков и т. п. Многие атаманы по несколько раз переходили на сторону разных властей, в том числе на сторону большевиков.

Но и сами большевистские войска были не прочь погромить евреев. Страшными погромами "отличились" Богунский и Таращанский полки Красной Армии (впоследствии прославленные в советской литературе и кинематографии), лихо громила еврейские местечки конница Буденного. Правда, большевики, хотя часто с опозданием, в показательном порядке наказывали наиболее рьяных погромщиков. Некоторые части Красной Армии, чинившие погромы, были расформированы, многие наиболее активные зачинщики погромов — расстреляны.

Что же касается украинских атаманов и частей украинской армии, то, впрочем, далеко не все они были беспринципными погромщиками. Были среди них и дисциплинированные части, преданные идее украинской независимости, были и образцы высокой идейности, самоотверженности и героизма. Именно такие дисциплинированные части украинской армии осуществляли наказание погромщиков и во многих случаях прекращали погромы, начатые местными бандами или разложившимися воинскими частями. Когда Петлюра в 1920 г., после своего последнего военного поражения, отступил на территорию Польши, с ним вместе ушла 15-тысячная армия — дисциплинированная, идейно сплоченная и боеспособная, хотя и предельно измотанная боями с многократно превосходящими силами противника. Это было все, что Петлюре удалось выковать, сплотить и сохранить после трех лет бурной деятельности и тяжелых поражений.

Вот выдержки из воззваний Петлюры против погромов:

"...Провокацией, на которую они (большевики) ассигнуют огромные суммы, они хотят разложить нас изнутри, подкупая преступные элементы, подстрекающие наших казаков к различным насилиям и погромам невинного еврейского населения. Тем самым хотят наложить клеймо погромщиков на чело рыцарей, несущих освобождение всем народам на просторах Украины.

Таким путем наши враги желают разъединить украинские и еврейские трудящиеся массы, пути которых действительно связаны и имеют за собой триста лет издевательств и гнета со стороны русского царизма.

Наша Народная Армия призвана нести равенство, братство и освобождение украинскому и еврейскому населению, и последнее активно поддерживает правительство УНР. Все его партии — Бунд, Объединенная, Поалей-Цион и Фолькс-партай встали на почву независимости Украины и принимают участие в строительстве Республики.

(...) С огромным уважением я отношусь к тем жертвам среди еврейского населения, которые оно принесло на алтарь нашей отчизны в этой борьбе.

Из донесений командующих нашими славными дивизиями и корпусами и от государственных инспекторов я знаю также и о том, что еврейское население помогало нашим больным и раненым, и дети евреев обмывали кровь с ран наших казаков в госпиталях, наскоро организованных в 3-5 верстах от боевой линии.

(...) Восстановление еврейским населением в очень короткий срок моста, разрушенного большевиками под Староконстантиновом, и помощь продовольствием и бельем также свидетельствуют о лояльном отношении к нашей армии.

(...) Избегайте провокаций, а с провокаторами, учиняющими погромы и подстрекающими более слабых среди вас, будьте беспощадны.

Смертная кара должна пасть на головы погромщиков и провокаторов".⁷

---

7. Текст взят из книги С. Гольдельмана "Письма еврейского социал-демократа об Украине", Еврейское издательство "Гамойн", Вена, 1921, стр. 56-57.

Этот приказ-воззвание за подписью Петлюры был издан 27 августа 1919 г. в Каменце-Подольском, где тогда находилось украинское правительство. Подобных приказов и воззваний было много.

Тем не менее, уже тогда некоторые еврейские круги обвинили Петлюру в недостаточно активной и решительной борьбе против погромов. Как правило, его современники не обвиняли его в умышленной организации погромов и вообще в антисемитизме. Но Петлюру обвиняли (и евреи, и даже некоторые украинцы) в том, что он не придает достаточного значения этой проблеме и в пылу борьбы не находит времени и сил для решительного и массированного подавления погромов всеми средствами государства и армии. Обвинения Петлюры в антисемитизме и в организации погромов появились значительно позже с "легкой руки" советской пропаганды. Можно думать, что усилия советской пропаганды в этом направлении не оказались бы так поразительно успешны, если бы еврейская пресса активно не поддержала эту версию. Что же касается обвинений в недостаточно решительном подавлении погромов, то необходимо очень подробное и тщательное научно-историческое исследование, чтобы установить, в какой степени эти обвинения соответствуют истине. Такое исследование еще не появилось на свет. Слои лжи, предубеждений и пропаганды в этом вопросе так толст и плотен, что это исследование, если кто-либо решится его выполнить, будет подобно археологическим раскопкам.

Активный участник революционных событий на Украине Соломон Гольдельман писал по свежим следам в 1919 году, что обвинения против Петлюры и командования украинской армии в соучастии в погромах являются безосновательными. Пассивность украинского командования в подавлении погромов, имевшая тогда место, была вызвана никак не сочувствием погромам, а "их (украинских руководителей, — И. К.) собственным национальным несчастьем того времени, когда они почти полностью утратили свою территорию, когда их собственный народ от них отвернулся и единственной надеждой были остатки их армии. И они, против своей воли, с болью и сожалением были вынуждены закрывать глаза на отрицательные стороны этой их последней слабой надежды — вновь попасть на свою, оккупированную чужаками территорию, вновь приобрести симпатии народных масс, вновь

получить возможность строить свое национальное государство..."⁸

Аналогичное мнение высказал Арнольд Марголин в своей книге "Украина и политика Антанты". Фактически то же самое сказал один из видных украинских национальных деятелей и старый друг Жаботинского Максим Славинский, когда он встретился с Жаботинским в 1921 г. в Чехословакии. На вопрос Жаботинского о погромах и ответственности Петлюры Славинский ответил:

"Почему вы так строги к Петлюре, но не к генералу Алленби и не к представителю вашего народа Герберту Самюэлю? Петлюра имел дело с тридцатью миллионами украинцев в стране, превышающей по территории Францию, и его армия состояла из неуправляемых банд. Алленби имел семидесятитысячную прекрасную, дисциплинированную армию против горстки арабов, но не сделал ничего, чтобы остановить погром в Иерусалиме в апреле 1920 года..."⁹

Ознакомление с условиями, в которых действовал Петлюра, приводит к пониманию того, в каких невероятно трудных обстоятельствах он находился. Фактически он тысячу раз стоял перед дилеммой: ввиду почти полной неуправляемости атаманов, действовавших от имени Петлюры, но не желавших исполнять его приказов, ввиду погромной деятельности этих атаманов, ввиду того, что на него, как на руководителя государства и армии неизбежно ложилась историческая ответственность за отвратительные эксцессы, предотвратить которые он в большинстве случаев не мог, он должен был либо взять на себя ответственность и

---

8. Цитата взята из написанного в 1919 г. письма Гольдельмана, которое он позже опубликовал в книге "Письма еврейского социал-демократа об Украине" (на укр. языке), Вена, 1921, стр. 34.

9. И. Шехтман, Соглашение Жаботинский-Славинский. "Джуиш Сошиал Стадиз", том XVII, номер 4, 1955, стр. 291. В приведенной цитате упоминается еврейский погром, устроенный арабами при практически полном бездействии английских мандатных властей в Палестине. Британским Верховным комиссаром в Палестине был в то время сэр Герберт Самюэль (еврей по происхождению). Английский генерал Алленби командовал британской армией в Палестине во время Первой мировой войны, а затем возглавлял британскую военную администрацию в Палестине.

продолжать попытки отстоять украинское национальное дело, либо бросить все, уйти в отставку и эмигрировать, как это сделали некоторые из его бывших соратников. Он выбрал первый путь, и ответственность за погромы легла черным пятном на его имя. В этом состоит трагедия Петлюры.

Обстоятельства и результаты встречи Жаботинского со Славинским вот уже в течение свыше 60 лет являются источником нападок на Жаботинского. Славинский в то время — в 1921 году — был представителем правительства Петлюры в Чехословакии. Само же украинское правительство и остатки армии в то время были интернированы на территории Польши. Западные державы планировали совершить вторжение в большевистскую державу, используя части петлюровской армии. Как опасались многие, в том числе и члены правительства Петлюры, это могло привести к новым погромам. В этих условиях Жаботинский и Славинский заключили соглашение об организации при армии Петлюры еврейской жандармерии, которая не берет участия в военных действиях, а занимается исключительно защитой еврейского населения от погромов.

Тот факт, что Петлюра через Славинского предложил организовать еврейскую самооборону (следует помнить, что эта самооборона, вооруженная за счет украинского правительства, могла действовать *против* войск этого правительства в случае, если войска вздумают устраивать погромы), свидетельствует о том, что мысль о создании вооруженной *еврейской* силы для предотвращения погромов не давала Петлюре покоя. Он вернулся к этой идее немедленно после того, как смог установить контакты с *единственным* из членов сионистского Исполкома, который всегда и безоговорочно поддерживал эту идею.

Казалось бы, эта явно проеврейская акция со стороны Петлюры просто не могла быть не поддержана со стороны еврейской общественности и еврейских организаций. Ведь речь шла о том, что украинское правительство готово выделить большие суммы и много оружия для создания еврейских вооруженных единиц, предназначенных исключительно для предотвращения и подавления погромов.

Сегодня это может показаться невероятным, но большая часть еврейской (в первую очередь — социалистической) прессы в мире подняла кампанию против организации еврей-

ской жандармерии и лично против Жаботинского. Выдвигалось при этом два основных аргумента: по-первых, Петлюра — "бьяка", во-вторых, мы таким образом испортим отношения с большевиками в Москве. Находясь же на позициях объективности, невозможно не признать, что это соглашение (хотя оно не было осуществлено ввиду того, что не состоялось вторжение антикоммунистических войск в советскую Россию) остается образцом правильного решения в ситуации, когда еврейскому населению, оказавшемуся в зоне вооруженного конфликта, угрожает опасность погромов.

В 1926 году в Париже Петлюра был застрелен евреем Шварцбардом. Еврейская общественность (а также советская пресса) горой встали на защиту Шварцбарда. В результате вокруг процесса по обвинению Шварцбарда в убийстве была создана такая общественная атмосфера, когда его оправдание парижским судом присяжных стало просто неизбежным. И хотя приводились данные о связях Шварцбарда с советским агентом Володиным, об уголовном и коммунистическом прошлом Шварцбарда, суд прошел мимо этих данных, и советская охранка ГПУ вышла сухой из воды.

Совсем иной была позиция Жаботинского. В опубликованной им в Америке статье " 'Крымская' колонизация" он (довольно неожиданно и без прямой связи с темой статьи) дает такую характеристику Петлюре и руководству украинского национального движения:

"... ни Петлюра, ни Винниченко, ни другие выдающиеся члены этого украинского правительства никогда не были так называемыми "погромщиками". Хотя я их лично не знал, но все же я хорошо знаю этот тип украинского интеллигентнационалиста с социалистическими взглядами. С ними я вырос, вместе с ними вел борьбу против антисемитов и русификаторов — еврейских и украинских. Ни меня, ни других мыслящих сионистов южной России не убедят, что людей этого типа можно считать антисемитами. И это важно, ибо это ведет нас к главному: к глубокой правде, которую опасно забывать, к правде, что причина лежит не в субъективном 'антисемитизме обстоятельств' ".¹⁰

---

10. В. Жаботинский, " 'Крымская' колонизация". "Дер морген журнал", Нью-Йорк, 4 июня 1926 г.

Эффект этого выступления был подобен взрыву бомбы. На голову Жаботинского посыпался град камней. Становилось ясно, что противники Жаботинского полны решимости использовать этот случай, чтобы политически "похоронить" своего главного оппонента. Жаботинский держался почти полтора года, но под давлением обстоятельств был вынужден опубликовать в парижской русской газете "Последние новости" письмо в редакцию под названием "Петлюра и погромы". В этом письме Жаботинский не обвиняет Петлюру в антисемитизме или в организации погромов, или даже в сочувствии к ним. Он лишь говорит, что Петлюра, как руководитель правительства и армии, не может уйти от *политической* ответственности за погромы, и, если он не мог их предотвратить или остановить, он должен был подать в отставку со всех своих постов в правительстве. Хотя это была известная уступка, Жаботинский все же избежал личных обвинений против Петлюры.

После убийства Петлюры организованный им в Париже и отражающий мнение близких к нему кругов журнал "Тризуб" писал:

"Украинские демократические круги восприняли убийство Главного Атамана С. Петлюры неким Шварцбардом не как акт еврейский, а как акт большевистский, направленный против украинской демократии в лице ее вождя, выдвинутого ею в вооруженной борьбе за государственность Украины. Тот факт, что Шварцбард — еврей, расценивается нами как страшная провокация со стороны советской власти. (...) Прекрасно понимая запутанность еврейско-украинских отношений, нынешняя советская власть, антисемитская по самой своей сути, хочет намеренным выбором именно такого убийцы направить ненависть угнетенных ею масс не по линии политической борьбы, а по линии запутанных и прежней историей, и недавней практикой московского самодержавного правительства национальных отношений".¹²

Книга проф. Фридмана "Погромщик" — лишь один, возможно, наихарактернейший, пример "антипетлюровской", а по

---

11. В. Жаботинский, "Петлюра и погромы" (Письмо в редакцию), "Последние новости", Париж, 11 октября 1927 г.

12. "Тризуб", Париж, 17 октября 1926 г., стр. 2-3.

сути — антиукраинской пропаганды. Книга проф. Фридмана вполне могла бы быть издана и в Москве. Недаром книга заслужила целый ряд похвальных рецензий и откликов со стороны советской прессы.

Книга поражает своей нескрываемой злобностью по отношению к украинскому народу и всему, что связано со словом "украинский". "Юдофобский народ" — разве кто-либо решился бы так высказаться по отношению к любому другому народу, даже немецкому? Ведь это же откровенный расизм — распространять какую-либо негативную характеристику на весь народ исключительно по расовому признаку. При этом проф. Фридман возмущается антисемитизмом, хотя мыслит теми же категориями, что и антисемиты.

Был ли юдофобом украинский митрополит Андрей Шептицкий — единственный церковный деятель, открыто восставший во время Второй мировой войны против гитлеровского уничтожения евреев и спасший большое число евреев в своей резиденции во Львове и в украинских монастырях? Был ли юдофобом украинский писатель Михайло Коцюбинский, написавший потрясающие строки о позоре и бесчеловечии еврейских погромов?

Если они (как и многие другие украинцы) не были юдофобами, не заберет ли проф. Фридман обратно свое определение "юдофобский народ"?

Интересно и показательно, как проф. Фридман переводит на английский язык украинское слово "самостийник". Это слово имеет значение "сторонник (национальной) самостоятельности" (или независимости). В этом смысле "самостийниками" были и Джордж Вашингтон, и Джузеппе Гарибальди, и Теодор Герцль, и Хаим Вейцман. Так вот, по Фридману это слово следует переводить как "шовинист", но, конечно, только тогда, когда это касается украинцев, а не Джорджа Вашингтона или Хаима Вейцмана.

Впрочем, хватит о книге проф. Фридмана. Подумаем лучше об евреях и украинцах, их судьбе — прошлой и настоящей, об их сложных отношениях, которые и советская пропаганда, и некоторые еврейские издания в разных странах всеми силами стараются еще более ухудшить, а также об Истине, выяснение которой, по нашему глубокому убеждению, может принести только пользу и еврейскому, и украинскому национальным движениям...

МИГРАЦИЯ В ГОРОДА, ОБЩЕСТВЕННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ И ДВИЖЕНИЕ СОПРО- ТИВЛЕНИЯ НА УКРАИНЕ*

За последние 150 лет модернизация общества в социологическом смысле означала урбанизацию и социальную мобильность. Урбанизация — это процесс миграции из сельской местности и мелких населенных пунктов в города, ведущий к большей концентрации населения. Социальная мобильность — это изменения в профессиональном составе данного поколения по сравнению с поколением отцов и изменения в роде занятий людей в течение их жизни. Иными словами, модернизация — в социологическом аспекте — означает и мобильность от поколения к поколению, и мобильность в жизни людей. Основное движение направлено вверх — от занятий низкого социального статуса к профессиям более высокого общественного уровня. Конечно, нисходящая и горизонтальная мобильности также составляют важные аспекты мобильности.

Можно утверждать, что все современные политические и культурные процессы связаны с урбанизацией и социальной мобильностью. Последние создают социальную базу для первых и могут указывать на их направления. Такие движения, как национализм, борьба за независимость, коммунизм, социализм, капитализм и культурное возрождение имеют в качестве социальной основы процессы урбанизации и социальную мобильность различных секторов общества. Это не означает, что такие процессы сами по себе обуславливают культурные и социальные движения, но между теми и другими существует-таки причинная связь.

Современное движение сопротивления на Украине также можно лучше понять в связи с рассмотрением процессов урбанизации и социальной мобильности. Я сосредоточиваю

---

* Эта статья прочитана 25 мая 1979 г. на конференции Канадской ассоциации славистов в Саскатуне. Помещена в ж. "Сучасність" (Мюнхен), 1980, № 1. При переводе для настоящего издания в текст добавлены данные переписи 1979 г., впрочем, не повлиявшие на содержание статьи.

здесь свое внимание на урбанизации лишь потому, что, во-первых, есть данные об этом процессе, и, во-вторых, потому, что она даёт ключ к пониманию социальных процессов на Украине.

Урбанизация на Украине приняла широкий размах после 1960 года. Так, в 1959 году городское население Украины составляло 46% населения УССР. В 1970 году оно увеличилось до 56%, а в 1979 году — до 61%. С 1959 до 1970 года городское население выросло на 6,5 млн., а с 1970 до 1979 г. — ещё на 4,8 млн. В то же время сельское население убавилось за период 1959-1970 гг. на 1,3 млн., а за 1970-1979 гг. — ещё на 2,2 млн., составив по последней переписи 19,2 млн. человек.¹

Миграция в 1970 году равнялась 2 211 тысячам человек, из них 1 614 тыс. (73%) переселилось в города. Таблица 1

*Таблица № 1. Население некоторых городов Украины
(в тыс. чел.) в 1959, 1970 и 1979 гг.*

	1959	1970	1979
КИЕВ	1104	1632	2144
ХАРЬКОВ	934	1223	1444
ОДЕССА	667	892	1046
ДНЕПРОПЕТРОВСК	660	863	1066
ДОНЕЦК	699	879	1021
ЗАПОРОЖЬЕ	435	658	781
КРИВОЙ РОГ	387	573	650
ЛЬВОВ	411	553	667
Итого — 8 городов:	5297	7273	8819
Доля 8 городов в общем городском населении УССР:	27,7%	28,3%	28,9%

1. В. Онокиенко и В. Поповкин, Комплексное исследование миграционных процессов, Анализ населения Украинской ССР. Москва, "Статистика", 1973, стр. 12; Итоги Всесоюзной переписи населения 1959 года, Украинская ССР, таблица 54; Итоги, 1974, т. IV, таблица 8; Народное хозяйство СССР за 60 лет, Юбилейный статистический ежегодник Москва ("Статистика"), 1977, стр. 42-44. См. также "Демографическое развитие Украинской ССР, 1959-1970 гг.". Киев (Академ. изд. "Наукова думка"), 1977.

показывает рост самых крупных городов Украины за указанные годы.

Отметим, что из-за миграции населения между союзными республиками, Украина — одна из наиболее мобильных в составе СССР. Именно на Украину иммиграция была больше, чем в любую другую республику СССР. Для структуры населения важно отметить, что большинство переселенцев в города Украины были русские. В 1970 г. 27,8% (или 448 тысяч) переселенцев в города Украины прибыло из других республик. Из них 21,3%, или 353 тысячи (то есть 79% всех, въехавших на Украину) прибыло из РСФСР и в большинстве были, по-видимому, русскими. Процент русских переселенцев, быть может, еще и выше, поскольку немалая часть переселенцев из других республик была, вероятно, тоже русского происхождения.

В результате прирост русского населения на Украине в эти годы был также высокий. С 1959 по 1970 г. число украинцев увеличилось на 9,7% или на 3,1 млн. В то же время русское население Украины выросло на 28%, или на 2 млн. человек. С 1970 по 1979 г. число украинцев выросло на 3,4%, или на 1,2 млн., а число русских — на 14,7%, или на 1,3 млн. В 1970 году 9,1 млн. человек на Украине считало себя русскими, из них 7,7 млн., или 84,6%, жило в городах.²

Поскольку все городское население Украины по переписи 1979 года составляет 30,5 млн., можно считать, что примерно 30% всего городского населения на Украине составляли русские. Кроме того, русское население концентрируется в больших городах, так что можно допустить, что в таких городах, как Киев, Одесса, Харьков, Днепропетровск, число русских приближается к половине всего населения, а в Донецке, быть может, и еще больше.

Что значат эти цифры? Каковы последствия этой городской миграции для социальной структуры населения Украины? Или, конкретно говоря, как этот процесс урбанизации связан с процессом социальной мобильности украинцев на Украине?

Во всяком обществе именно город как центр экономического и административного развития, культурного творчества и новых социальных явлений дает наибольшие возможности

---

2. Итоги, 1970, т. IV, таблица 2.

социальной мобильности. Как таковой, город является местом и источником "роста амбиций (аспираций)". Существует связь между профессиональными амбициями и урбанизацией: чем больше профессиональные запросы (амбиции), тем больше городская миграция — переселение из сельской местности в селения городского типа и из последних — в крупные города.

В СССР проведен ряд исследований по изучению связи между выбором профессии и престижностью разных занятий. Все они показывают, что большинство школьников дают низкую оценку сельским работам. Городские школьники дают им особо низкую оценку, но даже и сельские школьники проявляют тенденцию оценивать сельские работы низко. По мере того, как повышаются запросы сельской молодежи, перспектива работать в сельском хозяйстве становится менее привлекательной, что и вызывает миграцию в городские промышленные районы.³ Немало городских районов Украины проявили потенции экономического и культурного роста и приобрели общесоюзное значение, стали центром притяжения населения. Это явилось следствием государственной политики и профессиональных амбиций, а также и роста запросов самого населения.

Все показатели урбанизации свидетельствуют, что вместе с процессом социальной мобильности на Украине происходит конкуренция между украинцами и русскими. Это конкуренция за рабочие места, за влияние на политическую и культурную жизнь общества. Термин "конкуренция" мы употребляем не в смысле свободной конкуренции между индивидами, а в более широком смысле, как соперничество за ресурсы между общественными группами, в процессе которого эти группы конкурируют за доступ к общественным ресурсам в таких условиях, когда доступ этот не одинаков для отдельных групп. Можно считать, что усиленная урбанизация ведет к более интенсивной конкуренции.

---

3. М. Янович и В. А. Фишер (Murray Yanowitch and W. A. Fisher), ред. *Social Stratification and Mobility in the U.S.S.R.* Нью-Йорк (International Arts and Sciences Press), 1973, стр. 624-640; М. Янович и Н. Т. Додж (N.T. Dodge). *The Social Evaluation of Occupations in the Soviet Union*, — "Slavic Review", 1969, 28, стр. 619-643; І. Назімов. Деякі соціально-психологічні фактори вибору професії школярами. "Соціологія на Україні". Київ ("Наукова думка"), 1968, стр. 106.

В этой конкуренции украинцы оказываются в менее выгодном положении, чем русские, и есть признаки, что эта ситуация для украинцев, по-видимому, все время ухудшается. Невыгодное положение украинцев и, напротив, преимущества русских, имеют следующие причины:

1. Русские, переселяющиеся в украинские города, имеют лучшее образование, чем украинцы. Хотя у нас нет прямых данных, исследования иммиграции на Украину из других союзных республик показывают, что образовательный уровень переселенцев был выше среднего для городов уровня. Так, 12% переселенцев, охваченных исследованием, имели законченное высшее образование,⁴ а из всего городского населения Украины в возрасте старше 10 лет только 6,3% имели такое образование (перепись 1970 г.).⁵ Среди переселившихся на Украину были, конечно, и украинцы, но большинство составляли русские.

Отсутствие равных возможностей обнаруживается и в количестве украинских и русских студентов в вузах СССР.

Вот показатели на 1960-61 и 1966-67 учебные годы соответственно. Студенты русской национальности в вузах страны составляли 61,8% и 60,5% всех студентов (при доле русских в населении страны 54,6-53,4% по переписям 1959 и 1970 гг.), а украинцы среди студентов составляли в те же учебные годы 14,3% (при доле украинцев в населении страны 17,8-16,9% по этим же переписям). Русские, таким образом, представлены среди студентов в 1,13 раза выше средней пропорции, а украинцы в 1,2 раза ниже, то есть по сравнению с русскими украинцы представлены среди студентов в 1,4 раза хуже.

То же относится и к 1976-77 году. В этом учебном году на 10 тысяч жителей в РСФСР было 214 студентов в вузах и 201 студент в средних специальных учебных заведениях, в то время как на Украине эти показатели составляли соответственно 171 и 163, а в среднем по СССР — 192 и 179.⁶ Таким образом, жители Украины были представлены в учебных

---

4. Онокиенко и Поповкин, стр. 73.

5. Итоги, 1970, т. III, таблица 1.

6. См. John Kolasky. Education in Soviet Ukraine. Торонто (Peter Martin Associates), 1968, стр. 87-159.

заведениях ниже, чем РСФСР и СССР (в 1,2 и 1,1 раза).

2. Другая невыгода украинцев в их конкуренции с русскими вытекает из того, что эти две группы населения в ряде профессий представлены непропорционально в УССР. Это было заметно еще в 1960 году. Среди научных работников на Украине в 1960 году украинцы составляли лишь 48,3%, а именно 22,5 тысячи из общего числа 46,6 тысяч. Для сравнения: 79,5% научных работников РСФСР были русскими. Наиболее высокий процент научных работников коренной национальности был в Армении (93,5%) и в Грузии (83,8%), а самый низкий — в Казахстане (21,4%).⁷

3. Далее. Больше половины украинцев-переселенцев в города УССР были выходцами из сельской местности, в то время как подавляющая часть русских-переселенцев в те же города была горожанами: 53% (617,9 тыс.) внутри Украины переселились в города из сел и 47% (548,8 тыс.) из других городов в 1970 году. За этот же год из РСФСР прибыло на Украину 73,7% (240,0 тыс.) из городов и только 26,3% (85,8 тыс.) из сельской местности.⁸

Сельские жители всегда находятся на более низком общественном положении, чем горожане. Это результат не только того, что люди в городах имеют лучшее образование, лучшие профессии и лучшую работу, но и общего отношения городских жителей к сельским. Иван Дзюба в работе "Интернационализм или русификация?" обращает внимание на "деревенский комплекс общественной и культурной неполноценности" и на пренебрежительное отношение горожан к крестьянам и к селу. Между прочим, интересно отметить, что Дзюба именно у городской интеллигенции обнаруживает наиболее пренебрежительное отношение к селу. Надо также учесть, что и официальная советская идеология, следуя Марксу, также включает в себя некоторые антикрестьянские элементы. Целью советского руководства всегда было развитие тяжелой промышленности и научно-технический прогресс городских центров. Коллективизация была не только методом индустриализации аграрной экономики страны, но и

---

7. E. P. Mickiewicz, Handbook of Soviet Social Science Data, N. Y., 1973, стр. 154.

8. Итоги, 1970, т. VII, таблица 4.

важным оружием против традиционной структуры общества и средством переориентирования крестьян на город.

4. Еще один фактор неравенства возможностей в конкуренции общественных групп связан с устойчивостью проживания русских и украинских переселенцев в городах. Русские переселенцы проявляют большую устойчивость. Среди тех, кто прибыл в Киевскую область на жительство в 1967 году и в том же году выбыл из нее, было пропорционально больше украинцев, чем русских. Из других мест Украины приехало 29,6 тыс. человек, но покинуло города области в том же году 22,7 тыс. человек, то есть 76,6% их числа. А из РСФСР прибыло 5,2 тыс. человек, и из них в том же году покинуло города 2,9 тысяч, то есть 55,9%.

5. Существенным фактором в этих процессах является естественный прирост населения на Украине (число рождений минус число смертей на тысячу жителей в течение года).

На Украине естественный прирост населения составлял в 1960 г. 13,6 на тысячу, в 1970 году — 6,3, в 1975 — 5,1, в 1976 — 5,0, в 1977 году — 4,2. (Для сравнения: в 1976 году в РСФСР прирост составлял 5,9%,⁹ что тоже было ниже общесоюзного уровня, но не настолько). Таким образом, естественный прирост на Украине за прошедшие 20 лет сократился очень значительно. Некоторые прогнозы говорят, что в 2010 году численность населения Украины будет сокращаться из-за превышения смертности над рождаемостью.¹⁰ В таких условиях значение и важность миграции населения в демографическом и в экономическом развитии общества обычно еще больше увеличивается.

6. Наконец, на ход украинско-русской конкуренции воздействует и более выгодное положение русских в демографической политике СССР. Центральным моментом этой привилегированности положения является факт, что миграционные течения в СССР происходят не "естественно", а лишь с

---

9. Центральное Статистическое Управление Украинской ССР. "Народное хозяйство Украинской ССР в 1977 году, статистический ежегодник". Киев ("Техника"), 1978, стр. 13. Также этот ежегодник за 1975 г., стр. 14.

10. Демографическое развитие Украинской ССР, 1959-1970 гг., стр. 154.

разрешения или по директиве центрального правительства.

Каковы последствия этой неравной в возможностях конкуренции украинцев с русскими? Быть может, самым важным последствием является усиление русских культурных и общественных учреждений (институций) на Украине и постоянная угроза самому существованию украинских учреждений.

Во-первых, русский язык стал главным средством делового и профессионального общения на Украине. Брайен Силвер подтверждает предположение о том, что официально признанный на Украине русский язык как добавочный фактор профессионального продвижения взаимодействует с процессами урбанизации и географической мобильности, что ведет к усилению языковой русификации нерусских народов.¹¹ Поэтому можно предположить, что профессиональные амбиции и освоение городских и индустриальных ценностей также способствуют языковой русификации.

В 1970 году 8,5% всех украинцев, живущих на Украине, назвали в качестве родного языка русский язык: 3 млн. 17 тысяч человек. (Это было на 924 тысячи, или на 2,6% больше, чем в 1959 году). По итогам переписи 1979 года доля таких украинцев не уменьшилась.

В городах процент таких украинцев был гораздо выше среднего по УССР. Так, по переписи 1970 г. в Харьковской области 24% украинцев считали родным русский язык и 45% заявили, что свободно владеют русским языком.¹²

Во-вторых, с 1965 года до наших дней ряд важных украинских институций обнаружил тенденцию к ослаблению. Мы имеем следующие количественные показатели этого ослабления: число библиотек, музеев, изданий книг, газет и журналов на украинском языке. Все эти показатели, за исключением числа музеев, обнаружили заметное ослабление после 1965 года.

---

11. Brian Silver. The Impact of Urbanization and Geographical Dispersion on the Linguistic Russification of Soviet Nationalities, — "Demography", т. II. ч. 1 (1974), стр. 89-103.

12. Итоги, 1970, т. IV, таблица 8. П. Шпорлюк. Russians in Ukraine and Problems of Ukrainian Identity in the U.S.S.R. В книге "Ukraine in the Seventies", Оквил, Онтарио (Mosaic Press), 1975, стр. 204. См. также "Український вісник", выпуск VII-VIII. Балтимор ("Смолоскип"), 1975, под ред. Максима Сагайдака, стр. 63.

Число библиотек в УССР упало с 29,2 тысяч в 1965 до 26,7 тысяч в 1976 г. За эти годы немного сократилось и число библиотек в РСФСР, но в целом по СССР их число увеличилось. Число книг, изданных на украинском языке в СССР, составляло в 1965 году 3003 названия, к 1970 году оно несколько увеличилось, а затем к 1976 году радикально сократилось, до 2495 названий. А в эти же самые годы число изданных книг на русском языке увеличилось с 57 521 в 1965 г. до 66 018 названий в 1976 г. Существенно отметить еще, что количество изданных книг на Украине выросло с 7 251 названия в 1965 г. до 9 110 в 1976 г., а в их числе количество изданий на украинском языке сократилось с 2 998 до 2 494 названий (здесь также имело место некоторое увеличение названий в 1970 году, а затем в 1975 — резкое падение). Из всех книг, изданных на Украине в 1976 году, только 27% были на украинском языке. Почти все остальные вышли на русском.¹³

Число журналов на украинском языке на Украине остается в эти годы без больших перемен: 108 — в 1965 и 109 в 1976 гг. (Интересно отметить резкое увеличение журналов в 1970 году — до 186, и спад в 1975 — до 108). Уменьшилось общее число журналов, издаваемых на Украине: с 256 в 1965 г. до 190 в 1976 г. Но в то же самое время число журналов и периодических изданий в СССР, и особенно в РСФСР, увеличилось очень значительно. В РСФСР это число выросло с 2603 в 1965 г. до 3672 в 1976 г., то есть на 1069 названий.

Наконец, число газет на украинском языке, издаваемых на Украине, также сократилось с 1936 в 1965 г. до 1392 в 1975 году (при некотором увеличении в 1970 году). За этот же самый период число газет в РСФСР выросло с 3991 до 4253 и в целом по СССР — с 7687 до 7844.¹⁴

Таким образом, общий показатель ослабления украинских институций на Украине показал бы, что между 1965 и 1976 годами украинские институции — при содействии центральных властей — ослабли на 11%. Все эти данные показывают, что процессы урбанизации и социальной мобильности на Украине все сильнее связываются с рус-

---

13. Народное хозяйство, там же, стр. 600-601, 614-621.

14. Там же.

скими, а не с украинскими институциями.

Движение сопротивления, которое существует теперь на Украине, необходимо изучать именно с учетом этих процессов. Нынешняя борьба за национальные права на Украине в социологическом аспекте является не продолжением старых национальных и националистических движений, а реакцией на те конкретные социальные процессы, в том числе процессы мобильности и урбанизации, которые происходят на Украине. Обращает внимание тот факт, что в движении сопротивления в значительной мере принимают участие украинцы сельского происхождения. Большей частью это социально мобильные элементы общества, мигрировавшие из сел в города. Именно они в наибольшей степени ощущают угрожаемое состояние украинских институций. До тех пор, пока процессы социальной мобильности и урбанизации будут на Украине протекать так, как теперь, можно ожидать дальнейшего усиления русских институций, и русского языка в том числе. Но и конкуренция между социально мобильными украинцами и иммигрантами-русскими будет, вероятно, также обостряться, в той мере как обостряется напряженность вопроса об украинских институциях. Можно ожидать, что даже конфликт между русифицированными украинцами и русскими иммигрантами будет обостряться, поскольку численность последних на Украине постоянно увеличивается.

В некотором смысле этот аспект социальной мобильности подобен ситуации в колонии, где коренное население включается в рамки привезенных из метрополии институций. Но имеется и существенная разница. В классической колониальной ситуации автохтоны (коренное население) и иммигранты (колонисты) не конкурируют за одни и те же места. На Украине же сегодня эти две группы конкурируют за те же самые позиции. Далее, в колониальной ситуации классического типа системы учебной и профессиональной подготовки для автохтонов и колонистов отделены одна от другой. А на Украине это единая система, хотя и не с равными возможностями, как отмечено. С этой точки зрения социальные процессы напоминают положение периода деколонизации, но с той существенной разницей, что при деколонизации уменьшается или даже совсем пресекается иммиграция. В этом отношении ситуация на Украине напоминает недавние про-

цессы иммиграции в Северной Америке, где коренное население вступает в конкуренцию с лучше подготовленными иммигрантами. Но и тут есть большая разница, ибо в Северной Америке иммигранты как группа оказываются в положении зависимых, в то время как на Украине иммигранты занимают лучшие позиции и места. Таким образом, хотя процессы урбанизации и социальной мобильности на Украине кое в чем подобны процессам, имевшим или имеющим место в ряде других стран, они все же протекают в специфическом контексте.

(Перевод с украинского С. Пирогова)

РЕЛИГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ЭТИКА

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ «ФИЛОСОФИЧЕСКИЕ ПИСЬМА» П. Я. ЧААДАЕВА

Литературное наследство Чаадаева до сих пор не известно в полном объеме. В двухтомнике его сочинений и писем, изданном в 1913-1914 гг. под редакцией М. О. Гершензона, опубликованы три из восьми "философических" писем (4-е "философическое" письмо вряд ли относится к этому циклу). Материалы из сборника Гершензона стали основой для всех последующих, изданных типографским способом или в самиздате, публикаций работ Чаадаева (вплоть до книги "Чаадаев. Философические письма", вышедшей в издательстве "Ардис" в 1978 году).

А между тем, в журнале "Литературное наследство" № 22-24, Москва, 1935 г., были напечатаны пять недостающих писем П. Я. Чаадаева. Поскольку номер журнала сегодня стал библиографической редкостью, эта часть литературного наследия выдающегося русского философа все еще не знакома широкому читателю.

ПИСЬМО ВТОРОЕ¹

Если я удачно передал намеренно свою мысль, вы должны были убедиться, что я отнюдь не думаю, будто нам не хватает одних только знаний. Правда, и их у нас не слишком много, но приходится в данное время обойтись без тех обширных духовных сокровищ, которые веками скоплены в других странах и находятся там в распоряжении человека: нам предстоит другое. К тому же, если и допустить, что мы смогли бы путем изучения и размышления добыть себе недостающие нам знания, откуда нам взять живые традиции, обширный опыт, глубокое осознание прошлого, прочные умственные навыки — все эти последствия огромного напряжения всех человеческих способностей, а они то и составляют нравственную природу народов Европы и дают им подлинное превосходство. Итак, задача сейчас не в расширении области наших идей, а в том, чтобы исправить их и придать им новое направление. Что касается вас, сударыня, то вам прежде всего нужна новая

---

1. Нумерация писем отличается от таковой в издании М. О. Гершензона.

сфера бытия, в которой свежие мысли, случайно зароненные в ваш ум, и новые потребности, порожденные этими мыслями в вашей душе, нашли бы действительное приложение. Вы должны создать себе новый мир, раз тот, в котором вы живете, стал вам чуждым.

Начать с того, что состояние души нашей, как бы высоко она ни была настроена, по необходимости зависит от окружающей обстановки. Поэтому вам надлежит как следует разобраться в том, что можно сделать при вашем положении в свете и в собственной вашей семье для согласования ваших чувств с вашим образом жизни, ваших идей — с вашими домашними отношениями, ваших верований — с верованиями тех, кого вы видите...

Ведь множество зол возникает именно оттого, что происходящее в глубине нашей мысли резко расходится с необходимостью подчиняться общественным условиям. Вы говорите, что средства не позволяют вам удобно устроиться в столице. Ну что ж, у вас прелестная усадьба: почему бы вам прочно там не обосноваться до конца ваших дней? Это счастливая необходимость, и от вас одной зависит извлечь из нее всю ту пользу, какую могли бы вам доставить самые поучительные указания философии. Сделайте свой уют как можно более привлекательным, займитесь его красивым убранством, почему бы даже не вложить в это некоторую изысканность и нарядность? Ведь это вовсе не особый вид чувственности, заботы ваши будут иметь целью не вульгарные удовольствия, а возможность всецело сосредоточиться в своей внутренней жизни. Очень прошу вас не пренебрегать этими внешними мелочами. Мы живем в стране, столь бедной проявлениями идеального, что если мы не окружим себя в домашней жизни некоторой долей поэзии и хорошего вкуса, то легко можем утратить всякую утонченность чувства, всякое понятие об изящном. Одна из самых поразительных особенностей нашей своеобразной цивилизации заключается в пренебрежении всеми удобствами и радостями жизни. Мы лишь с грехом пополам боремся с крайностями времен года, и это в стране, о которой можно не на шутку спросить себя, была ли она предназначена для жизни разумных существ. Раз мы сделали некогда неосторожность, поселившись в этом жестоком климате, то постараемся по крайней мере ныне устроиться там так, чтобы можно было не-

сколько забыть его суровость.

Мне помнится, вы в былое время с большим удовольствием читали Платона. Вспомните, как заботливо самый идеальный, самый выпренный из мудрецов древнего мира окружает действующих лиц своих философских драм всеми благами жизни. То они медленно гуляют по прелестным прибрежьям Иллиса или в кипарисных аллеях Гносса, то они укрываются в прохладной тени старого платана, или вкушают сладостное отдохновение на цветущей лужайке, а то, выждав спадения дневной жары, наслаждаются ароматным воздухом и тихой прохладой вечера в Аттике, или же, наконец, возлежат в удобных позах, увенчанные цветами и с кубками в руках, вокруг стола с яствами, и только прекрасно устроив их на земле, автор возносит их в надлунные пространства, в которых так любит витать. Я мог бы вам указать и в сочинениях самых строгих отцов церкви, у Св. Иоанна Златоуста, у Св. Григория Назианзина, даже у Св. Василия, прелестные изображения уединения, где эти великие люди находили покой и высокие вдохновения, сделавшие их светилами веры. Святые мужи не думали, что они унижают свое достоинство, отдаваясь заботам о таких предметах, наполняющих значительную часть жизни. В этом безразличии к жизненным благам, которое иные из нас вменяют себе в заслугу, есть поистине нечто циничное. Одна из главных причин, замедляющих у нас прогресс, состоит в отсутствии всякого отражения искусства в нашей домашней жизни.

Затем, я бы хотел, чтобы вы устроили себе в этом убежище, которое вы как можно лучше украсите, вполне однообразный и методический образ жизни. Нам всем не хватает духа порядка и последовательности, исправимся от этого недостатка. Не стоит повторять доводов в пользу преимуществ размеренной жизни, во всяком случае одно лишь постоянное подчинение определенным правилам может научить нас без усилий подчиняться высшему закону нашей природы. Но для точного поддержания известного строя необходимо устранить все, что этому мешает. Часто с первых часов дня бываешь выбит из намеченного круга занятий, и весь день испорчен. Нет ничего важнее первых испытанных нами впечатлений, первых мыслей вслед за подобием смерти, которое разделяет один день от другого. Эти впечатления и эти мысли обычно определяют состояние нашей души на

весь день. Вот, он начался нашей домашней сварой и может кончиться непоправимой ошибкой. Поэтому приучитесь первые часы дня сделать как можно более значительными и торжественными, сразу вознесите душу на всю ту высоту, к какой она способна, старайтесь провести эти часы в полном уединении, устраняйте все, что может слишком на вас повлиять, слишком вас рассеять, при такой подготовке вы можете безболезненно встретить те неблагоприятные впечатления, которые затем вас охватят и которые при других условиях превратили бы ваше существование в непрерывную борьбу, без надежды на победу. К тому же, раз это время упущено, потом уже не вернешь его для уединения и сосредоточенной мысли. Жизнь поглотит вас всеми своими заботами как приятными, так и скучными, и вы покатитесь в нескончаемом колесе житейских мелочей. Не дадим же протекать без пользы единственному часу дня, когда мы можем принадлежать самим себе.

Признаюсь, я придаю большое значение этой потребности ежедневно сосредоточиться и расправить душу, я уверен, что нет другого средства уберечь себя от поглощения окружающим; но вы, конечно, понимаете, что это далеко еще не все. Одна идея, пронизывающая всю вашу жизнь, должна всегда стоять перед вами, служить вам светочем во всякое время дня. Мы являемся в мир со смутным инстинктом нравственного блага, но вполне осознать его мы можем лишь в более полной идее, которая из этого инстинкта развивается в течение всей жизни. Этой внутренней работе надо все приносить в жертву, применительно к ней надо установить весь порядок вашей жизни. Но все это должно протекать в сердечном молчании, потому что мир не сочувствует ничему глубокому. Он отвращает глаза от великих убеждений, глубокая идея его утомляет. Вам же должны быть свойственны верное чувство и сосредоточенная мысль, не зависимые от различных людских мнений, а уверенно ведущие вас к цели. Не завидуйте обществу из-за его чувственных удовольствий, вы обретете в своем уединении наслаждения, о которых там и понятия не имеют. Я не сомневаюсь в том, что, освоившись с ясной атмосферой такого существования, вы станете спокойно взирать из своей обители на то, как волнуется и для вас исчезает мир, вы с наслаждением будете вкушать тишину души. А там — надо усвоить себе вкусы, привычки, привязан-

ности вашего нового образа жизни. Надо избавиться от всякого суетного любопытства, разбивающего и уродующего жизнь, и первым делом искоренить упорную склонность сердца увлекаться новинками, гоняться за злобами дня и вследствие этого постоянно с жадностью ожидать того, что случится завтра. Иначе вы не обретете ни мира, ни благополучия, а одни только разочарования и отвращение. Хотите вы, чтобы мирской поток разбивался у порога вашего мирного жилища? Если да, то изгоните из вашей души все беспокойные страсти, возбуждаемые светскими происшествиями, все эти нервные волнения, вызванные новостями дня. Замкните дверь перед всяким шумом, всякими отголосками света. Наложите у себя запрет, если хватит у вас решимости, даже и на всю легковесную литературу, по существу она не что иное, как тот же шум, но только в письменном виде. На мой взгляд, нет ничего вреднее для правильного умственного уклада, чем жажда чтения новинок. Повсюду мы встречаем людей, ставших неспособными серьезно размышлять, глубоко чувствовать вследствие того, что пищу их составляли одни только произведения последнего дня, в которых за все хватаются, ничего не углубив, в которых все обещают, ничего не выполняя, где все принимает сомнительную или лживую окраску и все вместе оставляет после себя пустоту и неопределенность. Если вы ищете удовлетворения в избранном вами образе жизни, необходимо добиться, чтобы новшество из-за одной новизны своей никогда вами не ценилось.

Нет никакого сомнения, чем более вы согласуете свои вкусы и потребности с этим образом жизни, тем лучше вы будете себя чувствовать. Чем теснее вы свяжете внешнее с внутренним, видимое с невидимым, тем более вы облегчите предстоящий путь. Не надо однако скрывать от себя и ожидающих вас трудностей. Их у нас так много, что всех и не перечислить. Здесь не торная дорога, где колесо жизни катится по наезженной колее: это тропа, по которой приходится продирааться сквозь тернии и колючки, а подчас и сквозь чащу. В старых цивилизованных странах Европы давно сложились определенные бытовые образы, так что там, когда решишь переменить обстановку, приходится просто напросто выбрать ту новую рамку, в которую желаешь перенестись — место заранее готово. Распределение ролей сделано. Как только вы изберете подходящий род жизни, и люди и пред-

меты сами собой расположатся вокруг вас. Вам остается только должным образом их использовать. Совсем иное дело у нас. Сколько издержек, сколько труда, прежде чем вы освоитесь в новой обстановке! Сколько теряется времени, сколько затрачивается сил на приспособление, на то, чтобы приучить окружающих смотреть на вас сообразно с новым вашим положением, чтобы заставить молчать глупца, чтобы улеглось любопытство. Разве здесь знают, что такое могущество мысли? Разве здесь испытали, как прочное убеждение вследствие тех или других причин вторгается в душу вопреки привычному ходу вещей, через некое внезапное озарение, через указание свыше, овладевает душой, опрокидывает целиком ваше существование и поднимает вас выше вас самих и всего, что вас окружает? Живое сознание вызывало ли здесь когда-либо сердечный отклик?

Естественно, что всякий, кто отдался бы с жаром своим верованиям, наткнется среди этой толпы, которую никогда ничего не потрясало, на препятствия и возражения. Вам придется себе все создавать, сударыня, вплоть до воздуха для дыхания, вплоть до почвы под ногами. И это буквально так. Эти рабы, которые вам прислуживают, разве не они составляют окружающий вас воздух? Эти борозды, которые в поте лица взрыли другие рабы, разве это не та почва, которая вас носит? И сколько различных сторон, сколько ужасов заключает в себе одно слово: раб! Вот заколдованный круг, в нем все мы гибнем, бессильные выйти из него. Вот проклятая действительность, о нее мы все разбиваемся. Вот что превращает у нас в ничто самые благородные усилия, самые великодушные порывы. Вот что парализует волю всех нас, вот что пятнает все наши добродетели. Отягченная роковым грехом, где она, та прекрасная душа, которая бы не заглохла под этим невыносимым бременем? Где человек, столь сильный, чтобы в вечном противоречии с самим собою, постоянно думая одно и поступая по другому, он не опротивел самому себе? И вот я снова вернулся, сам того не замечая, к тому, с чего начал: позвольте мне еще немного на этом остановиться, и я затем вернусь к вам.

Эта ужасная язва, которая нас изводит, в чем же ее причина? Как могло случиться, что самая поразительная черта христианского общества как раз именно и есть та, от которой русский народ отрекся на лоне самого христианства? Откуда

у нас это действие религии наоборот? Не знаю, но мне кажется, одно это могло бы заставить усомниться в православии, которым мы кичимся. Вы знаете, что ни один философ древности не пытался представить себе общества без рабов, да и не находил никаких возражений против рабства. Аристотель, признанный представитель всей той мудрости, какая только была в мире до пришествия Христа, утверждал, что люди рождаются — одни, чтобы быть свободными, другие — чтобы носить оковы.² Вы знаете также и то, что, по признанию самых даже упорных скептиков, уничтожением крепостничества в Европе мы обязаны христианству. Более того, известно, что первые случаи освобождения были религиозными актами и совершались перед алтарем и что в большинстве отпускных грамот мы встречаем выражение: *pro redemptione animae* — ради искупления души. Наконец, известно, что духовенство показало везде пример, освобождая собственных крепостных, и что римские первосвященники первые вызвали уничтожение рабства в области, подчиненной их духовному управлению. Почему, наоборот, русский народ подвергся рабству лишь после того, как он стал христианским, а именно в царствование Годунова и Шуйского? Пусть православная церковь объяснит это явление.

Пусть скажет, почему она не возвысила материнского голоса против этого отвратительного насилия одной части народа над другой. И посмотрите, пожалуйста, как мало нас знают, невзирая на всю нашу внешнюю мощь. Как раз на этих днях в одно время и на Босфоре и на Евфрате прогремел гром наших пушек.³ А между тем, историческая наука, которая именно в это самое время доказывает, что уничтожение рабства есть заслуга христианства, даже и не подозревает, что христианский народ в 40 миллионов душ пребывает в оковах. Дело в том, что значение народов в человечестве определяется лишь их духовной мощью и что то внимание, которое они к себе возбуждают, зависит от их нравственного влияния в мире, а не от шума, который они производят. Теперь вернемся назад.

---

2. Аристотель действительно высказывал подобные мысли во II главе первой книги своей "Политики".

3. Гром пушек на Босфоре, гром пушек на Евфрате — победы русской армии под Константинополем и Эрзерумом во время русско-турецкой войны 1828-1829 гг.

После сказанного о желательном, на мой взгляд, для вас образе жизни, вы, пожалуй, могли бы подумать, что я требую от вас монашеской замкнутости. Но речь идет лишь о трезвом и осмысленном существовании, а оно не имеет ничего общего с мрачной суровостью аскетической морали. Я говорю о жизни отличной от жизни толпы, с такой положительной идеей и таким чувством, преисполненным убеждения, к которому сводились бы все остальные мысли, все остальные чувства. Такое существование прекрасно мирится со всеми законными благами жизни: оно даже их требует, и общение с людьми — необходимое его условие. Одиночество таит свои опасности, в нем подчас нас ожидают большие искушения. Сосредоточенный в самом себе ум питается созданными им лживыми образами, и подобно св. Антонию населяет свою пустыню призраками, порождениями собственного воображения, и они его затем преследуют. А между тем, если развивать религиозную мысль без страсти, без насилия, то сохранишь даже и среди мирской суеты то внутреннее состояние, в котором все обольщения, все увлечения жизни теряют силу.

Надо найти такое душевное настроение, мягкое и простое, которое сумело бы без усилий сочетать со всеми действиями разума, со всеми возбуждениями сердца идею истины и добра. В особенности следует стремиться проникнуться истинами откровения. Огромное преимущество этих истин в том, что они доступны всякому разумному существу, что они мирятся с особенностями всех умов. К ним ведут всевозможные пути: и покорная и слепая вера, которую без размышления исповедуют массы, и глубокое знание, и просто-душное сердечное благоговение, и вдохновенное размышление, и возвышенная поэзия души. Однако самый простой путь — целиком положиться на те столь частые случаи, когда мы сильнее всего поддаемся действию религиозного чувства на нашу душу и нам кажется, что мы лишились лично нам принадлежащей силы, и против своей воли влечемся к добру какою-то высшей силой, отрывающей нас от земли и возносящей на небо. И вот тогда именно, в сознании своей немощи, дух наш раскроется с необычайной силой для мыслей о Небе, и самые высокие истины сами собой потекут в наше сердце.

Множественно возвращаясь к основному началу нашей духовной деятельности, к тому, что вызывает наши мысли и

наши поступки, невозможно не заметить, что значительная часть их определяется чем-то таким, что нам отнюдь не принадлежит, и что самое хорошее, самое возвышенное, самое для нас полезное из происходящего в нас вовсе не нами производится. Все то благо, которое мы совершаем, есть прямое следствие присущей нам способности подчиняться неведомой силе: (а) единственная действительная основа деятельности, исходящей от нас самих, связана с представлением о нашей выгоде, в пределах того отрезка времени, который мы зовем жизнью; это не что иное, как инстинкт самосохранения, который общ нам со всеми одушевленными существами, но видоизменяется в нас согласно нашей своеобразной природе. Поэтому, что бы мы ни делали, какую бы незаинтересованность ни стремились вложить в свои чувства и свои поступки, руководит нами всегда одна только эта выгода, более или менее правильно понятая, более или менее близкая или отдаленная. Как бы ни было пламенно наше стремление действовать для общего блага, это воображаемое нами отвлеченное благо есть лишь то, чего мы желаем для самих себя, а устранить себя вполне нам никогда не удастся: в желаемое нами для других мы всегда подставляем нечто свое. И потому высший разум, выражая свой закон на языке человека, снисходя к нашей слабой природе, предписал нам только одно: поступать с другими так, как мы желаем, чтобы поступали с нами. И в этом, как и во всем другом, он идет вразрез с нравственным учением философии, которая берется постигнуть абсолютное благо, т. е. благо универсальное, как будто только от нас зависит составить себе понятие о полезном вообще, когда мы не знаем и того, что нам самим полезно. Что такое абсолютное благо? Это незыблемый закон, по которому все стремится к своему предназначению: вот все, что мы о нем знаем. Но если руководить нашей жизнью должно понятие об этом благе, разве не необходимо знать о нем что-либо еще? Мы без всякого сомнения действуем в известной степени сообразно всеобщему закону, в противном случае мы заключали бы в себе самих основу нашего бытия, а это нелепость, но мы действуем именно так, сами не зная, почему: движимые невидимой силой, мы можем улавливать ее действие, изучать ее в ее последствиях, подчас отождествляться с нею, но вывести из всего этого положительный закон нашего духовного бытия

— вот это нам недоступно. Смутное чувство, неоформленное понятие без обязательной силы — большего мы никогда не добьемся. Вся человеческая мудрость заключена в этой страшной насмешке Бога в Ветхом Завете: вот Адам стал как один из нас, познав добро и зло.

Я думаю, вы из сказанного уже предугадываете всю неизбежность откровения: и вот что по моему мнению доказывает эту неизбежность. Человек научается познавать физический закон, наблюдая явления природы, которые чередуются у него перед глазами сообразно единообразному и неизменному закону. Собирая воедино наблюдения предшествующих поколений, он создает систему познаний, проверяемую его собственным опытом, а великое орудие исчисления облекает её в неизменную форму математической достоверности. Хотя этот круг познаний охватывает далеко не всю природу и не возвышается до значения общей основы всех вещей, он включает в себе вполне положительные познания, потому что познания эти относятся к существам, протяжение и длительность которых могут быть познаны чувствами или же рассмотрены достоверными аналогиями. Словом, здесь царство опыта, и поскольку опыт может сообщить достоверность понятиям, которые он вводит в наш ум, постольку мир физический может быть нам ведом. Вы хорошо знаете, что эта достоверность доходит до того, что мы можем предвидеть известное явление за много времени вперед и способны с невероятной силой воздействовать на неодушевленную материю.

Итак, нами указаны средства достоверного познания, которыми располагает человек. Если, помимо этого, разум наш имеет еще способности собственного почина, т. е. деятельное начало, независящее от восприятия материального мира, то во всяком случае и эту собственную свою силу он может применять лишь к материалу, который доставляет ему (опыт? — здесь несколько слов пропущено.); а в порядке духовном — (к чему) применит человек эти средства? Что именно придется ему наблюдать для раскрытия закона духовного порядка? Природу разума, не правда ли? Но разве природа разума такова же, как природа материальная? Не свободен ли он? Разве он не следует закону, который сам себе полагает? Поэтому исследуя разум в его внешних и внутренних проявлениях, что мы узнаем? Что он свободен, вот и все.

И если мы при этом исследовании достигнем чего-либо абсолютного, разве ощущение нашей свободы не отбросит нас немедленно, и притом неизбежно, в тот самый круг рассуждения, из которого мы только что перед тем как будто выбились? Не очутимся ли мы вслед за тем на прежнем месте? Круг этот неизбежен. Но это не все. Предположим, что мы на самом деле возвысились до некоторых истин, настолько доказанных, что разум вынужден их принять непременно. Предположим, что мы действительно нашли несколько общих законов, которым разумное существо непременно должно подчиниться. Эти законы, эти истины будут относиться лишь к одной части всей жизни человека, к его земной жизни, ничего общего не будут они иметь с другой частью, которая нам совершенно неведома, и тайну которой не сможет нам раскрыть никакая аналогия. Каким же образом могут они быть истинными законами духовного существа, раз они касаются лишь части его существования, одного мгновения в его жизни? Так что, если мы и постигнем эти законы на основании опыта, то и они смогут быть только законами одного периода времени, пройденного духовной природой, а в таком случае, как можем мы их признать за законы духовной природы вообще? Не значило ли бы это то же самое, как если бы сказали, что для каждого возраста есть специальная врачебная наука, и чтобы лечить, например, детские болезни, излишне знать немощи зрелого возраста? Что для предписания образа жизни, подходящего для молодежи, нет нужды знать тот, который пригоден человеку вообще? Что состояние нашего здоровья не определяется состоянием здоровья всех моментов нашей жизни и, наконец, что мы можем предаваться всяким отступлениям и излишествам в известные эпохи безнаказанно для дальнейшей жизни? Я спрашиваю вас, какое мнение составили бы вы о человеке, который бы утверждал, что существует одна нравственность для юности, другая для зрелого возраста, еще другая для старости, и что значение воспитания ограничивается (только) ребенком и юношей. А между тем это именно то, что утверждает мораль наших философов. Она научает нас тому, что надлежит нам делать сегодня, а о том, что будет с нами завтра, она не помышляет. А что такое будущая жизнь, если не завтрашний день жизни настоящей?

Все это приводит нас к такому заключению: жизнь духов-

ного существа в целом обнимает собою два мира, из которых только один нам ведом, и так как всякое мгновение жизни неразрывно связано со всей последовательностью моментов, из которых слагается жизнь, то ясно, что собственными силами нам невозможно возвыситься до познания закона, который необходимо должен относиться к тому или другому миру. Поэтому, закон этот неизбежно должен быть нам преподан таким разумом, для которого существует один единственный мир, единый порядок вещей.

Впрочем, не подумайте, что нравственное учение философов не имеет с нашей точки зрения никакой ценности. Мы как нельзя лучше знаем, что оно содержит великие и прекрасные истины, которые долго руководили людьми и которые еще и сейчас с силой отзываются в сердце и в душе. Но мы знаем также, что истины эти не были выдуманы человеческим разумом, но были ему внушены свыше в различные эпохи общей жизни человечества. Это одна из первичных истин, преподанных естественным разумом, и которую откровение лишь освящает своим высшим авторитетом. Хвала мудрым земли, но слава одному только Богу. Человек никогда не шествовал иначе, как при сиянии Божественного света. Свет этот постоянно озарял шаги человека, но он не замечал того источника, из которого исходил яркий луч, падающий на его путь. Он просвещает, говорит евангелист, всякого человека, проходящего в мир. Он всегда был в мире, но мир его не познал.

Привычные представления, усвоенные человеческим разумом под влиянием христианства, приучили нас усматривать идею, раскрытую свыше, лишь в двух великих откровениях — Ветхого и Нового Завета, и мы забываем о первоначальном откровении. А без ясного понимания этого первого общения Духа Божия с человеческим ничего нельзя понять в христианстве. Христианин, не находя в собственном своем учении разрешения великой загадки духовного бытия, естественно приводится к учению философов. А между тем, философы способны объяснять человека только через человека: они отделяют его от Бога и внушают ему мысль о том, будто он зависит только от себя самого. Обычно думают, что христианство не объясняет всего, что нам надлежит знать. Считают, что существуют нравственные истины, которые может нам преподать одна только философия: это великое заблуждение. Нет такого человеческого знания, которое спо-

собно было бы заменить собою знание Божественное. Для христианина все движение человеческого духа не что иное, как отражение непрерывного действия Бога на мир. Изучение последствий этого движения дает ему в руки лишь новые доводы в подтверждение его верований. В различных философских системах, во всех усилиях человека христианин усматривает лишь более или менее полное развитие духовных сил мира, сообразно различным состояниям и различным возрастам обществ, но тайну назначения человека он открывает не в тревожном и неуверенном колебании человеческого разума, а в символах и глубоких образах, завещанных человечеству учениями, источник которых теряется в лоне Бога. Он следит за учением, в которые постепенно выливалась земная мысль, и находит там более или менее заметные следы первоначальных наставлений, преподанных человеку самим Создателем в тот день, когда Он его творил своими руками; он размышляет об истории человеческого духа и находит в ней сверхприродные озарения, не перестававшие просвещать без его ведома человеческий разум, пронизывая весь тот туман, весь тот мрак, которым этот разум так охотно себя облекает. Всюду примечает он эти всемогущие и неизгладимые идеи, нисшедшие с неба на землю, без которых человечество давно бы запуталось в своей свободе. И наконец, он знает, что опять-таки благодаря этим самым идеям дух человеческий мог воспринять более совершенные истины, которые Бог соблаговолил сообщить ему в более близкую нам эпоху.

И поэтому, далекий от попыток овладеть всеми заключающимися в мозгу человека измышлениями, он стремится лишь как можно лучше постигнуть пути Господни во всемирной истории человечества. Он влечется к одной только небесной традиции; искажения, внесенные в нее людьми, для него дело второстепенное. И тогда он неизбежно поймет, что есть надежное правило, как среди всего необъятного моря человеческих мнений отыскать корабль спасения, неизменно направляющий путь по звезде, данной ему для руководства: и звезда эта вечно сияет, никогда не заволакивало ее никакое облако; она видима для всех глаз, во всех областях; она пребывает над нашими головами и днем и ночью. И если только ему единожды доказано, что весь распорядок духовного мира есть следствие удивительного сочетания первоначальных понятий, брошенных самим Богом в нашу душу, с воздей-

ствием нашего разума на эти идеи, ему станет также ясно, что сохранение этих основ, их передача из века в век, от поколения к поколению, определяется особыми законами и что есть, конечно, некоторые видимые признаки, по которым можно распознать среди всех святых, рассеянных по земле, ту, в которой, как в Святом Ковчеге, содержится непреложный залог Истины.

Сударыня! Ранее, чем мир созрел для восприятия новых истин, которые должны были затем на него излиться, в то время как заканчивалось воспитание человеческого рода развитием всех его собственных сил, смутное, но глубокое чувство позволяло от времени до времени немногим избранникам провидеть светлый след звезды правды, которая протекала по своей орбите. Так Пифагор, Сократ, Зороастр и в особенности Платон узрели неизреченное сияние, и чело их озарено было необычайным отблеском. Их взоры, обращенные на ту точку, откуда должно было взойти новое солнце, до некоторой степени различали эту зарю. Но они не смогли возвыситься до познания Абсолютной Истины, потому что с той поры, как человек изменил свою природу, Истина нигде не проявлялась (для него) во всем своем блеске, и невозможно было ее распознать сквозь туман, который ее заволакивал. Напротив, в новом мире, если человек все еще не распознает этой Истины, то это только добровольное ослепление: если он сходит с надежного пути, то это не что иное, как преступное подчинение темному началу, оставленному в его сердце с единой целью сделать более действенным его присоединение к Истине.

Вы, конечно, предвидите, сударыня, к чему клонится все это рассуждение: вытекающие из него последствия сами представляются уму. В дальнейшем мы ими займемся. Я уверен, что вы овладеете ими без труда. Впрочем, мы не станем более прерывать свою мысль такими отступлениями, которые на этот раз встретились нам по пути, и сможем беседовать более последовательно и методично. Прощайте, сударыня.⁴

---

4. Корреспондентка Чаадаева — Екатерина Дмитриевна Панова, сестра известного писателя, члена общества "Зеленая лампа".

ПИСЬМО ТРЕТЬЕ

*Absorpta est mors ad victoriam*¹

Размышления наши о религии перешли в философское рассуждение, а оно вернуло нас снова к религиозной идее. Теперь станем опять на философскую точку зрения: мы ее не исчерпали. Рассматривая религиозный вопрос в свете чистого умозрения, мы религией лишь завершаем вопрос философский. К тому же, как бы ни была сильна вера, разум должен уметь опираться на силы, заключающиеся в нем самом. Есть души, в которых вера непременно должна в случае нужды найти доводы в разуме. Мне кажется, к числу таких душ как раз принадлежите и вы. Вы слишком сроднились со школьной философией, вера ваша слишком недавнего происхождения, привычки ваши слишком далеки от той замкнутой жизни, в которой простое благочестие само себя питает и собой довольствуется, вы поэтому не сможете руководиться одним только чувством. Вашему сердцу без рассуждений не обойтись. Правда, в чувстве таится много озарений, сердцу несомненно присущи великие силы; но чувство действует на нас временно, и вызываемое им волнение не может длиться постоянно. Наоборот, добытое рассуждениями остается всегда с нами. Продуманная идея нас никогда не покидает, каково бы ни было душевное настроение, между тем как идея, только прочувствованная, неустойчива и изменчива: все зависит от силы, с какой бьется наше сердце. А сверх того сердца не даются по выбору: какое в себе нашел, с тем и приходится мириться, разум же свой мы сами постоянно создаем.

Вы утверждаете, что от природы расположены к религиозной жизни. Я часто думал об этом, и мне кажется, вы ошибаетесь. За природную потребность вы принимаете случайно вызванное неопределенное чувство, мечтательную прихоть воображения. Нет, не так, не с таким беспокойным пылом отдаются настоящему призванию, раз оно найдено в жизни; тогда принимают судьбу свою с твердой решимостью, со спокойной уверенностью. Конечно, можно и даже

---

1. "Поглощена смерть победою..." — Послание апостола Павла к коринфянам, гл. XV, ст. 54.

должно себя переделывать, для христианина уверенность в такой возможности и сознание своего долга в этом отношении — предмет веры и самое важное из чаяний. Христианское учение рассматривает совокупность всего на основе возможного и необходимого перерождения нашего существа, и именно к этому должны быть направлены все наши усилия. Но пока мы не почувствовали, что наша ветхая природа упраздняется и что зарождается в нас новый человек, созданный Христом, мы должны использовать все средства, чтобы приблизить этот желанный переворот: ведь он и не может наступить, пока мы на это не направим целиком все свои силы.

Впрочем, как вы знаете, мы не собираемся здесь исследовать философию во всем ее объеме; задача наша скромнее: раскрыть не то, что содержится в философии, а скорее то, чего в ней нет. Надеюсь, это не окажется выше наших сил. Для верующей души это единственное средство понимать и обращать себе на пользу человеческую науку, но в то же время надо знать в чем состоит эта наука, и по возможности все в ней рассмотреть с точки зрения наших верований.

Монтень сказал "L'obeir est le propre office d'une ame raisonnable, reconnaissant un celest superior et bienfacteur".² Как вы знаете, он не считается умом, склонным к вере: пусть же эта мысль скептика послужит нам на этот раз руководящим текстом: подчас хорошо завербовать себе союзников из вражьего стана; это соответственно ослабляет силы противной стороны.

Прежде всего, нет иного разума, кроме разума подчиненного; это без сомнения так; но это еще не все. Взгляните на человека; всю жизнь он только и делает, что ищет, чему бы подчиниться. Сначала он находит в себе силу, сознаваемую им отличною от силы, движущей все вне его; он ощущает жизнь в себе; в то же время он убеждается, что (внутренняя его) сила не безгранична; он ощущает собственное ничтожество; тогда он замечает, что вне его стоящая сила над ним властвует и что он вынужден ей подчиняться, в этом вся его жизнь. С самого первого пробуждения разума эти два рода

---

2. "Повиновение есть истинный долг души разумной, признающей Небесного Владыку и Победителя". — Монтень, "Опыты", кн. II, гл. 12.

познания, одно — силы, внутри нас находящейся и несовершенной, другое — силы, вне нас стоящей и совершенной, — сами собой проникают в сознание человека. И хотя они доходят до нас не в таких ясных и определенных очертаниях, как познания, сообщаемые нашими чувствами или переданные нам при сношениях с другими людьми, все же наши идеи о добре, долге, добродетели, законе, а также и им противоположные, рождаются только от этой ощущаемой нами потребности подчиниться тому, что зависит не от нашей переходящей природы, не от волнений нашей изменчивой воли, не от увлечений наших тревожных желаний. Вся наша активность есть лишь проявление силы, заставляющей нас стать в порядок общий, в порядок зависимости. Соглашаемся ли мы с этой силой, или противимся ей, — все равно, мы вечно под ее властью. Поэтому нам только и надо стараться отдать себе возможно верный отчет в ее действии на нас и, раз мы что-либо об этом узнали, предаться ей со спокойной верой: эта сила, без нашего ведома действующая на нас, никогда не ошибается, она-то и ведет вселенную к ее предназначению. Итак, вот в чем главный вопрос жизни: как открыть действие верховной силы на нашу природу?

Так понимаем мы первооснову мира духовного и, как видите, она вполне соответствует первооснове мира физического. Но по отношению к природе первооснова кажется нам непреодолимой силой, которой все неизбежно подчиняется, а по отношению к нам — она представляется лишь силой, действующей в сочетании с нашей собственной силой и до некоторой степени видоизменяемой последней. Таков логический вид, придаваемый миру нашим искусственным разумом. Но этот искусственный разум, которым мы своевольно заменили уделенную нам изначала долю разума мирового, этот злой разум, столь часто извращающий предметы в наших глазах и заставляющий нас видеть их вовсе не такими, каковы они на самом деле, все же не в такой мере затемняет абсолютный порядок вещей, чтобы лишить нас способности признать главенство подчиненности над свободой и зависимость устанавливаемого нами для себя закона — от общего закона мирового. Поэтому разум этот отнюдь не препятствует нам, принимая свободу, как данную реальность, признавать зависимость подлинною реальностью духовного порядка, совершенно так, как мы это делаем по отношению к

порядку физическому. Итак, все силы ума, все его средства познания основываются лишь на его покорности. Чем более он себя подчиняет, тем он сильнее. И перед человеческим разумом стоит один только вопрос: знать, чему он должен подчиниться. Как только мы устраним это верховное правило всякой деятельности, умственной и нравственной, так немедленно впадем в порочное рассуждение или в порочную волю. Назначение настоящей философии только в том и состоит, чтобы, во-первых, утвердить это положение, а затем показать, откуда исходит этот свет, который нами должен руководить в жизни.

Отчего, например, ни в одном из своих действий разум не возвышается до такой степени, как в математических исчислениях? Что такое исчисление? Умственное действие, механическая работа ума, в которой рассуждающей воле нет места. Откуда эта чудодейственная мощь анализа в математике? Дело в том, что ум здесь действует в полном подчинении данному правилу. Отчего так много дает наблюдение в физике? Оттого, что оно преодолевает естественную склонность человеческого разума и дает ему направление, диаметрально противоположное обычному ходу мысли: оно ставит разум по отношению к природе в подчиненное положение, ему присущее.* Каким образом достигла своей высокой достоверности натурфилософия? Сводя разум до совершенно подчиненной отрицательной деятельности. Наконец, в чем действие блестящей логики, сообщившей этой философии такую исполинскую силу? Она сковывает разум, она подводит его под всемирное ярмо повиновения и делает его столь же слепым и подвластным, как та самая природа, которую он исследует. Единый путь, говорит Бэкон, отверстый человеку для владычества над природой, есть тот самый, который ведет в Царство Небесное: войти туда можно лишь в смиренном образе ребенка.³

Далее. Что такое логический анализ,⁴ как не насилие разума над самим собою? Дайте разуму волю, и он будет

---

* Почему древние не умели наблюдать? Потому что они не были христианами (Чаадаев).

3. "Novum organum" Бэкона, гл. 68.

4. Под анализом Чаадаев понимает индукцию, под синтезом — дедукцию.

действовать одним синтезом. Аналитическим путем мы можем идти лишь с помощью чрезвычайных усилий над самими собой: мы постоянно сбиваемся на естественный путь, синтетический. С синтеза и начал человеческий разум и именно синтез есть отличительная черта науки древних. Но как ни естественен синтез, как он ни законен, и часто даже более законен, чем анализ, несомненно, все же к наиболее деятельным проявлениям мысли принадлежат именно процессы подчинения, анализа. С другой стороны, всмотревшись в дело внимательно, находим, что величайшие открытия в естественных науках — чистые интуиции, совершенно самостоятельные, т. е. что они истекают из синтетического начала. Но заметьте, что хотя интуиция и составляет по существу своему свойство человеческого разума и является одним из самых деятельных его орудий, мы все же не можем дать себе в ней полного отчета, как в других наших способностях. Дело в том, что мы ею владеем не в том чистом и простом виде, как другими способностями, в этой способности есть нечто, принадлежащее высшему разуму, ей дано лишь отражать этот высший разум в нашем. И потому-то мы и обязаны интуиции самыми блестящими нашими открытиями.

Таким образом, ясно, что человеческий разум не достигает самых положительных своих знаний чисто внутреннею своею силой, а направляется непременно извне. Следовательно, настоящая основа нашей умственной мощи в сущности не что иное, как своего рода логическое самоотречение, однородное с самоотречением нравственным и вытекающее из того же закона.

Впрочем, природа признается нами не только через опыт и наблюдение, а также и через рассуждение. Всякое природное явление есть силлогизм с большей и меньшей посылками и выводом. Следовательно, сама природа внушает ему путь, которому он должен следовать для ее познания; стало быть, и тут он только повинуется закону, который перед ним раскрывается в самом движении вещей. Таким образом, когда древние, например, стоики, с их блестящими предчувствиями, толковали о подражании природе, о повиновении ей, о согласованности с ней, они, находясь еще гораздо ближе нас к началу всех вещей и не разбив еще, подобно нам, мира на части, лишь провозглашали это основное начало духовной природы, именно то, что никакая сила, никакой закон не

создаются нами из себя.

Что касается побуждающего нас действовать начала, которое есть не что иное, как желание собственного блага, то к чему бы пришло человечество, если бы понятие об этом благе было одной лишь выдумкой нашего разума? Что ни век, что ни народ имели бы тогда о нем свою особую идею. Как могло бы человечество в целом шествовать вперед в своем беспредельном прогрессе, если бы в сердце человека не было одного мирового понятия о благе, общего всем временам и всем странам и, следовательно, не человеком созданного? В силу чего наши действия становятся нравственными? Не делает ли их таковыми то повелительное чувство, которое заставляет нас покоряться закону, уважать истину? Но ведь закон только потому и закон, что он не от нас исходит; истина потому и истина, что она не выдумана нами. Мы иногда устанавливаем правило поведения, отступающее от должного, но это лишь потому, что мы не в силах устранить влияние наших склонностей на наше суждение; в этих случаях нам предписывают закон наши склонности, а мы ему следуем, принимая его за общий мировой закон. Конечно, есть и такие люди, которые как будто без всяких усилий сообразуются со всеми предписаниями нравственности; таковы некоторые великие личности, которыми мы восхищаемся в истории. Но в этих избранных душах чувство долга развилось не через мышление, а через те таинственные побуждения, которые управляют людьми помимо их сознания, в виде великих наставлений, которые мы, не ища их, находим в самой жизни и которые гораздо сильнее нашей личной мысли. Они истекают из мысли, общей всем людям: ум бывает поражен то примером, то счастливым стечением обстоятельств, поднимающих нас выше самих себя, то благоприятным устройством всей жизни, заставляющим нас быть такими, какими мы без этого никогда бы не были; все это живые уроки веков, которыми наделяются по неведомому нам закону определенные личности; и если ходячая психология не отдает себе отчета в этих таинственных пружинах духовного движения, то психология более углубленная, принимающая наследственность человеческой мысли за первое начало духовной природы, находит в этом разрешение большей части своих вопросов. Так, если героизм добродетели или вдохновение гения и не вытекли из мысли отдельного человека, они являются все же плодом мысли

протекших веков. И все равно, мыслили мы или не мыслили, кто-то уже мыслил за нас до нашего появления на свет; в основе всякого нравственного действия, как бы оно ни казалось самостоятельным и оторванным, всегда лежит, следовательно, чувство долга, а тем самым — и подчинения.

Теперь посмотрим, что бы вышло, если бы человек мог довести свою подчиненность до совершенного лишения себя своей свободы. Из только что сказанного ясно, что это было бы высшей ступенью человеческого совершенства. Ведь всякое движение души его вызывалось бы тем самым началом, которое производит все другие движения в мире. Тогда исчез бы теперешний его отрыв от природы и он бы слился с нею. Ощущение своей собственной воли выделяет его теперь из всеобщего распорядка и делает из него обособленное существо; а тогда в нем бы проснулось чувство мировой воли, или, говоря иными словами, — внутреннее ощущение, глубокое сознание своей действительной причастности ко всему мирозданию. Теперь он проникнут своей собственной обособляющей идеей, личным началом, разобщающим его от всего окружающего и затуманивающим в его глазах все предметы; но это отнюдь не составляет необходимого условия его собственной природы, а есть только следствие его насильственного отчуждения от природы всеобщей, и если бы он отрешился от своего нынешнего пагубного Я, то разве он не нашел бы вновь и идею, и всеобъемлющую личность, и всю мощь чистого разума в его изначальной связи с остальным миром? И разве тогда все еще стал бы он ощущать себя живущим этой узкой и жалкой жизнью, которая его побуждает относить все к себе и глядеть на мир только через призму своего искусственного разума? Конечно нет, он снова начал бы жить жизнью, которую даровал ему сам Господь Бог, в тот день, когда Он извлек его из небытия. Вновь обрести эту исконную жизнь и предназначено высшему напряжению наших дарований. Один великий гений⁵ когда-то сказал, что человек обладает воспоминанием о какой-то лучшей жизни: великая мысль, не напрасно брошенная на землю; но вот чего он не сказал, а что сказать следовало, — но здесь лежит предел, которого не мог переступить ни этот блестящий гений, ни

---

5. Вероятно, Чаадаев имеет в виду Платона.

какой-либо другой в ту пору развития человеческой мысли, — это то, что утраченное и столь прекрасное существование может быть нами вновь обретено, что это всецело зависит от нас и не требует выхода из мира, который нас окружает.

Время и пространство — вот пределы человеческой жизни, какова она ныне. Но прежде всего, кто может мне запретить вырваться из удручающих объятий времени? Откуда почерпнул я самую идею времени? — Из памяти о прошедших событиях. Но что же такое эта самая память? — Не что иное, как действие воли: это видно из того, что мы помним не более того, что желаем вспомнить; иначе весь ряд событий, сменявшихся на протяжении моей жизни, оставался бы постоянно в моей памяти, теснился бы без перерыва у меня в голове; а между тем, наоборот, даже в то время, когда я даю полную свободу своим мыслям, я воспринимаю лишь воспоминания, связанные с данным состоянием души, с волнующим меня чувством, с занимающей меня мыслью. Мы строим образы прошлого точно так же, как и образы будущего. Что же мешает мне отстранить призрак прошлого, неподвижно стоящий позади меня, подобно тому, как я могу по желанию уничтожить колеблющееся видение будущего, парящее впереди, и выйти из того промежуточного момента, называемого настоящим, момента столь краткого, что его уже нет в то самое мгновение, когда я произношу выражающее его слово? Все времена мы создаем себе сами, в этом нет сомнения; Бог времени не создал; он дозволил его создать человеку. Но в таком случае, куда делось бы время, эта пагубная мысль, обступающая и гнетущая меня отовсюду? Не исчезнет ли оно совершенно из моего сознания, не рассеется ли без остатка мнимая его реальность, столь жестоко меня подавляющая? Моему существованию нет более предела; нет преград видению безграничного; мой взор погружается в вечность; земной горизонт исчез; небесный свод не упирается в землю на краях безграничной равнины, стелющейся перед моими глазами; я вижу себя в беспредельном пребывании, не разделенном на дни, на часы, на мимолетные мгновения, но в пребывании вечно едином, без движения и без перемен, где все отдельные существа исчезли друг в друге, словом, где все пребывает вечно. Всякий раз, как дух наш успеваешь сбросить с себя оковы, которые он сам же себе и выковал, ему доступен этот род времени, точно так, как и тот, в котором он ныне пребы-

вает. Зачем порывается он постоянно за пределы непосредственной смены вещей, измеряемой однозвучными колебаниями маятника? Зачем кидается он беспрестанно в иной мир, где не слышен роковой бой часов? Дело в том, что беспредельность есть естественная оболочка мысли; в ней-то и есть единственное, истинное время, а другое — мы создаем себе сами, а для чего — неизвестно.

Обратимся к пространству: но ведь всем известно, что мысль не пребывает в нем; она логически приемлет условия осязаемого мира, но сама она в нем не обитает. Какую бы, следовательно, реальность ни придавали пространству, это факт вне мысли, и у него нет ничего общего с сущностью Духа; это форма, пускай неизбежная, но все же лишь одна форма, в которой нам представляется внешний мир. Следовательно, пространство еще менее, чем время, может закрыть путь в то новое бытие, о котором здесь идет речь.

Так вот та высшая жизнь, к которой должен стремиться человек, жизнь совершенства, достоверности, ясности, беспредельного познания, но прежде всего — жизнь совершенной подчиненности; жизнь, которой он некогда обладал, но которая ему также обещана и в будущем. А знаете ли вы, что это за жизнь? Это Небо: и другого неба помимо этого нет. Вступить же в него мы можем отныне же, сомнений тут быть не должно. Ведь это не что иное, как полное обновление нашей природы в данных условиях, последняя грань усилий разумного существа, конечное предназначение Духа в мире. Я не знаю, призван ли каждый из нас пройти этот огромный путь, достигнет ли он его славной конечной цели, но то, что предельной точкой нашего прогресса только и может быть полное слияние нашей природы с природой всего мира, это я знаю, ибо только таким образом может наш дух вознестись в совершенство всего, а это и есть подлинное выражение высшего разума.*

Но пока мы еще не достигли предела нашего паломниче-

---

*Здесь надлежит заметить две вещи, во-первых, что мы не имели в виду утверждать, будто в этой жизни содержится все Небо целиком: оно в этой жизни лишь начинается, ибо смерть более не существует с того дня, как она была побеждена Спасителем; и во-вторых, что здесь, конечно, говорится не о слиянии вещественном во времени и в пространстве, а лишь о слиянии в идее и в принципе (Чаадаев).

ства, до того как совершится это великое слияние нашего существа с существом всемирным, не можем ли мы по крайней мере раствориться в мире одухотворенных существ? Разве не в нашей власти в любой степени отождествлять себя с подобными нам существами? Мы ведь способны усваивать себе их нужды, их выгоды, переноситься в их чувства так, что мы, наконец, начинаем жить только для них и чувствовать только через них. Это без сомнения верно. Как бы вы ни называли эту нашу удивительную способность сливаться с тем, что происходит вокруг нас, — симпатией, любовью, состраданием — она во всяком случае присуща нашей природе. Мы при желании можем до такой степени сродниться с нравственным миром, что все совершающееся в нем и нам известное мы будем переживать как совершающееся с нами; более того, если даже мировые события нас и не очень заботят, довольно одной уже общей, но глубокой мысли о делах других людей; одного только внутреннего сознания нашей действительной связи с человечеством, чтобы заставить наше сердце сильнее биться над судьбою всего человеческого рода, а все наши мысли и все наши поступки сливать с мыслями и поступками всех людей в одно созвучное целое. Воспитывая это замечательное свойство нашей природы, все более и более развивая его в душе, мы достигнем таких высот, с которых целиком раскроется перед нами остальная часть всего предстоящего нам пути; и благо тем из смертных, кто, раз поднявшись на эту высоту, сумеет на ней удержаться, а не низринется вновь туда, откуда началось его восхождение. Все существование наше до тех пор было непрерывным колебанием между жизнью и смертью, длительной агонией; тут началась настоящая жизнь, с этого часа от нас одних зависит идти по пути правды и добра, ибо с этой поры закон духовного мира перестал быть для нас непроницаемой тайной.

Но так ли протекает жизнь кругом нас? Совсем наоборот. Закон духовной природы обнаруживается в жизни поздно и неясно, но, как вы видите, его вовсе не приходится измышлять (он не зависит от нас), как и закон физический. Все, что от нас требуется, это — иметь душу раскрытую для этого познания, когда оно предстанет перед нашим умственным взором. В обычном ходе жизни, в повседневных заботах нашего ума, в привычной дремоте души, нравственный закон проявляется гораздо менее явственно, чем закон физический.

Правда, он над нами безраздельно господствует, определяет каждое наше действие, каждое движение нашего разума, но вместе с тем, сохраняя в нас, посредством какого-то дивного сочетания, через непрерывно длящееся чудо, сознание нашей самостоятельности, он налагает на нас грозную ответственность за все, что мы делаем, за каждое биение нашего сердца, даже за каждую мимолетную мысль, едва затронувшую наш ум; и несмотря на это, он ускользает от нашего разума в глубочайшем мраке. Что же происходит? Не зная истинного двигателя, бессознательным орудием которого он служит, человек создает себе свой собственный закон, и этот закон, который он по своему же почину себе предписывает, и есть то, что он называет "нравственный закон", иначе — мудрость, высшее благо, или просто закон, или еще иначе.* И этому-то хрупкому произведению собственных рук, произведению, которое он может по произволу разрушить и действительно ежечасно разрушает, человек приписывает в своем жалком ослеплении всё положительное, безусловное, все непреложное, присущее настоящему закону его бытия, а между тем, при помощи одного только своего разума он, очевидно, мог бы постигнуть относительно этого сокровенного начала одну лишь его неизбежную необходимость — ничего более.

Впрочем, хотя нравственный закон пребывает вне нас и независимо от нашего знания его, совершенно так, как и закон физический, есть все же существенное различие между этими двумя законами. Бесчисленное множество людей жило и теперь еще живет без малейшего понятия о вещественных движущих силах природы: Бог восхотел, чтобы человеческий разум открывал их самостоятельно и постепенно. Но как бы низко ни стояло разумное существо, как бы ни были жалки его способности, оно всегда имеет некоторое понятие о начале, побуждающем его действовать. Чтобы размышлять, чтобы судить о вещах, необходимо иметь понятие о добре и зле. Отнимите у человека это понятие, и он не будет ни размышлять, ни судить, он не будет существом разумным. Без этого понятия Бог не мог оставить нас жить хотя бы мгновение; он нас и создал с ним. И эта-то несовершенная идея,

---

*См. древних (Чаадаев).

непостижимым образом вложенная в нашу душу, составляет всю сущность разумного человека. Вы только что видели, что можно было бы извлечь из этой идеи, если бы удалось восстановить ее в ее первоначальной чистоте, как она была нам сообщена сначала; следует, однако, рассмотреть и то, чего можно достичь, если отыскивать начало всех наших познаний единственно в собственной нашей природе.

Сокольники

1 июля (1830)

*(Продолжение публикации писем Чаадаева —
в следующем номере).*

В МИРЕ ФИЛОФЕЯ

(Самиздат)

"Человек соотнесен с Богом
как с некой своей целью".

Фома Аквинский

Европейская концепция рационального знания, а не "сатори" дзэнского внеинтеллектуального просветления, не "припоминание — врожденное знание" Платона, не "врожденные идеи" Декарта и Лейбница — лежит в основе сложившегося исторического типа мышления, опирающегося на дискурсивное мышление и инсайты человека, осмысливающего тот или иной отрезок прошлого, то или иное событие.

"У всякого безумия есть своя логика" — эти слова Гамлета могут быть девизом данной статьи, посвященной известному феномену русской истории — концепции старца Филофея из псковского Елеазарова монастыря.

О личности Филофея мы не знаем почти ничего. Предположительно устанавливается время его жизни (XV век? XVI век?), его происхождение (из бояр? из крестьян или мелких собственников?). Он ничего не открыл, не осмыслил заново: формула "третьего Рима" была известна и ранее в Византии, на Балканах да и на самой Руси. Кто же он: скромный монах-идеалист, во имя идеи переосмысливший свое отношение к Москве, покорительнице Пскова? Расчетливый изменник, возжелавший великокняжеской милости? Честолюбивый компилятор? Стоит ли предполагать, оспаривать, уяснять? Какое нам дело до личности старца Филофея. Кто бы он ни был: гениальный идеалист или удачливый предатель, не он определил ход истории своей страны. Нам известна его политическая концепция, некоторые аспекты его мировоззрения, и этого довольно. Филофей — отец доктрины "Москва — третий Рим", но судьбу России определила не одна личность, и концепция Филофея, ставшая ведущей политической

доктриной, обрастая мясом фактов, культурных наслоений и временной эволюции, подлежит сегодня анализу историка, а не психолога-персоналиста. Сам Филофей — лишь символ, и только в этом качестве он нас интересует.

Сегодня мы можем констатировать: теория Филофея, как бы "идеально" она ни была замыслена, стала официальной политической доктриной; ее признали в этом качестве государственная и высшая церковная власти России, она открыла перед московскими великими князьями и их последователями "блестящее марево всемирной власти" (определение Д. С. Лихачева), и из этого марева вышел живой джин.

Начиная со времен правления Иоанна IV Грозного она стала ядром идеологии Московской Руси. "Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не бывати" — это слова Филофея, суть доктрины Русского государства, пережившей века и народы.

В 1453 году пал Константинополь, Москва стала центром православия, и судьба Московского государства, волей истории оказавшаяся столь неровной и трудноосмысливаемой, показала миру, что живучесть социальной системы и разум далеко не всегда находятся в прямой зависимости. Специфическое развитие России, в течение веков стоявшей на первоосновах — православии, самодержавии и сословной иерархии, специфика ее культуры, имевшей такие имманентные, нигде в Европе более не известные включения, как юродство и т. п., оказали неоспоримое влияние на судьбы всего прилегающего к ней евро-азиатского региона.

Корни православия — в Византии. Стечению обстоятельств и личным вкусам (эстетическим!) князя Киевского обязана Русь погружению в православие. Тотальное крещение язычников происходило принудительно, практически одновременно; византийские идеалы не могли привиться к языческому сознанию, не исказив сути центральной доктрины христианства. Православие Византии, просвещенное, эзотерически глубинное, спустя короткое время вылилось на Московскую Русь в некую нечленораздельную эклектическую смесь пестрых языческих верований и искаженных христианских догм. Абсолютная неграмотность темного люда и значительной части служителей культа привела к тому, что извращалось само Священное Писание, канонические тексты, в плохих переводах и копиях терялась суть религиозной

этики, т. е. смысла Христовых заповедей. И было одно обстоятельство, исключавшее "вознесение" православия до уровня его источника: русское православие никогда не было в достаточной степени сакрализовано, не было свободно от государственного влияния и контроля (княжеского, потом царского). Церковь, в принципе своем владелица духовных сфер, всегда зависела от мирской власти, от политической ситуации в стране, а то и от прихотей правителя — великого князя или царя. И чем значительнее, ярче была личность престолодержателя, тем более извращалась христианская этика в стране, тем более ущемлялась церковь. Вот что пишет Д. С. Лихачев: "Искажения и глумления над христианским культом были типичны для Грозного. Демонстративно выставляя свою ортодоксальность во всех официальных случаях, он вместе с тем был склонен к кощунству, к высмеиванию этого же культа, к различного рода нарушениям религиозных запретов" (я не случайно беру в пример личность Иоанна Грозного: кроме значительности его эпохи в плане формирования дальнейшей истории Великого княжества, он — современник Филофея). Русским православием этой эпохи выпестован сугубо национальный, незнакомый Византии, институт юродивых — неформальных служителей культа, всей своей деятельностью опровергавших общепринятый идеал красоты, введших в канон религии эстетику безобразного.

Значительно позднее жизни Филофея традиционное православие Руси Московской подверглось реформе; так для Московии просвещенный и практичный священнослужитель Никон пытался максимально очистить православие от изуверских крайностей, языческих включений, от профанации священных текстов неграмотным монашеством. И, главное, Никон пытался разделить власть в России на две независимые сферы, духовную и мирскую, освободив тем самым церковь от контроля государя и сугубо мирских методов осуществления духовного влияния на паству. Второй Романов, Алексей, не дал состояться реформе Никона полностью, и после раскола православия церковь осталась в зависимости от политики государя, от его целей и излюбленных методов проведения политических акций. И как апофеоз прежнего полуязыческого православия — фанатическая фигура протопопа Аввакума, истого христианина (в своем понимании), смиренно изрекающего по поводу: "Дайте мне срок, я вам

лучшему тому ступлю на горло о Христа Иусе Господе нашем...”

После победы над Новгородом и Псковом великие князья Москвы становятся царями. Русь с центром в Москве превратилась в государство, управляемое единоначально самодержавием, определяющим политическую жизнь страны и духовную — ее граждан. Если в свое время иудаизм (основа христианства, то есть и православия) определил царю профаническую сферу, отняв у него функции в сфере культа, его самого определив в качестве наследственного вождя и не более (наблюдение Топорова), тысячелетия, прошедшие в истории иудаизма и христианства вплоть до появления русского православия, оказались напрасными здесь: царь-самодержец России был воплощением Бога, компетентным и властным в сфере сакрального.

Оставаясь по сути своей тем же человеком, смертным и беспомощным, самодержец (великий князь или царь), будучи к тому же не всегда достаточно образованным, подчинял страну своей субъективности, своим прихотям. Бог не может контролировать человека, если он сам — пресуществование Бога. Иоанн Грозный, яркая, самобытная личность которого (личность, а не индивидуум!) так много внесла в судьбу русской монархии, таким образом охарактеризован исследователем: "...ругательства составляют в языке Грозного наиболее устойчивую и характерную для его языка лексическую группу" (наблюдение Лихачева).¹ Иоанн Грозный, деспот и реформатор (опричнина!), шутовствующий к вящему страху своих подданных, в униженной челобитной к дрожащему марионетке-правителю (и опять нет аналогий в истории!) Симеону Бекбулатовичу "просит" разрешения "перебраться людишек", глумливого разрешения на одну из жесточайших акций.

Дитя Грозного — опричнина, имевшая жестокость методом и целью своей, не знала процессуальных норм, гарантий. А ведь это — XVI век! Именно поэтому гораздо позднее гонимый фанатик Аввакум вопрошает, имея в виду Никона: "Миленький царь Иван Васильевич скоро бы указ сделал

---

1. См. его ст. "Стиль как поведение (К вопросу о стиле произведений Ивана Грозного)" в сб. "Современные проблемы литературоведения и языкознания", М., 1974, с. 195.

такой собаке". И к характеристике "христианской" этики самого Аввакума: "Перво бо Никона — того собаку, разсекли бы начетверо, а потом бы никониян — тех".

То, что писал спустя сто лет после Грозного, в XVII веке, единоверный Руси архидиакон Павел Алеппский, сын антиохийского патриарха Макария,² может быть посчитано субъективно сгущенным; но именно эта субъективность, от страха и неприятия увиденного, указывает, что византийскому православию такой "русский стиль" не свойственен: "Если кто желает сократить свою жизнь на пятнадцать лет, пусть едет в страну московитов и живет среди них как подвижник... Он должен упразднить шутки, смех и развязность... ибо московиты... подсматривают за всеми, сюда приезжающими, ночью и денно, сквозь дверные щели, наблюдая, упражняются ли они непрестанно в смирении, молчании, посте или молитве, или же пьянствуют, забавляются игрой, шумят, насмеваются или бранятся... Как только заметят со стороны кого-либо большой или малый проступок, того немедленно ссылают в страну мрака, отправляют туда вместе с преступниками,.. ссылают в страны Сибири,.. удаленные на расстояние целых трех с половиной лет, где море-океан и где нет уже населенных мест".

Каково отношение самого Филофея к Богу и Государю (или к Богу-Государю)? Об этом Филофей высказывается недвусмысленно: "Да не внидет в сердце твое всяко слово и помышление лукаво или к Богу неблагодарение или на государя хулен помысел или глагол неблагочестив", т. е. Бог и Государь — явления одного ряда; государь, по Филофею, "поставлен от Бога" и "гражданин вышнего Иерусалима и сын света". Но все же, что "первично" для Филофея, Бог или самодержац? Вот ответ: государь — "браздодержатель святых божьих церквей, престол всех, и епископий, и причт, и всего христианского исполнения". Здесь излишни комментарии.

Мы видим, что Филофей традиционен, его мир — это мир национального русско-московского православия, где идея царя — доиудейская, царь есть воплощение Бога, и его функ-

---

2. В кн. "Путешествие антиохийского патриарха Макария в Россию в половине XVII в., описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским", пер. с араб., вып. 1-5, М., 1896-1900.

ции лежат в сфере культа так же, как и в профанической сфере.

В современном Филофеевском русском обществе власть индивидуализирована и персонифицирована, власть здесь не признается прерогативой народа и осуществляется не от имени народа. И от имени этого общества, этого государства говорит Филофей сакраментальную фразу: "Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не бывати". Он, Филофей, желающий распространить влияние Руси на другие страны, вещает: "Все христианские царства пограны от неверных... придоша в конец и снисдошася во едино царство нашего государя". Власть московского государя и московскую форму православия он предлагает перенести в страны латинского Запада, существующие на иных принципах власти и Бога, на ином соотношении сакрального и мирского.

В основе концепции права и способов его функционирования лежит принцип соотношения "индивид-общество". В средние века основным источником права служили религиозные нормы. Там, где христианская традиция превратилась в основную общественную институцию, где общество в большей или меньшей степени последовательно "вращалось" в схему христианской этики, правовые нормы постепенно приучались к концепции "антропоцентризма". Несложный принцип "Я уважаю ваши права на жизнь и свободу для того, чтобы каждый из вас уважал мое право на жизнь и свободу" — это трюизм, не имеющий альтернативы в нормально функционирующем сообществе людей, лежащий в основе правовой системы любой цивилизации, хотя с теми или иными вариациями в каждой системе. "Величие демократии состоит не в том, что большинство народа пользуется неограниченной свободой, а в том, что она ставит в центре государства достоинство человека" — это слова современного нам юриста-теоретика,³ символизирующие тот путь, по которому идет цивилизация, сформировавшаяся в сфере влияния латинского Запада. Инквизиционные трибуналы, гибель ордена Тамплиеров, крестовые походы — эти болезни роста имели свои вполне объяснимые причины, но эта несправедливость, эта

---

3. Walter W., Die sozialetische Definition der Demokratie, Freiburg, 1962, с. 143.

кровь, в отличие от таковых на Руси, — от чрезмерного пространства юрисдикции церкви на мирское, не подлежащее ее компетенции, и, конечно же, от того, что именем Бога творили люди с прихотями, слабостями, честолюбием.

Но почему латинский мир сумел выйти к той форме государства, которую профессор фон Хейдте характеризует так: "Западная демократия направлена на защиту нравственности",⁴ а доктрина Филофея — нет?

Вспомним дефиницию Пятигорского: "Для образованного человека современной европейской культуры знание всегда есть нечто внешнее по отношению к человеку, который знает, нечто искомое, достигаемое, обнаруживаемое, словом — любым образом получаемое извне, а не изнутри "я"... Для человека европейской культуры знание всегда объективно; вне зависимости от того, направлено ли оно на объект или на субъект".⁵ Иными словами, европейское Знание в принципе, в своем "идеале", всегда формализуемо, формализуемы его метод и цель. Европейское знание — атрибутивно, оно есть знание атрибутов Истины, но не ее самой.

О европейском Знании, как бы оно ни было рационально, нельзя сказать, что оно всегда — от Истины. Зачастую в форме Знания кроется ошибка, предрассудок. Но и предрассудок Европы — формализуем, потому что он строится на ошибочных предпосылках, но тем же дискурсивным в своей основе методом, что и истинное рациональное Знание. Европейская концепция веры в своем идеале не противоречит знанию — науке; еще в средние века Ансельм Кентерберийский знаменитым своим девизом "fides quaerens intellectum" (верить, дабы понять) приближает веру к знанию. Даже известный аргумент Тертуллиана в споре, ныне ставший афоризмом, "верую, потому что абсурдно" — не от невежества или мракобесия. Это, скорее, вызов ratio, но внутри самой системы рационального европейского мышления. Эта дерзость (или апория!) — так же построение логическое, формализуемое.

Классический Восток не знает концепции рационального

---

4. F.-A. von der Heydte, "Demokratie und Meinungsmonopol", 1967, с. 35.

5. А. М. Пятигорский, "Знание как 'знак личности' в духовной культуре Индии", Труды по востоковедению, Тарту, 1973.

знания. Его Знание — внеинтеллектуально, оно — внутреннее для субъекта-обладателя, его пути ближе к чувствам, нежели к рассудку. Оно — знание эзотерическое, неформализуемое.

Именно поэтому европейская латинская цивилизация рационального знания создала науки, рационально совершенствовала общественные системы, уделяя особое внимание созданию комфортных условий, т. е. условий внешних для каждой составляющей ее биопсихологической единицы, для индивида.

Московская Русь не была ни Европой, ни "настоящим" Востоком. Филофей, фактический ее идеолог со времен царствования Иоанна IV (или ее провидец, для нас это не важно), резко и однозначно высказывается против любого внецерковного знания (а что есть "православное знание" — мы уже видели). Филофей — против свободы суждений, против Личности. Всем, от простолюдина до царя и святителя, он возбраняет занятия наукой, исследованиями. Еще при жизни Филофея его отношение к светскому знанию превратилось в официальную доктрину на Руси. "Прелестные эллинские басни" так категорически определяет Филофей всю культуру дохристианского мира. Мракобесие Филофея — и основа его мировоззрения, и система построенного им мира, в этом отличие его от Тертуллиана.

Филофей, по взглядам своим, антигностик. Но чистый антигностицизм как учение невозможен, поскольку сама его концепция является своего рода знанием (информацией, говоря современным нам языком). В конце концов, даже для того чтобы приготовить квас или брагу, необходимо простое, предметное, но — Знание. Абсолютный антигностицизм, как и абсолютный релятивизм, невозможен; с точки зрения логики декларирование Экклезиастом всеобщей относительности разрушает самое себя, т. к. относителен в таком случае и сам Экклезиаст с его истиной релятивизма.

Без реформы Никона, т. е. без значительной уступки Знанию, "третий Рим" не стал бы возможен. Представляется интересным такое: как вел бы себя Филофей, будь он живым и при памяти во времена Никона, с кем бы он был? Кто он, Филофей, трезвый политик, ищущий цели во что бы то ни стало, или теоретик-идеалист, отстаивающий в любом случае чистоту метода?

Почему все то, что обусловило прогресс латинского мира,

осуждается Филофеем в качестве "прелестных эллинских басен"? Почему его мнение в этом совпало с действительным состоянием в государстве, непоколебимо следовавшем по векам к "третьему Риму"? Воля ли это правителей страны и особенности личности Филофея или неизбежный феномен "третьего пути" Знания? И неизбежна ли взаимообусловленность деспотии (тирании) и мракобесия (невежества, нулязания и т. п.)?

Вот наблюдения Тацита в стране германцев: при отсутствии минимального изобилия нет обеспеченного досуга, создающего предпосылки для размышления, творчества и, в первую очередь, образования; здесь же, в "Historiarum libri": "После битвы на Акции, когда ради спокойствия и безопасности вся власть оказалась сосредоточенной в руках одного человека, таланты перевелись..."

Цицерон: культура возникает там, где человек свободно и сознательно отдает свой талант и силы служению обществу...

Что ж, в сфере действия оппозиции "жизнь — смерть" умолкает либидо (имею в виду психоаналитическую теорию творчества). А в Московской Руси никогда не было изобилия, не было обеспеченного досуга у подавляющего большинства граждан. Можно указать и другие факторы, но и этого достаточно, ясно одно: то, что еще в XV-XVI веках в Московской Руси обсуждались польза-вред книжного чтения и просвещения — историческая и логическая закономерность. Все естественно: ведь и Цицерон, и Тацит, как и многое другое, — те самые "прелестные эллинские басни". А Филофей... он истый сын своего отечества.

Итак, "все христианские царства попораны от неверных... придоша в конец и снидошася во едино царство нашего государя". Кто же они, неверные?

Сенека Л. Анней — ритор, древний уже и для Филофея: "Тараны расшатывают стены, и они рассыпаются в прах перед полководцем, разрушителем стольких городов, подкопы колеблют высокие башни, и они оседают в открывшиеся под ними ямы, по насыпям можно уже пройти на самый верх укреплений, но нет в военном искусстве приемов, способных поколебать крепость человеческого духа".

Петрарка: "Ad quid sumus? unde et quo pergimus?" (Для чего мы? Откуда и куда идем?), в этом вопросе поэта — одна из центральных проблем гуманистического мировоззрения,

идея самопознания.

Леонардо Бруни (первая половина XV века): "В любом возрасте ничего не было для меня более любезного, ничего я так не искал, как того, чтобы собраться при первой возможности с учеными людьми и поделиться с ними тем, о чем я читал и раздумывал и в чем усомнился, и выслушать их суждение об этих вещах..."

Пико Делла Мирандола: "Человек есть... промежуток между неизменной вечностью и текущим временем."⁶

И опять Петрарка, современник Филофея, отвечающий своим оппонентам на обвинение в "цицеронианстве" (латинский мир также знал санкции за отступление от стандартных авторитетов): "Я не скрою, что наслаждаюсь умом и красноречием Цицерона... Если восхищаться Цицероном — значит быть цицеронианцем, то я — цицеронианец". Кто из нас и сегодня не подписался бы под такими словами?!

В латинской Европе рождается гуманизм, раскрепощенная самоценная личность,... а Филофей плотно, на века закрывает Русь от "иной веры". От Знания. Способ мышления Филофея и есть основа его мироощущения. Весь комплекс культуры, с его внутренними натяжениями и антиномиями, необходимо соотносится с "логикой" самопостроения культуры, определяющей самосознание ее деятелей, но именно поэтому незаметной для них (наблюдение Л. М. Баткина, статья "Итальянский гуманистический диалог XV века").

...Но так ли все благополучно обстояло в Европе, всегда ли и все там (в эпоху Филофея) определялось Знанием?

Нет, не всегда. Во-первых, потому что зачастую в одежды Знания облачен предрассудок, ошибка (поскольку знание — не от Бога, оно добывается нами в трудах и поисках); во-вторых, для Европы было характерно чрезмерное распространение юрисдикции церкви в миру. И если опричину Иоанна IV сопоставлять с инквизиционными трибуналами, следует помнить существенное отличие: инквизиционный суд знал процессуальную норму, гарантию; показания, данные там под пыткой, считались недействительными, если они не подтверждались обвиняемым добровольно спустя сутки. По

---

6. "...esse hominem... stabilis aevi et fluxi temporis interstitium" (Giovanni Pico della Mirandola, De dignitate hominis /Oratio/, Bad Homburg v. d. H.-Berlin-Zurich, 1968, стр. 26).

окончании расследования инквизиционное право (если позволительно так его определить) и современное ему мирское, светское право допускали одну существенную логическую погрешность: к духовным прегрешениям применялись сугубо светские санкции (в том числе и костер). И лишь одна деталь из практики светских судов в первую половину XIV века, Милан: истец был обязан дать подписку и представить ручательство, что в случае недоказанности обвинения он сам будет наказан и возместит обвиняемому убытки; последний имел право взять себе защитника и потребовать сообщения имен свидетелей и их показаний; начав дело, судья под угрозой штрафа в 50 ливров должен был окончить его в течение 30 дней.

...Филофей, вещающий "...снидошася во едино царство нашего государя", всего этого не знает, для него основное и единственное: "два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не бывати".

Если спрямленный путь Европы можно определить как направленный к цели-человеку, к личности, то путь Московской Руси, путь Филофея — к цели-государству, т. е. к реалии сугубо функциональной, оппозиционной к личности, к свободе воли (свобода воли как внутренне осознанная субъектом свобода выбора).

Без реформы Никона (в том виде, как она состоялась) путь "третьего Рима" остался бы утопией, ибо государство, даже деспотическое, не может существовать без минимального атрибутивного Знания. Примитивно понимаемая православная вера использовала чуждые русской почве конкретные знания-вещи, отвергая глубинное знание, будто ощущая таящуюся в нем свою смерть. Теория Филофея была принята в качестве идеологической доктрины, но с малочисленными поправками на "жизненность".

Третий Рим, с его концепцией Знания — мракобесием (невежеством, нуль-знанием), выстоял. Филофей провидел его жизнь и провидел его смерть: знание, тщательно скрываемое от ищущих глаз, подобно Кашеевой игле, таящей его кончину.

А Филофей... Им не руководили меркантильные соображения, он не был тираном, властителем и не стремился к власти. Филофей — идеалист, но из тех, чьи устремления интеллекта рождают худшие образчики зла.

ТРУД — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ — ПРОБЛЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

ЭНЦИКЛИКА ВЕРХОВНОГО ПОНТИФИКА ПАПЫ ИОАННА-ПАВЛА II О ТРУДЕ ЧЕЛОВЕКА

К братьям-епископам, к священникам, к монашеским братствам, ко всем сынам и дочерям Церкви и ко всем людям доброй воли по случаю 90-летия обнародования энциклики "Рерум Новарум".*

Досточтимые братья, дорогие дочери и сыновья, приветствую и благословляю вас апостольским благословением.

Человек должен трудиться, чтобы добыть хлеб свой насущный, ради непрерывного развития науки и техники и, самое главное, во имя непрерывного культурного и нравственного подъема общества, в котором он живет вместе со своими братьями. Слово "труд" означает всякую работу, совершаемую человеком, любую работу, независимо от ее особенностей и условий, при которых она совершается. Иными словами, слово "труд" означает любую человеческую деятельность, которую можно и должно признать работой, одним из проявлений всей той разнообразной деятельности, какую человек способен осуществлять и к которой он предрасположен по самой своей природе, уже просто в силу того, что он — Человек. Человек сотворен во Вселенной по образу и подобию Самого Бога, и вселенское назначение человека — господствовать над землей. Следовательно, от начала человек призван к труду. Способность к труду — одно из свойств, отличающих человека от прочих сотворенных существ, чья деятельность связана с необходимостью выживания и поэтому не может быть названа трудом. Лишь человек способен трудиться, лишь человек выполняет работу, и именно поэтому его земное существование связано с непрерывным трудом. Таким образом, на труде лежит особая печать человека и человечества, печать личности, действующей в общине, которая состоит из личностей. Это определяет внутреннее каче-

---

*Начало, продолжение — в следующем номере.

ство труда, составляет, в некотором смысле, саму его природу.

Введение

1. Человеческий труд спустя 90 лет после обнародования энциклики "Рерум Новарум"

15 мая нынешнего года исполнилось 90 лет со дня обнародования Львом XIII — Папой, внесшим великий вклад в развитие "социального вопроса", — энциклики, начинающейся словами "Рерум Новарум". Эта энциклика оказала решающее воздействие на общественное сознание нашего времени. Потому-то я и хочу посвятить свою новую энциклику человеческому труду, и особенно человеку, взятому в широчайшем контексте той реальности, которая и есть труд. Действительно, как я уже говорил в обнародованной в начале моего служения на Римском Престоле святого Петра энциклике "Редemptor Хоминис" — "Искупитель человека", — в силу непостижимой тайны Искупления во Христе, человек — вот "первый и главный путь Церкви". Необходимо поэтому постоянно возвращаться на этот путь и следовать по нему, все время учитывая разные стороны бытия человека, раскрывающие нам все богатство и одновременно всю трудность человеческого существования на земле.

Одна из этих сторон — труд. Труд неразрывно связан с человеком и обладает значением основополагающим и непреходящим. Труд требует всегдашнего и неустанно обновляющегося к себе внимания. Необходимо со всей решительностью защищать смысл труда. В связи с трудом постоянно возникают новые вопросы и новые проблемы. Они непрестанно рождают новые надежды, но также и опасения и угрозы, сопряженные с этой основополагающей стороной человеческого существования. Благодаря труду изо дня в день строится жизнь человека. В труде человек обретает собственное, принадлежащее только ему, достоинство. Но труду присуща также и некая постоянная мера человеческого страдания, горя, потерь и несправедливости, глубоко укоренившихся в общественной жизни каждой нации и в межнациональных и межгосударственных отношениях. И если верно, что человек питается хлебом, который зарабатывает своими руками, — я имею в виду не только тот хлеб насущный, что поддерживает

жизнь в человеческом теле, но также и хлеб науки и прогресса, хлеб цивилизации и культуры, — то так же справедлива и та непреходящая истина, что человек питается этим хлебом, зарабатывая его "в поте лица своего". Иначе говоря, он направляет на это свои личные усилия и трудясь — страдает. "Труд в поте лица своего" означает также связанные с реальностью труда многообразные проявления напряженности, конфликты и кризисы, переворачивающие жизнь каждого общества и даже всего человечества.

Мы отмечаем 90-летие со дня опубликования энциклики "Рерум Новарум" накануне новых технологических, экономических и политических перемен, которые, по мнению многих экспертов, окажут на мир труда и производства не меньшее влияние, чем промышленная революция прошлого века. Общие причины этого многообразны: широкое внедрение автоматки в многочисленных секторах производства, увеличение цен на энергию и сырье, углубляющееся осознание ограниченности природных богатств и осознание становящегося все более непереносимым загрязнения окружающей человека среды, появление на мировой политической арене народов, которые после веков подчинения справедливо потребовали себе места среди других народов и права голоса при решении международных вопросов. Эти новые обстоятельства и требования вызывают необходимость как реорганизации и переустройства современных экономических структур, так и перераспределения работы. К несчастью, в результате подобных перемен миллионы квалифицированных работников, вероятно, превратятся в безработных, по крайней мере на время, или окажутся перед необходимостью переквалификации. Весьма возможно, что такого рода перемены вызовут уменьшение или замедление роста материальных благ в наиболее развитых странах. Но эти перемены также должны принести облегчение и надежду миллионам людей, ныне живущих в условиях недостойной и постыдной нищеты.

Не дело Церкви заниматься научным анализом возможных последствий такого рода изменений в жизни человеческого общества. Но Церковь чувствует себя обязанной постоянно напоминать о достоинстве и правах трудящихся, ясно указывать на все те причины, что приводят к нарушению этих прав, к умалению достоинства трудящегося человека.

Церковь считает своим долгом содействовать тому, чтобы все новые перемены осуществлялись в направлении истинного прогресса человека и общества.

2. Органическая преемственность в социальном деле и учении Церкви

Несомненно, труд, будучи человеческой проблемой, образует как бы центр "социального вопроса". Вот уже на протяжении почти ста лет, протекших со дня опубликования только что упомянутой энциклики "Рерум Новарум", учение Церкви и многообразные христианские начинания, связанные с ее апостольским посланничеством, по-новому ориентируются именно на "социальный вопрос". Здесь я собираюсь сосредоточиться прежде всего на проблеме труда. Но рассматривая эту проблему, я не хочу идти по какому-то новому пути; скорее, я стремлюсь органически связать ее со всей полнотой традиционного учения и деятельности Церкви. В то же время я рассматриваю проблему труда в связи с Евангелием для того, чтобы извлечь из евангельского наследия и старое и новое. Труд — это очевидно — есть нечто "старое", столь же древнее, как человек и его жизнь на земле. Все же общее положение человека в сегодняшнем мире — согласно исследованиям и научным анализам, проведенным в области географии, культуры и цивилизации, — требует раскрытия новых значений человеческого труда, а также формулировки его новых задач, поставленных перед каждым человеком, каждой семьей, отдельными народами, перед всем родом человеческим и наконец перед самой Церковью.

На протяжении всего того времени, что протекло со дня обнародования энциклики "Рерум Новарум", внимание Церкви было постоянно обращено на "социальный вопрос". Об этом свидетельствуют многочисленные документы, излагающие учение Церкви и исходящие как от Пап, так и от Второго Ватиканского Собора. Об этом свидетельствуют документы Епископатов разных стран. Об этом же свидетельствует деятельность различных научно-исследовательских центров и практические апостольские начинания — все это как на международном уровне, так и на уровне отдельных поместных Церквей. Трудно было бы с исчерпывающей полнотой перечислить здесь все проявления живой деятельности Церкви и христиан в области "социального вопроса",

ибо эти проявления весьма многочисленны. Основным координационным центром в этой области стала возникшая в результате деятельности Собора Понтификальная комиссия "Справедливость и мир". (Эта Комиссия имеет свои отделения при каждой Епископской конференции той или иной страны.) Название Комиссии весьма выразительно: оно означает, что "социальный вопрос" должен рассматриваться в своем полном объеме, во всей своей целостности. Борьба за справедливость должна быть неразрывно связана с борьбой за мир в современном мире. Об этом свидетельствует горький опыт двух великих мировых войн, на протяжении последних девяноста лет перевернувших жизнь многих стран европейского континента и частично других континентов. Об этом также свидетельствует ставшая явной в конце Второй мировой войны постоянная угроза ядерной войны, результатом которой может оказаться ужасающее самоуничтожение человечества.

И если мы рассмотрим всю совокупность последовательно выходивших на протяжении последних девяноста лет документов Церкви, в которых отразилось ее общее учение, то в них мы как раз найдем ясное подтверждение тому, о чем я только что говорил, — борьба за мир неотделима от борьбы за справедливость. Ключ к проблеме мира во всем мире дает энциклика Иоанна XXIII "Пачем интерис" ("Мир на земле"). Рассматривая эволюцию понятия социальной справедливости, необходимо отметить, что если в период между выходом энциклики "Рерум Новарум" и выходом энциклики Пия XI "Куадрожесимо анно" ("Сороковой год") учение Церкви прежде всего было направлено на справедливое решение "рабочего вопроса" в рамках отдельных народов, то в последующий период учение Церкви стало рассматривать этот вопрос в общемировом масштабе. Неравное распределение богатств и существование нищеты, наличие стран развитых и неразвитых, — все это требует установления некоего равновесия, а также поисков средств, дающих всем возможность справедливого развития. Именно об этом говорит энциклика Иоанна XXIII "Матер ет Магистра" ("Мать и наставница"), Пастырская конституция Второго Ватиканского Собора "Гоудим ет спес" ("Радость и надежда") и энциклика Павла VI "Популорум прогрессио" ("Прогресс народов").

Так что направление, в котором развивается учение и дея-

тельность Церкви в области "социального вопроса", в полной мере соответствует действительному положению вещей. Раньше в центр "социального вопроса" ставили, главным образом, проблему "классов". Теперь же на первый план выдвигается проблема всего "мира". Следовательно, ныне неравенство и несправедливость рассматриваются не только с точки зрения того или другого класса, но и с общемировой точки зрения; из этого вытекает, что задания, которые необходимо выполнить, чтобы приблизиться к установлению справедливости в современном мире, должны ставиться не только в классовом, но и в общемировом масштабе. Всесторонний анализ положения современного мира еще глубже, еще полнее выявляет все значение анализа социальной несправедливости, проделанного в предшествующую эпоху. И сегодня каждый, кто не закрывает глаза на несправедливость социального устройства, а, наоборот, подвергает эту несправедливость критическому рассмотрению, стараясь преобразовать общество в общемировом масштабе, должен использовать этот анализ в своем стремлении установить справедливость на земле.

3. "Рабочий вопрос" — ключ к "социальному вопросу"

При изучении объективной социальной реальности или же учения Церкви в области социального вопроса, взятого во всей его цельности и многогранности, очень часто естественным образом сталкиваешься с проблемой человеческого труда. В известном смысле, проблема человеческого труда — одна из постоянных составляющих как социального учения Церкви, так и самой социальной жизни. Следует сказать, что Церковь в своем социальном учении обратила внимание на проблему человеческого труда еще задолго до начала нынешнего века. Действительно, источник социального учения Церкви содержится в Священном Писании начиная с Книги Бытия, и особенно в Евангелиях и в писаниях апостольских. От начала это учение было составной частью общего учения Церкви, ее учения о человеке и о социальной жизни, и прежде всего — учения о социальной морали, разрабатываемого согласно нуждам той или иной эпохи. Затем это традиционное достояние, по наследству передаваемое из эпохи в эпоху, было развито в учении Пап о современном "социальном вопросе". (Начало этому положила энциклика "Рерум

Новарум".) В общем контексте "социального вопроса" углубление в проблему человеческого труда совершалось соответственно злобе дня, но при постоянном сохранении христианских основ той истины о человеке, которую мы по праву называем непреходящей. Если в данной энциклике мы вновь вернулись к этой проблеме — к тому же не притязая на охват всех связанных с нею тем, — то не только для того, чтобы собрать и повторить все уже содержащееся в учении Церкви, а скорее ради того, чтобы выявить, и теперь, быть может, более отчетливо, чем раньше, ту истину, согласно которой человеческий труд есть ключ — и, пожалуй, основной — ко всему "социальному вопросу", — конечно, если мы постараемся рассмотреть "социальный вопрос" действительно с точки зрения человеческого блага. Решение или, вернее, постепенное продвижение к решению постоянно стоящего перед нами и все более усложняющегося "социального вопроса" должно сопрягаться со стараниями "сделать человеческую жизнь более человеческой". Ибо только при таком условии человеческий труд — ключ к "социальному вопросу" — приобретет значение основополагающее и решающее.

Труд и человек

4. Книга Бытия

Церковь убеждена, что труд составляет одну из основных сторон человеческого земного бытия. И Церковь непоколебима в этом, ибо она усваивает общее богатство разных наук о человеке — таких как антропология, палеонтология, история, социология, психология и т. д., а все эти науки, как мы полагаем, неоспоримо свидетельствуют об этой реальности. Однако Церковь почерпает это убеждение прежде всего из того источника, каким является для нее открывшееся человеку Слово Божие. Потому-то убеждение ума становится одновременно и убеждением веры. Суть в том, что Церковь — и я спешу сразу же подчеркнуть это — верит в человека: Церковь заботится о человеке, обращается к нему, прежде всего опираясь на данное по Откровению Слово Бога Живого, а не только на исторический опыт или на многообразные методы научного исследования. Обращаясь к человеку, Церковь старается раскрыть перед ним вечный замысел и трансцендентное предназначение, какое Бог Живой, Творец и Искупитель, уготовал ему.

Убеждение, что труд составляет одну из основных сторон человеческого земного бытия, Церковь почерпает уже на первых страницах Книги Бытия. Рассмотрение Книги Бытия показывает, что в ней — пусть иногда в архаичных формах — уже в самом контексте тайны Творения выражены основные истины о человеке. От начала эти истины определяют само существование человека и одновременно устанавливают главное условие его земного существования — как в состоянии первобытной праведности, так и после вызванного грехом разрыва первобытного союза Творца с творением, явленным в человеке. Сотворенный "по образу Божьему... мужчиной и женщиной", человек услышал слова "плодитесь, и размножайтесь, и наполняйте землю, и обладайте ею". И даже если эти слова прямым и явным образом не относятся к работе, в них, несомненно, имеется, пусть и не прямой, намек на работу как на некое делание, творимое в мире. Более того, эти слова вскрывают наиболее глубокую сущность труда. Человек есть образ Божий в силу полученного от своего Создателя повеления господствовать, обладать землей. Исполняя это повеление, человек, любой человек как бы продолжает делание Самого Творца Вселенной.

Труд, понимаемый как некая "переходная" деятельность — переходная в том смысле, что, исходя от человека как от субъекта, она обращается (переходит) к объекту, по отношению к человеку внешнему, — предполагает особое господство человека над "землей". Но труд также утверждает и развивает это господство. Ясно, что под "землей", о которой говорится в библейском тексте, прежде всего следует понимать ту часть видимой вселенной, где обитает человек. Но расширяя понятие "земля", можно включить в него и весь тот видимый мир, на который человек способен оказать свое влияние. Это влияние на мир видимый человек осуществляет именно тогда, когда стремится удовлетворить свои собственные потребности. Речение "господствуйте над землей" обладает неизмеримым смысловым объемом. Оно указывает на все богатства, скрывающиеся в недрах земли (и косвенно — во всей видимой вселенной). Эти богатства могут быть раскрыты в результате разумной деятельности человека и использованы по его усмотрению. Таким образом, эти содержащиеся в самом начале Библии слова никогда не перестают быть злословными. В равной мере они применимы как ко всем

прошлым эпохам, когда существовали иные цивилизации и экономические системы, так и ко всей в целом современной действительности, и ко всем грядущим фазам развития, которые уже сейчас можно в известной мере предвидеть, хотя все же, по большей части, они остаются скрытыми и почти не познанными человеком.

Случается, что говоря о периодах "ускорения темпа" экономической жизни и развития цивилизации — в масштабах всего человечества или какого-нибудь одного народа, — это "ускорение", эту акселерацию едва ли не отождествляют с научным и техническим прогрессом, а особенно — с открытиями, оказавшими решающее воздействие на современную социально-экономическую жизнь. И все же можно сказать, что ни одна из таких "акселераций" по своему содержанию и значению не превосходит того, что было выражено в древнем библейском речении "господствуйте над землей". Благодаря работе человек все более становится хозяином над землей и посредством работы же все более утверждает свое господство над миром видимым. И в каждом случае и на каждой ступени этого процесса человек остается на линии первоначального замысла Творца. И по необходимости этот замысел неразрывно связан с той истиной, что человек — мужчина и женщина — сотворен был по "образу Божьему". Это растущее "господство человека над землей" всеобъемлюще, оно охватывает всех людей, каждое поколение, каждую фазу культурного и экономического развития, и в то же время этот процесс воплощается в каждом человеке, в каждом разумном человеческом существе. Все и каждый причастны к этому процессу. Все человечество и каждый человек по мере своих сил и соответственно раскрывающимся перед ним неисчислимым возможностям принимает участие в этом гигантском процессе "покорения человеком земли", покорения, осуществляемого посредством труда.

5. Работа в объективном смысле: техника

Делание, посредством которого человек подчиняет землю, всеобъемлюще и многообразно. И это хорошо проясняет самый смысл человеческого труда, ибо владычествование человека над землей осуществляется в работе и посредством работы. Таким образом выявляется объективный смысл работы, всякий раз находящий свое выражение

соответственно условиям той или иной эпохи, культуры и цивилизации. Господство человека над землей начинается уже с приручения животных; человек разводит животных, употребляет их в пищу, получает от них естественное сырье, из которого изготавливает необходимую одежду. Человек начинает господствовать над землей, добывая земные и морские естественные богатства. Но господство человека над землей становится еще большим, когда он начинает возделывать землю и затем обрабатывать полученные продукты соответственно своим нуждам. Таким образом, сельское хозяйство есть первичный этап экономической деятельности человека; благодаря человеческому труду возделывание земли становится необходимейшим условием производства. Постоянная же задача промышленности заключается в переработке посредством человеческого труда — как физического, так и умственного — земных богатств, естественных природных богатств, сельскохозяйственной продукции, продукции горнопромышленной и химической. Все, что сказано о человеческом труде, в некотором смысле справедливо также и в отношении так называемой сферы обслуживания, и в отношении исследовательской деятельности — как в области "чистой" науки, так и в прикладных областях. Сегодня в промышленности и в сельском хозяйстве человеческая работа во многих случаях перестала быть прежде всего ручной, так как утомительная работа рук и мускулов облегчена благодаря применению все более усовершенствующихся машин и механизмов. На наших глазах в промышленности и в сельском хозяйстве произошли изменения, которые стали возможными благодаря постепенному и непрерывному развитию науки и техники. Все это в целом исторически стало причиной важнейших изменений в развитии нашей цивилизации, изменений, которые начались с "индустриальной эры" и продолжались вплоть до последующих фаз развития, ставших возможными благодаря возникновению новой техники, как, например, электроника или появившаяся в последние годы микропроцессорная техника.

Может показаться, что в промышленном процессе "работает" именно машина, тогда как человеку отводится роль "надзирателя", обеспечивающего рабочий ход машины, технически обслуживающего ее. Но верно также и то, что именно поэтому промышленное развитие вызвало к жизни новый под-

ход к проблеме человеческого труда. Начальный этап промышленного развития, породивший "рабочий вопрос", а затем индустриальные и постиндустриальные изменения со всей ясностью доказали, что даже в эпоху все более возрастающей механизации подлинным "субъектом" труда остается человек. Развитие промышленности и смежных с ней секторов, включая самую современную электронную технологию, особенно в области миниатюризации, информатики, телематики и т. д., выявляет ту поистине исключительную роль, которую техника — союзница труда, детище человеческой мысли — играет во взаимоотноении субъекта и объекта труда.

Несомненно, техника — союзница трудящегося человека, но лишь в том случае, если она рассматривается как следствие присущей человеку способности (или внутренней предрасположенности) к труду, как простой набор рабочих инструментов, которыми человек пользуется, выполняя свою работу. Техника облегчает человеческий труд, совершенствует и убыстряет его, расширяет его возможности. Она способствует повышению продуктивности труда, а также во многих случаях повышает качество продукции. С другой стороны, бесспорно, что в некоторых случаях эта союзница способна превратиться чуть ли не в соперницу человека, например, когда механизация труда начинает "вытеснять" работника, лишает его всякого личного удовлетворения, всякой творческой инициативы и ответственности, или, например, когда из-за нее труженики начинают терять свои рабочие места, или когда из-за преклонения перед машиной человек становится ее рабом.

Если же от начала обращенное к человеку библейское речение "обладайте землей" рассматривается с учетом всех особенностей современной эпохи — индустриальной и постиндустриальной, — то, несомненно, это речение указывает также и на технику, мир механизации и мир машины; техника есть плод работы человеческого ума, знак утверждающегося в ходе истории господства человека над природой.

Новейшая история человечества, и особенно история развития некоторых стран, свидетельствует о том, что техника есть основной элемент экономического прогресса. Но в то же время действительность породила и продолжает непрестанно порождать существеннейшие проблемы, касающиеся взаимоотноений человеческого труда с его субъектом, с

человеком. Все это связано с особой совокупностью проблем и противоречий этического и даже этико-социального характера. Именно поэтому они являют собой как бы некий вызов, постоянно обращенный к различным учреждениям, государствам и правительствам, к разным политическим системам, международным организациям, а также и к самой Церкви.

6. Труд в субъективном смысле: человек как причина (субъект) работы

Для того чтобы продолжить наш анализ проблемы труда — анализ, основанный на библейском речении, согласно которому человек должен "обладать" землей, — нам необходимо теперь сосредоточиться на работе в смысле причинном (субъективном), и этому мы должны уделить куда больше места и внимания. Рассматривая объективный смысл труда, мы лишь слегка коснулись этой сложной проблемы, поскольку она во всех подробностях отлично известна специалистам — представителям разных наук, а также и самим людям мира труда — каждому человеку, работающему в своей области. Речение Книги Бытия, на которое мы опираемся в нашем анализе, не прямо указывает на объективный смысл труда, а косвенно, и точно таким же образом это речение говорит о причине (субъекте) труда. Тем не менее эти слова очень красноречивы и имеют большое значение.

Человек должен обладать землей, он должен покорять ее, ибо он "образ Бога", следовательно личность, а значит — причина, субъект, субъект, способный планомерно и разумно действовать, самостоятельно решать, — субъект, стремящийся реализовать себя. Именно будучи личностью, человек становится субъектом, причиной труда. Человек работает, выполняет различные действия, относящиеся к процессу труда, именно потому что он, человек, — личность. И независимо от объективного содержания этих действий все они должны помогать человеку реализовать его человеческую природу и присущее ему в силу его человеческой природы призвание: стать личностью. Об основных аспектах этой темы не так давно напомнил Второй Ватиканский Собор в Конституции "Радость и надежда", особенно в первой ее главе, посвященной призванию человека.

Таким образом, "господство", о котором говорится в библейском тексте и о котором мы здесь помышляем, отно-

сится не только к объективной стороне работы; понятие "господства" также раскрывает перед нами и ее субъективную сторону. Работа как процесс, посредством которого человек, весь род человеческий, покоряет землю, соответствует основному библейскому понятию лишь при условии, что благодаря этому процессу человек выявляется и одновременно утверждается как тот, кто "господствует". В определенном смысле такое "господство" в большей степени относится к субъективной, нежели к объективной стороне труда. Эта субъективная, причинная сторона обуславливает этическую природу работы. Действительно, нет никаких сомнений в том, что человеческий труд обладает этической ценностью, которая в любом случае непосредственно и прямо вытекает из той истины, что тот, кто выполняет работу, есть личность, субъект сознательный и свободный, т. е. субъект, который решает сам.

В определенном смысле, эта истина, составляющая основную и неизменную суть христианского учения о человеческом труде, на протяжении целых эпох имела и продолжает иметь еще и сегодня фундаментальное значение для постановки важнейших социальных проблем.

В античную эпоху люди делились по группам в зависимости от рода выполняемой ими работы. Работа, требующая физических усилий, работа мускулов и рук считалась недостойной свободного человека и, следовательно, была уделом рабов. Христианство и здесь вызвало фундаментальное изменение представления о самой сущности труда. И христианству это удалось именно потому, что оно исходило из всей целокупности евангельского благовестия, и прежде всего из той истины, что Тот, Кто будучи Богом, стал во всем подобен нам и посвятил большую часть Своей жизни работе за столлярным верстаком, т. е. физическому труду. И уже одно это обстоятельство являет нам прекраснейшее "евангелие труда". Из этого вытекает, что основное условие, позволяющее установить ценность человеческого труда, определяется не характером выполняемой работы, но прежде всего тем фактом, что тот, кто выполняет работу, — есть личность. Корень достоинства труда необходимо искать не в его объективной стороне, но прежде всего в субъективной.

При таком подходе практически исчезает сама основа зародившегося в античности деления людей по группам

соответственно роду выполняемой ими работы. Это совсем не означает, что мы не можем и не должны тем или иным образом оценивать человеческий труд с объективной точки зрения. Это означает лишь, что первичный элемент, определяющий ценность работы, ее причина, или субъект, и есть сам человек. Из этого непосредственно вытекает следующий чрезвычайно важный — этический по своему характеру — вывод: хотя и верно, что человек предназначен для работы и призван к работе, все же, прежде всего, работа "для человека", а не человек "для работы". Благодаря этому выводу со всей очевидностью раскрывается преобладающее значение субъективной, причинной стороны труда, сравнительно с объективной, предметной его стороной.

Безусловно, разные исполняемые человеком работы могут обладать большей или меньшей объективной ценностью. Но все же, основываясь на только что сделанном выводе, мы стремимся прояснить ту истину, согласно которой всякая работа прежде всего должна оцениваться соответственно достоинству самой причины, субъекта работы, т. е. соответственно достоинству личности, человека, исполняющего работу.

С другой стороны, какой бы ни была работа, выполняемая человеком, даже если она образует собой некую цель его деятельности — нередко поглощающую все его внимание, — сама по себе эта цель не обладает решающим значением. В конечном счете, целью всякой работы, даже самой скромной и незначительной, самой, с точки зрения общепринятых оценочных категорий, монотонной и однообразной, самой низкооплачиваемой и даже презираемой обществом, — целью всякой исполняемой человеком работы всегда остается сам человек.

7. Угроза, нависшая над истинной иерархией ценностей

Эти существеннейшие истины о труде являются неизбежным следствием обладающей неизмеримым богатством христианской истины, и особенно "благой вести о труде"; эти истины составили основу нового образа мышления, суждений и действия человека. В современную эпоху, с самого начала эры индустриализации, христианская истина о труде противопоставила себя различным течениям материалистической и "экономической" мысли.

Некоторые представители материалистической и "экономической" мысли понимали и рассматривали труд как своего рода "товар", который трудящийся — особенно индустриальный рабочий — продает работодателю, владеющему капиталом, т. е. совокупностью рабочих инструментов и средств, необходимых для выпуска продукции. Такое понимание работы было наиболее распространено, быть может, в первой половине девятнадцатого века. С течением времени такого рода прямолинейная трактовка работы почти полностью исчезла, уступив место более гуманному пониманию работы, более гуманной ее оценке.

Взаимодействие между рабочим и совокупностью инструментов и средств производства привело к развитию различных форм капитализма и, параллельно этому, различных форм коллективизма. В эти формы вошли и другие социально-экономические элементы, образовавшиеся в результате возникновения новых конкретных обстоятельств социальной жизни, деятельности рабочих объединений, деятельности государственного аппарата и возникновения огромных международных предприятий. Несмотря на это искушение рассматривать работу как некий "товар *sui generis*" или как некую безличную силу, необходимую для производства (говорят даже "сила-работа"), постоянно существует, поскольку подход к экономическим проблемам еще до сих пор основан на принципах материалистического "экономизма".

Неизменной причиной и даже, в известном смысле, побуждающим фактором такого образа мышления и суждения служит все ускоряющийся процесс развития сугубо материалистической цивилизации, в которой преобладающее значение придается объективной, предметной стороне работы, в то время как ее субъективная, причинная сторона — все, что прямо или косвенно связано с самой причиной, субъектом работы — отодвигается на второй план.

Каждый случай такого рода, каждая подобная социальная ситуация вызывает нарушение или даже извращение порядка, от начала установленного словами Книги Бытия, ибо к человеку относятся как к орудию производства, тогда как он, человек, и лишь он один, независимо от того, какую работу он выполняет, должен рассматриваться как порождающая причина, действенный субъект работы, ее подлинный "рукомесленник" и творец. Именно такое извращение установленного

Богом порядка — независимо от программ и названий, какими прикрывали проявления этого извращения, — можно было бы назвать "капитализмом". Подробнее об этом будет сказано ниже.

В то же время известно, что капитализм исторически четко выявился как система, система социально-экономическая, противостоящая "социализму" и "коммунизму". Но если мы примем во внимание анализ основных факторов всего экономического процесса, и прежде всего факторов, определяющих структуру производства — т. е. всего того, что и есть труд, — то мы неизбежно придем к выводу, что ошибка капитализма раннего периода повторяется всюду, где к человеку относятся не в соответствии с истинным достоинством его труда, а в каком-то смысле, как к совокупности материальных средств производства, как к некоему орудью, т. е. не как к причине, субъекту, автору, а значит, не как к подлинной цели всего производственного процесса.

А раз так, то понятно, что анализ человеческого труда, проведенный в свете библейских слов, говорящих о "господстве" человека над землей, охватывает самый центр этико-социальной проблематики. Это библейское представление должно было бы занимать центральное место даже в сфере социально-экономической политики — как в масштабе отдельной страны, так и в плане более широком, т. е. в плане международных и межконтинентальных отношений. При этом следует обратить особое внимание на те проявления мировой напряженности, которые заметны не только на оси Восток-Запад, но также и на оси Север-Юг. Папа Иоанн XXIII в своей энциклике "Мать и наставница", а затем Папа Павел VI в своей энциклике "Прогресс народов" уделили большое внимание этим сторонам современных этических и социальных проблем.

8. Солидарность трудящихся

Мы рассматриваем человеческий труд в его основном измерении, т. е. со стороны субъекта — личности, исполняющей работу. Поэтому необходимо теперь под этим углом зрения сделать краткий обзор тех изменений, что произошли в мире на протяжении девяноста лет, протекших со дня опубликования энциклики "Рерум Новарум". Действительно, в то время как причина работы, ее субъект — т. е. человек — остается неизменной, объективная сторона труда претерпе-

вает значительные изменения. И хотя можно утверждать, что труд по своей природе един и неповторим, поскольку его причина, или субъект — человек, все же анализ объективных условий труда приводит к выводу, что существует множество работ, бесчисленное разнообразие трудовой деятельности. Человеческая цивилизация, развиваясь, постоянно обогащается в этой области. Вместе с тем следует отметить, что в ходе развития человеческой цивилизации возникают новые формы труда, тогда как другие исчезают. Соглашаясь с тем, что, в общем, это вполне нормальное явление, все же необходимо установить, не нарушают ли ход этого процесса те или иные, порой достаточно серьезные, сбои, могущие стать опасными с точки зрения социально-этической.

И действительно, именно из-за существования таких чреватых тяжелыми последствиями сбоев в прошлом веке возник так называемый "рабочий вопрос", зачастую определяемый как "пролетарский вопрос". Этот вопрос — как и другие связанные с ним проблемы — вызвал к жизни совершенно правильную по своей сути социальную реакцию. Этот вопрос породил засверкавший, подобно молнии, великий подъем солидарности рабочих, и прежде всего промышленных рабочих. Брошенный людям труда призыв к солидарности и к общему действию обладал с точки зрения социальной этики ценностью, большим значением и силой убеждения, особенно там, где в индустриальных комплексах царил конвейерный, однообразный, обезличивающий труд, труд, при котором машина начинала господствовать над человеком.

Это была реакция, направленная против деградации человека как причины, субъекта труда и против неслыханной эксплуатации трудящихся во всем, что касается прибыли, условий труда и социального страхования рабочего человека. Эта реакция сплотила рабочий мир в единое целое, характеризующееся подлинной солидарностью.

Подобно энциклике "Рерум Новарум" и многим другим последующим учительным документам Церкви, следует без всяких обиняков сказать, что с точки зрения социальной морали реакция, направленная против несправедливой, причиняющей ущерб человеку и вопиющей к небу об отмене системы, тяжким грузом лежащей на рабочих, была оправданной в период стремительной индустриализации.

Такому положению вещей благоприятствовала либеральная социально-политическая система, которая в соответствии со своими экономическими принципами усиливала и обеспечивала экономическую инициативу исключительно держателей капитала и недостаточно заботилась о правах трудящихся, т. к. полагала, что человеческий труд — лишь орудие производства, а капитал — основа, условие и цель всего производственного процесса.

С тех пор солидарность трудящихся и одновременно более ясное и определенное осознание всеми людьми сущности прав трудящихся во многих случаях вызвали глубокие изменения: были разработаны разные новые социально-экономические системы, развились разные формы неокapи-тализма и коллективизма, нередко трудящиеся могут, причем весьма эффективно, участвовать в управлении производством и контролировать продуктивность предприятий. Посредством соответствующих объединений трудящиеся могут изменять условия труда и объем заработной платы. Они могут также оказывать влияние и на социальное законодательство. В то же время различные основанные на той или иной идеологии или власти системы, как и новые социальные факторы, на разных уровнях определяющие ход развития социальной жизни, не только не убрали до сих пор существующие явные несправедливости, но породили новые. Повсеместное развитие технической цивилизации и средств сообщения позволило сделать более полный в общемировом плане анализ условий жизни и работы человека.

Этот анализ также выявил новые формы несправедливости, куда более распространенные в мире, чем те, что в прошлом веке породили союз трудящихся, целью которого было достижение особой сплоченности всех людей, принадлежащих к миру труда. Возникновение новых форм несправедливости можно наблюдать в странах, уже сделавших определенные шаги на пути промышленной революции; и то же самое можно наблюдать в странах, где основным поприщем трудовой деятельности продолжает оставаться земледелие и другие работы подобного типа.

Движения солидарности в области труда — а они ни в коем случае не должны быть закрыты для диалога и сотрудничества с другими движениями — могут оказаться необходимыми даже для тех социальных групп, которые раньше не

участвовали в этих движениях. Ныне же из-за изменения социальных систем и условий жизни они подвергаются настоящей "пролетаризации" или даже фактически уже находятся в положении "пролетариата", т. е. в положении, которое, хотя еще и не определяется таким образом, но по существу является таковым. В подобном положении могут оказаться те или иные категории или группы производственно-промышленной "интеллигенции", тем более что доступ к образованию становится все более широким, а число людей, обладающих дипломами, свидетельствующими о высшем образовании, все более возрастает, в то время как спрос на их труд уменьшается. Такого рода безработица возникает и усиливается из-за того, что доступное каждому образование не ориентируется на те работы и службы, в которых общество испытывает подлинную нужду, а также из-за того, что требующая образования, по крайней мере профессионального, работа пользуется меньшим спросом или оплачивается хуже, чем ручной труд.

Очевидно, что само по себе образование с точки зрения человеческой личности составляет неизменную ценность, по-настоящему обогащает человека. Тем не менее вторжение разного рода "пролетаризации" возможно и в области образования.

Так что необходимо продолжить наше размышление о субъекте, причине труда и об условиях его существования. Дабы осуществилась социальная справедливость в разных частях мира, в разных странах, а также и в области их взаимных отношений, должны постоянно возникать новые движения солидарности трудящихся и движения солидарности с трудящимися. Такая солидарность должна постоянно существовать там, где происходит социальная деградация субъекта работы, эксплуатация трудящихся, и там, где возрастает нищета и даже голод.

Церковь по-настоящему принимает участие в установлении социальной справедливости, и в этом она видит свое посланничество, свое служение, доказательство своей верности Христу, ибо только так она может стать поистине "Церковью бедных". В слово "бедные" Церковь вкладывает самое разнообразное значение: бедных можно найти в разных местах и в разное время. И во многих случаях бедные появляются вследствие насилия над достоинством человеческого труда: либо из-за уменьшения рабочих мест (бич безра-

ботицы!), либо из-за пренебрежения самой ценностью труда и правами с ним связанными, особенно правом на справедливую оплату труда, на социальное обеспечение рабочего и его семьи.

9. Труд и достоинство личности

Продолжая рассматривать человека как причину, или субъект труда, следует, по крайней мере в общих чертах, коснуться некоторых факторов, более непосредственно определяющих достоинство человеческого труда, так как с их помощью можно полнее охарактеризовать его специфическую моральную ценность. При этом следует постоянно помнить о библейском призыве "господствовать над землей", призыве, в котором выразилась воля Самого Творца, пожелавшего, дабы работа помогала человеку достичь этого "господства", которое есть удел человека в мире видимом. Первоначальный и основной замысел Бога относительно "сотворенного по Его образу и подобию человека" не был упразднен и не потерял своей силы после того, как человек нарушил первобытный союз-завет с Богом и услышал слова: "В поте лица своего будешь есть хлеб свой". Эти слова относятся к усталости, которая зачастую бывает столь тяжелой, к усталости, с тех пор сопровождающей труд человека. Тем не менее слова: "В поте лица своего будешь есть хлеб свой" ничего не меняют в той истине, что труд — это стезя, ведущая человека к осуществлению "господства" — его удела в мире видимом; к достижению же этого господства человек приходит через процесс "овладения" землей. Эта усталость знакома всем, ибо каждый человек испытал ее на себе. Усталость хорошо знакома всякому человеку, выполняющему физическую работу, зачастую в исключительно тяжелых условиях. Усталость хорошо знакома работникам сельского хозяйства, которые в продолжение долгих дней, надрываясь, в ущерб своему здоровью, возделывают землю, нередко "производящую тернии и волчцы". Усталость также хорошо знакома шахтерам, работающим в шахтах или в каменно-люмнях, сталелитейщикам, работающим в доменных печей, людям, работающим на строительных площадках и других стройках и часто рискующим стать инвалидами или даже потерять жизнь. Усталость в равной степени знакома людям умственного труда, людям науки; усталость хорошо знакома тем, кто выносит на своих плечах тяжкую ответственность тех

решений, что будут иметь самый широкий отзвук в социальном плане. Усталость хорошо знакома врачам и медсестрам, которые день и ночь проводят у постели больных. Усталость хорошо знакома женщинам, которые изо дня в день совершают утомительную домашнюю работу, несут ответственность за дом и за воспитание детей, в то время как общество и даже близкие им люди зачастую недооценивают всей тяжести, всей утомительности исполняемой ими работы. Да, усталость хорошо знакома им всем, всем труженикам; а раз труд есть поистине всеобъемлющее призвание, то можно даже сказать, что усталость хорошо знакома всем людям.

И все же, несмотря на эту усталость — а в определенном смысле, быть может, даже благодаря ей, — труд есть человеческое благо. И даже если оно есть, по выражению святого Фомы Аквинского, "тяжкое благо", все равно оно остается человеческим благом. Это благо не только "полезное" благо, которым можно "наслаждаться"; оно также и "достоинное" благо, ибо оно соответствует достоинству человека, выражает это достоинство и умножает его. И если мы хотим более точно определить этический смысл работы, то нам необходимо прежде всего помнить эту истину. Работа есть человеческое благо, она есть благо человеческой природы, ибо через работу человек не только преобразует земную природу, приспособлявая ее к своим нуждам, но, более того, посредством работы человек реализует себя самого как человека и даже, в определенном смысле, "становится более человеком".

Без этого невозможно понять, почему горение в труде можно рассматривать как добродетель, или, выражаясь более точно, без этого невозможно понять, почему горение в труде способно стать добродетелью; действительно, добродетель, определяемая как некое нравственное предрасположение, есть та сила, благодаря которой человек может стать благим именно как человек. Все это верно, и тем не менее мы должны постоянно заботиться о том, чтобы в процессе работы, как бы облагораживающей саму материю, не умалялось присущее человеку достоинство. Так же общеизвестно, что можно разными способами обращать труд против человека: можно наказывать человека посредством принудительных работ в концентрационных лагерях, можно превратить работу в средство подавления человека, наконец,

можно по-разному отнимать у человека, т. е. у труженика, плоды его труда. Все это доказывает моральную необходимость сопрягать горение в работе — рассматриваемое в качестве человеческой добродетели — с такой социальной организацией труда, при которой человек, трудясь и тратя свои физические силы (что до известной степени, конечно, неизбежно), не деградировал бы, а "становился бы более человеком", и, самое главное, не терял бы присущее ему достоинство и неповторимость личности.

10. Труд и общество

После рассмотрения личного аспекта человеческого труда, следует обратиться ко второй совокупности ценностей, по необходимости с ним связанной. Труд есть основание семейной жизни, которую человек строит, к которой он призван и на которую имеет естественное право. Обе совокупности ценностей — одна, основанная на труде, и другая, так сказать вытекающая из семейного характера человеческой жизни, — должны сопрягаться и правильно воздействовать друг на друга. В определенном смысле, труд является тем условием, благодаря которому можно основать семью, ибо для семьи необходимы средства существования, как правило, получаемые посредством труда.

Работа и горение в труде также суть необходимые условия для правильного воспитания детей в семье, и это именно потому, что каждый "становится человеком" помимо всего прочего и через работу, — ведь главная цель воспитательного процесса заключается в том, чтобы человек стал человеком. Именно здесь, в определенном смысле, начинают сказываться оба аспекта труда: с одной стороны, необходимость обеспечить жизнь и источник существования семьи, а с другой, необходимость решать задачи, стоящие перед семьей, прежде всего задачу воспитания детей. Кроме того, следует отметить, что оба аспекта труда взаимосвязаны и по-разному дополняют друг друга.

Одним словом, необходимо не только помнить, но и постоянно подчеркивать, что семья образует собой один из тех наиболее важных факторов, на основе которых должен быть создан социальный и этический порядок человеческого труда.

В своем учении Церковь постоянно отводит особое место этой проблеме, и в данном документе нам придется еще раз

вернуться к ней. Ибо, с одной стороны, семья как община возможна именно благодаря труду, а с другой стороны, именно внутри семьи каждый человек проходит начальную школу труда.

Третья совокупность ценностей, которую мы рассмотрим теперь все с той же точки зрения — с точки зрения причины-субъекта труда, — связана с тем великим обществом, к которому в силу особых культурных и исторических обстоятельств принадлежит человек. И даже если это общество еще не сформировалось окончательно как народ, оно, тем не менее, хотя бы и косвенно, является великим "воспитателем" каждого человека (ибо каждый воспринимает в своей семье те элементы и те ценности, совокупность которых и образует культуру данного народа).

Это общество есть также великое историческое и социальное воплощение труда всех поколений. Из всего этого вытекает, что человек осознает свое наиболее глубинное "Я" через принадлежность к своему народу, а также что свой труд он начинает рассматривать как некое средство, благодаря которому умножается общее благо, создаваемое им вместе со своими соотечественниками; и через это он постигает, что, работая на благо своего общества, он тем самым участвует в умножении достояния всей человеческой семьи, каждого человека, живущего в мире.

Для субъективной, причинной стороны человеческого труда эти три совокупности ценностей сохраняют непреходящее значение. И эта сторона — т. е. та конкретная реальность, какой и является человек работающий, — преобладает над объективной, предметной стороной труда.

Посредством субъективной стороны труда осуществляется прежде всего то "господство" над миром, над природой, к которому, согласно речению Книги Бытия, от начала призван человек. Процесс покорения земли, иными словами труд, связанный с развитием техники, на протяжении истории, а особенно в последние столетия, сопровождается безграничным развитием средств производства. Это явление само по себе благоприятно и положительно, но лишь при одном условии: объективная, предметная сторона труда не должна преобладать над субъективной, причинной его стороной, так как из-за этого умалется или даже уничтожается человеческое достоинство и неотъемлемые человеческие права.

РАБОЧИЕ ВОЛНЕНИЯ В СССР В НАЧАЛЕ 60-Х ГОДОВ*

Второго июня исполнилось 20 лет со дня жестокого подавления рабочей демонстрации и забастовки в Новочеркасске в 1962 г. Эти рабочие выступления были апогеем целой серии рабочих волнений, прокатившихся по стране в начале 60-х годов. Сейчас, когда мы стали свидетелями исторических польских событий, полезно вспомнить и о волне рабочих выступлений в СССР. Выступлений, столь трагически закончившихся как в отношении человеческих жертв, так и в отношении безвестности и безрезультатности. Волна рабочих выступлений того времени не только не получила поддержки со стороны интеллигенции, но даже и не была ею замечена. В своей совокупности, как волна, "революта", кризис, она остается неосознанной и по сей день.

★

Подробности событий, о которых пойдет речь, известны мне либо по рассказам очевидцев, либо по пересказам, поэтому за полную достоверность всех деталей я, разумеется, не могу ручаться.

Об отдельных забастовках на заводах слухи стали распространяться уже в конце 50-х годов, но с 60-го по 62-ой годы по стране, по ряду городов прокатилась волна особенно серьезных рабочих выступлений, принимавших порой характер восстаний, которые подавлялись властями с безоглядной жестокостью. Мне известно, что подобные волнения имели место в этот период в 14-ти городах: Александрове, Муроме, Нижнем Тагиле, Новочеркасске, Темир-Тау, Одессе, Днепродзержинске, Лубнах, Куйбышеве, Кемерово, Кривом Роге, Грозном, Донецке, Ярославле и возможно еще в ряде других мест.

Необходимо отметить, что в тот момент в стране не было, казалось бы, каких-то особых причин для возникновения

---

*Опубликована: "Сучасність", окт. 78 г.; "Панорама" ("Panorama"), Италия, 1. 5. 79; "Критик" ("Critique"), Англия, № 10-11, 79; "Альтернатива" ("L'Alternative"), Франция, № 3, 80. Публикуется дополненный и переработанный вариант.

волны рабочих выступлений. Правда, летом 62-го года были резко, вдвое повышены цены на мясо и мясные продукты, что и послужило одной из причин выступлений рабочих в Новочеркасске, но большая часть волнений в других местах происходила до этого момента. Свои соображения о причинах возникновения рабочих волнений в тот период я выскажу позже. Сейчас же перейду к рассказу о том, что мне известно об этих событиях.

ТЕМИР-ТАУ (Казахстан)

В этом городе осенью 59-го произошло, видимо, первое серьезное выступление рабочих.

По слухам, восстание началось 3 октября в палаточном лагере, где жило около трех тысяч молодых рабочих, занятых на строительстве. Эта молодежь, прибывшая сюда главным образом с Украины и Белоруссии, была недовольна чрезвычайно плохими жилищными условиями и низкой заработной платой, которая была к тому же гораздо ниже зарплаты рабочих, привезенных в Темир-Тау из Болгарии, Польши и Румынии.

Рассказывают, что группа из 50-ти, приблизительно, человек подожгла помещение столовой в знак протеста против плохой пищи. Затем эти рабочие отправились в Восток (новый район Темир-Тау), где захватили на базаре съестные продукты. Когда милиция попыталась остановить их, рабочие послали в лагерь за подкреплением, а сами соорудили баррикады и стали бросать в милиционеров камнями.

Более полутора тысяч рабочих из лагеря присоединились к стоящим на баррикадах.

На следующий день из Караганды было прислано несколько грузовиков с солдатами регулярных частей. Но рабочие захватили машины и отобрали у солдат оружие, так как солдаты не решились пустить его в ход.

После этого происшествия власти поняли, что восстание принимает серьезный оборот, и стали перебрасывать в Темир-Тау крупные войсковые подразделения.

Местные власти послали к рабочим группу партийных активистов города, которые пытались вступить с ними в переговоры, взывая к их "коммунистической сознательности", но успеха не имели. Армейским частям был отдан приказ начать наступление. В бою было убито, по слухам, свыше сотни

рабочих. Остальные участники волнений и даже многие просто наблюдавшие со стороны люди были погружены в грузовые машины и увезены в неизвестном направлении.

АЛЕКСАНДРОВ (Владимирская область, РСФСР)

О событиях в Александрове, имевших место летом 61-го года, я слышал от многих людей, в том числе и от одного моего близкого знакомого, находившегося во время волнений в городе. Его рассказ я беру за основу. В главных пунктах он совпадает с другими версиями.

События в Александрове начались с того, что в милиции умер рабочий одного из заводов города. (Название завода я, к сожалению, не запомнил). Он был задержан, якобы, за пьяное хулиганство и умер, как сообщила милиция, от инфаркта. Но по городу поползли слухи, что рабочий скончался от побоев. В маленьком городе люди хорошо знают друг друга и часто связаны родственными узами с местной милицией. Здесь необходимо отметить, что жестокое избиение людей в милиции с тяжелыми, порой смертельными, исходами было и раньше широко распространено, однако, это не приводило к серьезным возмущениям.

В данном же случае произошло иначе. На заводе, где работал умерший в милиции рабочий, люди стали требовать от администрации расследования. Директор, сравнительно молодой человек, потребовал произвести эксгумацию трупа в присутствии врача завода. И ему каким-то образом удалось этого добиться. Выяснилось, что рабочий умер действительно от побоев. Директор завода потребовал привлечь виновных к уголовной ответственности. Милиция обратилась за защитой в Москву, к своему высшему руководству. Оттуда нажали, и местная прокуратура не дала санкции на расследование и привлечение виновных к ответственности.

Рабочие завода, где работал убитый, объявляют забастовку протеста и идут к городскому отделению милиции. К ним присоединяются рабочие и с ряда других предприятий города. У многих в руках плакаты с требованиями привлечь к суду убийц из милиции и положить конец произволу и беззаконию. Как потом выяснилось, плакаты эти были накануне сделаны заводским художником. (Ему положено заниматься оформлением так называемой наглядной агитации и пропаганды.)

Демонстранты подошли к зданию милиции и стали требовать начальство. Существует версия, что была выделена делегация рабочих для переговоров, и ее арестовали, когда она вошла в здание. По другой версии, "просто" из окон милиции раздались выстрелы, или кто-то сначала бросил камень в окно. Толпа штурмовала здание милиции. Милиционеры бежали. Здание было разгромлено и подожжено.

Толпа рабочих и жителей двинулась к тюрьме, за стенами которой укрылись милиционеры и руководящие партийные кадры города. Подойдя к тюрьме, стали требовать переговоров с руководителями и освобождения арестованных рабочих, кидали камни через стену. Но открылись ворота тюрьмы и пропустили солдат с автоматами. Последовал приказ толпе разойтись. Затем — предупредительный залп в воздух. Толпа качнулась назад, потом обратно — на солдат. Солдаты не стреляли и перемешались с демонстрантами. Солдат не трогали, их агитировали, объясняли им в чем дело. Раздались звуки трубы, и солдаты стали выбираться из толпы, к воротам. Ворота открылись вновь — солдаты ушли.

Через некоторое время солдат снова вывели из ворот тюрьмы, и на этот раз было объявлено, что огонь будет открыт по толпе, если люди не начнут расходиться. Толпа не расходилась. Последовал приказ стрелять, но солдаты вновь стреляли лишь в воздух, и вновь толпа смешала их строй. По призыву трубы они опять сгрудились у ворот и отступили внутрь. Больше солдат не выводили.

Рассказывали, что некоторые люди уже сами начали расходиться от тюрьмы, когда увидели, что к площади подходят части других солдат, сплошь из "нацменов", только офицеры — русские. Солдаты из Дивизии Особого Назначения, сокращенно: ДОН, которых впоследствии в народе хлестко окрестили ДОНскими казаками!

И эти открыли огонь по людям! Началась паника, давка и гибель людей под пулями и под ногами толпы.

Мой знакомый, который в это время гостил в городе у своих родственников (он жил и работал в Москве), услышав выстрелы и крики, выскочил из дома и увидел, что по улице бегут люди, а за ними — милиционеры, на бегу стреляя из пистолетов. Озверевшие, вырвались они из тюрьмы, когда толпа побежала под очередями "ДОНских казаков".

Мой знакомый рассказывал: на его глазах молодой

парень, почти мальчишка, бросился от милиционеров через забор, но на самом верху забора один из них срезал его выстрелом из пистолета. Парень свалился за забор, и милиционер этот выстрелил в него еще раз сквозь штакетник, в упор.

Город был несколько дней оцеплен войсками, по улицам ходили патрули, ночами производились аресты. Рассказывали, что демонстрантов фотографировали, и из милиции, и из тюрьмы, и потом брали всех, кого засняли и опознали. Говорили, что число погибших доходило до сотни. Родственникам не разрешили их хоронить. Некоторых арестованных выпустили, некоторые исчезли. Объявлено было о суде над тремя людьми, точнее о приговоре. Это были: директор завода, с которого все началось, врач и художник. Все трое были расстреляны!

ДНЕПРОДЗЕРЖИНСК (Украинская ССР)

Волнения в этом городе произошли летом 1962 года. Вот как они описаны в анонимном сообщении, циркулировавшем в Самиздате.

"Это произошло буквально через несколько дней после публикации Указа ПВС* УССР об усилении борьбы с пьянством (23-25.VI.62).

Был нерабочий день — суббота или воскресенье. После свадебного ужина в одном из домов подвыпившие гости и новобрачные вышли гулять на улицу, как это обычно принято в провинциальных городах. Через весьма короткий промежуток времени гулявшие были задержаны патрулем милиции и им было предложено пройти в отделение милиции. Не столько сам факт задержания, сколько грубость милиционеров вызвали возмущение прохожих и задержанных. Они плотным кольцом окружили милиционеров и требовали отпустить людей. Милиции пришлось срочно вызвать специальный автомобиль. Скандал разрастался. Четверо из задержанных сами согласились войти в автомобиль, поскольку многие из прохожих вызвались следовать за машиной с тем, чтобы на месте, в отделении милиции свидетельствовать в пользу задержанных.

---

*Президиум Верховного Совета Украинской ССР (В. Б.).

Приблизительно на середине пути милицейская машина столкнулась с грузовиком и загорелась.

Машину окружила толпа. Спасаясь от огня, из кабины выскочили милиционеры. Прохожие обнаружили, что эти милиционеры были в нетрезвом состоянии, и стали требовать, чтобы они выдали ключ от кузова. Милиционеры ключ выдать отказались, уверяя, что внутри машины никого нет. Огонь охватил между тем уже весь автомобиль, и милиционеры, опасаясь взрыва, попытались скрыться. Но в это время к месту происшествия подоспели отставшие от машины свидетели и закричали: "Товарищи, там, внутри, люди!" Кузов машины вскрыли.

Двое из находившихся в кузове уже были мертвы. Один скончался сразу же после того, как вскрыли кузов, еще один вскоре после этого — в больнице. Разъяренная толпа с криками: "Фашисты! Бей их! Пьяницы!" бросилась к отделению милиции и разгромила его. Дежурный офицер успел сообщить по телефону в горком КПСС о случившемся.

Толпа кинулась к горкому КПСС. Дежурный по горкому (был выходной день), уже предупрежденный о появлении толпы, вышел на крыльцо и попытался вступить в переговоры с людьми, однако вскоре, раздраженный язвительными репликами, стал угрожать людям тюремным заключением и расправой. Тогда толпа принялась бить стекла в горкоме и устроила погром внутри здания. Дежурный по горкому, запершись в здании, звонил в это время к первому секретарю горкома на квартиру. Первый секретарь немедленно связался с войсками, и около трех полков прибыло приблизительно через час к зданию горкома. После первого предложения разойтись по домам, солдаты открыли огонь из автоматов.

Число жертв осталось неизвестным".

ОДЕССА

Я был в Одессе примерно через год после беспорядков, но уже не помню в 61-ом году они там произошли, или в 62-ом. Повод к возмущению был весьма специфичен для Одессы.

В городе должны были состояться какие-то выборы, и в это же время шло следствие по крупному уголовному делу, связанному с бандитизмом и грабежом. В ходе расследования выяснилось, что в деле этом был замешан высоко-

поставленный чиновник города, выдвинутый кандидатом на выборах! Однако судебные власти попытались замять его дело, и он, главное, остался в списках кандидатов! Об этом стало известно в городе. Перед зданием суда собралась большая толпа. Люди пытались организовать демонстрацию, но были разогнаны милицией и войсками. В этом случае обошлось без стрельбы. Беспорядки вспыхивали в тот день и во многих других местах города перед официальными учреждениями.

Интересно, что одной из мер, принятых впоследствии перепуганными властями, было запрещение продавать в городе вино в рóзлив, в ларьках! Одновременно это и дискредитация протестовавших граждан: спьяну, мол, ударились в политическое хулиганство!

Беспорядки в Одессе могут показаться несерьезными по сравнению с событиями в других местах в тот период, но если вдуматься: когда и где раньше люди в СССР пытались бы стихийно и в большой массе протестовать против выдвижения недостойного человека в органы власти?!

КУЙБЫШЕВ

Я был в Куйбышеве в середине 60-х годов в командировке на одном из заводов. Попав в город, зашел в кафе и хотел выпить знаменитого жигулевского пива. Официантка в кафе посмотрела на меня с удивлением: "Вы, что — приезжий? Пиво у нас можно достать только в магазине или в ресторанах". И тогда же в кафе посетители мне объяснили, что после беспорядков в городе, случившихся в 62-ом году, пиво больше не продается в рóзлив, в кафе или в ларьках. (Как и вино в Одессе!)

Потом от разных людей я узнал подробности об этих беспорядках.

Примерно за месяц до них в Куйбышев должны были пожаловать высокие гости: Н. Хрущев и Д. Неру. Намеревались они посетить и знаменитую Куйбышевскую ГЭС им. Ленина, которая находится примерно в 60-ти километрах от Куйбышева. Но почти все избы в деревнях Куйбышевской области были крыты соломой. Как при царе Горохе!

Так вот, перед приездом Хрущева и Неру по высочайшему повелению из Москвы с заводскихстроек забрали дефицитный шифер и, сбросив солому, покрыли им крыши

всех деревень вдоль шоссе из Куйбышева к ГЭС! Я потом ездил туда и видел, как в деревнях вдоль шоссе среди свежих шиферных крыш изредка темнели пятна старого шифера. На остальных избах, значит, была солома.

Кроме этих "потемкинских" крыш соорудили в столь же спешном порядке на Куйбышевской плотине современное кафе "Отдых" с вогнутой крышей. После дождя воду с этой крыши приходилось откачивать насосами! Со всей области в кафе согнали самых смазливых официанток и навезли дефицитной снеди: икру, фрукты и т. д. Но приезд гостей сорвался почему-то. Девушек пришлось распустить по домам, а яства отправили в обкомовскую столовую!

Все это опять же не было новостью для советских людей. Где-нибудь каждый с подобным сталкивался. И никакой реакции не было, разве что ворчание или анекдоты. На этот же раз в городе стало нарастать возмущение. И в этот момент приехал Хрущев, один, без Неру. Приехал и пожелал выступить на митинге. Его пытались осторожно отговорить, но Хрущев любил "побеседовать с народом!"

На митинг людей сгоняли через парткомы: в первую очередь, партийных, "передовиков" производства и т. д. Но позаботились и о войсках, в дополнение к милиции и местным сотрудникам КГБ. Видимо, что-то чувствовали необычное в настроении людей. Солдаты стояли в переулках и дворах вокруг площади, на которой должен был состояться митинг.

Когда Хрущев появился на трибуне и начал говорить, на площади стал нарастать шум, слышались дерзкие возгласы, и даже свист. Хрущев сбился, оторопел и, забыв отстраниться от микрофона, с возмущением спросил кого-то из стоявших рядом "отцов" города: "Что за хулиганов вы здесь собрали?!" — вся площадь услышала его вопрос! Понеслись крики, улюлюканье, свист. Хрущев пытался еще что-то кричать в микрофон, но его увели с трибуны, и предложили всем немедленно расходиться. Из переулков вышли войска и стали рассекать и теснить толпу. Было много пострадавших от давки. После этого и запретили в Куйбышеве пиво продавать в розлив.

Помню, как в том самом кафе "Отдых" на плотине Куйбышевской ГЭС один посетитель, тоже, видимо, приезжий, захотел пива. Получив сердитый отказ, попросил вина, но и вина не оказалось. — Что же у Вас есть?! — спросил он раз-

драженно. — Водка есть! — последовал ответ официантки. Водка, видимо, — подумал я, — по мнению властей, не способствует политическому хулиганству!

Между прочим, узнал я тогда от местных хозяйственных руководителей, что при строительстве плотины (в сталинское время) вода однажды прорвала временную дамбу, и под ней тогда погибло около тысячи человек, заключенных, строивших Куйбышевскую ГЭС им. Ленина.

НОВОЧЕРКАССК

Выступление рабочих в этом городе, расположенном неподалеку от Ростова-на-Дону, было, очевидно, самым крупным из всех и самым известным. Повод — повышение в стране вдвое цен на мясо и молочные продукты и одновременно понижение на 30% расценок за работу на электровозостроительном заводе Новочеркасска. Три дня город был фактически во власти рабочих. Железнодорожники, чтобы воспрепятствовать переброске войск в город, приварили к рельсам груженные товарные вагоны. Сообщение по одной из важнейших магистралей — Москва-Ростов — было прервано почти на неделю. По одной широко распространенной версии, начальник гарнизона покончил с собой, когда солдаты гарнизона не стали стрелять в рабочих. По другой версии, он покончил с собой, как только получил приказ стрелять. "Умиротворили" город "донские казаки". О том, как это происходило, подробно описано в обращении группы правозащитников во главе с Сахаровым и Григоренко, выпущенном летом 1977 года в связи с 15-ой годовщиной Новочеркасских событий. Вот слегка сокращенный текст этого обращения, озаглавленный:

"ВЕЧНАЯ ПАМЯТЬ...

Проклятье и вечный позор".

"По улицам Новочеркасска льется многолюдная демонстрация. Над колоннами красные знамена, портреты Ленина, транспаранты с мирными лозунгами. Внешне похоже на первомайскую манифестацию. Но это не она. Это народный протест.

Накануне советское правительство вдвое повысило цены на мясные и молочные продукты. Одновременно на крупнейшем заводе города (электровозостроительном) были на 30%

снижены расценки. И труженики не выдержали. Объявив забастовку, они вместе с семьями вышли на улицу.

На площади в центре города путь демонстрантам преградили пехота и танки. Длительная заминка. Затем затрещали автоматы. Стреляли в демонстрантов — в детей, женщин, мужчин. Сраженные *разрывными* пулями люди падали и умирали на мостовой — у подножия памятнику Ленина и вокруг него по всей огромной площади и на прилегающих улицах. Это произошло 15 лет назад — 2 июня 1962 года в стране, называющей себя *социалистической*.

И руководила подавлением этого выступления трудящихся группа членов ЦК Коммунистической партии Советского Союза во главе с двумя членами Политбюро — Фролом Козловым и Анастасом Микояном. Непосредственное руководство расстрелом было возложено на командующего Северо-Кавказским военным округом генерала Плиева и первого секретаря Ростовского обкома КПСС Басова. И они "блестяще" справились с этой задачей.

Когда на площади произошла заминка — а она была вызвана тем, что солдаты местного гарнизона отказались стрелять в безоружных людей, — генерал Плиев быстро заменил их солдатами нерусских национальностей из других частей округа. И те выполнили поставленную им задачу. После того, как они совершили свое черное дело, их тоже сменили. К чему рассматривать убитых и искалеченных тобою безоружных мирных людей! К тому же, прибывшей смене патронов с разрывными пулями предусмотрительно не дали, что позволило впоследствии утверждать, будто убийства на улицах города совершены вражескими агентами, поскольку у Советской Армии патронов с разрывными пулями на вооружении нет.

"Правда", да и ни одна другая из советских газет словом не обмолвились о Новочеркасских событиях. А власти приняли меры, чтобы не выпустить сведений об этом из города и погасить толки внутри него. Новочеркасск оцепили войсками. Ни в город, ни из него никого не выпускали. В городе шли повальные обыски и аресты. Отбирались поголовные подписки о неразглашении. Трупы и раненых убрали. И ничего до сих пор неизвестно ни о тех, ни о других. Семьи убитых и раненых выселены в отдаленные местности. Проведена серия судебных процессов. Два из них "открытые" (вход по про-

пускам!). На одном из этих процессов судили 9 мужчин (всех приговорили к смертной казни) и двух женщин (к 15 годам каждому).

И сейчас еще нет точных данных о количестве погибших. Только на площади осталось 70—80 трупов. Сколько умерло или добито раненых, сколько расстреляно по суду, продолжает оставаться тайной.

Жертвы эти нельзя ни забыть, ни простить!

Мы призываем объявить 2 июня днем памяти жертв произвола, днем борьбы против кровавого террора властей”.

Это обращение подписали: В. Бахмин, Е. Боннер, Т. Великанова, З. Григоренко, П. Григоренко, К. Грауцкас, А. Лавут, М. Ланда, О. Лукаускайте, Н. Мейман, О. Мешко, Ю. Мнюх, А. Полищук, В. Пяткус, А. Сахаров, Ф. Серебров, В. Слепак, В. Турчин, Э. Финкельштейн, Т. Ходорович.

Здесь необходимо отметить одно чрезвычайно характерное обстоятельство: в СССР никогда не применялись против массовых демонстраций какие-либо иные средства кроме пуль и танков. Никто в СССР никогда не видел грузовиков с водометами, оружия для слезоточивого газа или резиновых пуль. Возможно они и не производятся. ”Рабочее государство” предпочитает физически уничтожать своих недовольных трудящихся.

Живя в Советском Союзе, время от времени натыкаешься на какие-то факты, которые неожиданно открывают перед тобой всю глубину человеконенавистничества, имманентно присущего режиму. К таким фактам относится, например, применение психиатрии против диссидентов и, вот, пуль и танков против мирных демонстраций. Вдумаемся, что стоит за этим последним феноменом. Тут и отсутствие гласности, и варварское пренебрежение к человеческой жизни, и сталинский оскал послесталинского руководства. Физически уничтожая недовольных, Сталин исходил из принципа, что лучше уничтожить любое число невинных людей, нежели упустить одного виновного, т. е. недовольного. Действовать таким способом в обычное время современные вожди уже не могут. Но когда люди выходят на демонстрацию, власти перестают церемониться. Сбить человека водой, газом, резиновой пулей, дубинкой, чтобы он потом поднялся, ушел живым, обозленным и продолжал сеять смуту, и чтобы остальные не боялись вновь выйти на демонстрацию, — этого власти

допустить не могут. Они готовы бить рабочих разрывными пулями и давить детей танками, как то было при разгоне молодежной демонстрации в Тбилиси в 56 году, лишь бы не допустить возникновения цепной реакции бунта. Ведь случись такое, властям в Москве не придут на помощь "братские" танки извне, а свои могут дронуть.

ВЛАДИВОСТОК

В этом городе произошло в те годы событие чрезвычайное — восстание на флагманском крейсере Тихоокеанского флота. Формально оно не относится к категории рабочих выступлений, но важно для понимания психологических причин всей волны возмущений начала 60-х годов, и, кроме того, следует иметь в виду, что рядовой состав военного флота в СССР формируется главным образом из рабочей молодежи.

Дело началось с того, что командир крейсера запретил показывать матросам привезенный на корабль какой-то *советский* фильм, посчитав его идеологически порочным. Командование Советской армии имеет право на дополнительную цензуру произведений литературы и искусства перед их распространением в армии. В частности, в 60-е годы в армии была запрещена подписка на журналы "Новый мир" и "Юность", которые в те времена рассматривались политуправлением армии как идеологически опасные.

Когда на крейсере стало известно о запрещении кинокартины, несколько матросов пошло к командиру просить об отмене этого запрета. По уставу советской армии, существующему со сталинских времен, любое коллективное обращение может рассматриваться как бунт и, следовательно, виновные могут быть отданы под суд военного трибунала. И командир крейсера арестовал пришедших к нему матросов как бунтовщиков.

После этого уже большая группа матросов бросилась к командиру и стала требовать освобождения своих товарищей. Командир отдал приказ арестовать всю эту группу и при первом же признаке сопротивления приказал вооруженной охране крейсера стрелять. И крейсер восстал. Командир корабля и большинство офицеров были арестованы, часть офицеров присоединилась к матросам. Было принято решение прорываться в Японию и там просить политического убежища. По одной из версий восставший крейсер передал

воззвание к экипажам других кораблей во Владивостоке, призывая их к солидарности и к протесту против произвола командования. Но экипажи других кораблей не поддержали восставших. Было, видимо, потеряно какое-то время, пока принималось решение идти в Японию, и командование на кораблях и на берегу успело прийти в себя. Восставшему крейсеру был предъявлен ультиматум: либо капитуляция, либо крейсер будет атакован с моря, с воздуха и с берега. В случае капитуляции всем восставшим, разумеется, была обещана пощада. И крейсер капитулировал.

По слухам, часть матросов была расстреляна, а часть отправлена на урановые рудники, где и исчезла бесследно.

*

— Странные дела начали твориться, — сказал мне один молодой штурман торгового флота, от которого я впервые услышал об этом восстании. — Все вроде за Советскую власть, за социализм, а бунтуют то там, то тут?

В чем тут, действительно, дело? Попытаемся разобраться. Прошел XX съезд. Волна разоблачений сталинских зверств и уродств как сверху, так еще больше снизу — от освобождавшихся заключенных, — медленно распространялась по стране. Но через некоторое время вслед за ней стало распространяться и разочарование в послесталинском руководстве. Жульническая денежная реформа Хрущева в 60-м году завершила это разочарование. В то же время отсутствие заметных политических репрессий способствовало некоторому уменьшению страха перед властями, кем-то воспринималось и как ослабление, одряхление власти. И начало устанавливаться к властям такое отношение: ладно, сидите там на своих теплых местах, пока у вас еще хватает силы их удерживать, играйте в свою игру, в строительство коммунизма и т. д., *но не заигрывайтесь!* Не те времена. Хватит! И когда власти, поощряемые хрущевской непоследовательностью, начали то там, то тут "заигрываться", переступать границы незримого соглашения — будь то убийство людей в милиции, или наглое наступление на материальные интересы рабочих, или, вот, военный трибунал из-за какой-то кинокартины, — то люди этого уже не выдерживали.

Но, второй важный вопрос: почему схлынула волна рабо-

чих выступлений, не вызвав цепной реакции, как, скажем, в Польше?

Укажем на две причины: необъятность страны и отсутствие информации. О волнениях в каком-либо месте слухи до других мест доходили с большим опозданием. И только слухи доходили, в которые всегда трудно полностью верить. Сравним, к примеру, с Ленским расстрелом в 1912 году, о котором вся страна узнала через один-два дня и прямо из газет: достоверно и с подробностями! Вряд ли и в Советском Союзе все осталось бы по-прежнему, если бы и советские газеты стали хоть как-то сообщать в тот период об одном возмущении рабочих за другим, и о том, как их подавляли!

И думая об этом, вдруг вспоминаешь, что тогда — в начале 60-х — не существовало и зарубежной радиосообщения о внутрисоветских событиях! Почему? Да потому, что еще не существовало тогда правозащитного движения в среде интеллигенции. И не существовало, стало быть, нынешней информационной цепочки: диссиденты — иностранные корреспонденты — "радиоголоса". Не говоря уж об отсутствии других возможных и важных форм поддержки рабочих со стороны диссидентов из интеллигенции.

Таким образом, мы приходим к неожиданному открытию, что столь часто осуждаемый за свою пассивность "простой народ" (т. е., главным образом — рабочие) в Советском Союзе пытался подняться РАНЬШЕ интеллигенции (заметное правозащитное движение началось с 1965 года, с процесса над Синявским и Даниелем). Но на это обстоятельство никто не обратил внимание, волна рабочих выступлений осталась незамеченной и не помешала появлению потом многочисленных заявлений в Самиздате о пассивности советских рабочих и т. п. [Сейчас правозащитное движение начало обращать внимание на рабочий вопрос в результате нового пробуждения рабочих (плюс польский пример).]

Причина этого феномена, видимо, в элитарности некоторой части современной советской интеллигенции, особенно гуманитарной, и в ее реактивном отталкивании от народничества и большевизма.

Однако вернемся к анализу рабочих выступлений 60-х годов. Наткнувшись (в условиях безгласности) на жестокую реакцию властей, выступления, естественно, прекратились. В результате всего рабочие выступления тех лет оказали мини-

мальное, близкое к нулю, влияние на атмосферу в стране, а на самих рабочих произвели, пожалуй, даже негативный, деморализующий эффект. Я неоднократно наталкивался среди рабочих на высказывания такого рода, что в случае серьезном власти не преминут воспользоваться силой, *"как то было в Новочеркасске"*. Среди рабочих о волне возмущений в начале 60-х знают и помнят лучше, чем в среде интеллигенции. Но память эта служит тормозом. Терпеть поражение и погибать без какой-либо поддержки общества, без какого-либо отзвука, без смысла, — память о подобном никогда еще никого не вдохновляла. И кто знает, может быть в начале 60-х из-за пассивности интеллигенции была упущена (на какое время?!) возможность *"польского развития"* в Советском Союзе.

ЭКОНОМИКА

В. Малинкович

ПРОДОВОЛЬСТВЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ В СССР В 1981 ГОДУ

(Анализ результатов опроса эмигрантов из Советского Союза)

О хронических трудностях с продовольствием в СССР известно давно. Очевидно, что за последние несколько лет эти трудности увеличились. Сейчас их не пытаются скрыть даже советские руководители. В своем докладе на майском Пленуме ЦК КПСС, специально созванном для рассмотрения продовольственной программы, Брежнев заявил: "...мы не можем не видеть, что продовольственная проблема далеко еще не снята с повестки дня. Если по общему уровню калорийности рацион питания советского человека соответствует физиологическим нормам, то структура питания нуждается в улучшении. Не удовлетворяется спрос на мясные и молочные изделия, недостает овощей и фруктов. В ряде районов имеют место перебои в торговле продовольственными товарами... В развитии отраслей агропромышленного комплекса сложились определенные диспропорции. Накопился недостаток в области заготовки и хранения, транспортировки, переработки и торговли сельскохозяйственной продукцией. Колхозы и совхозы недодают много продукции вследствие еще недостаточного уровня комплексной механизации сельскохозяйственного производства, плохой эксплуатации и низкого качества многих видов сельскохозяйственной техники. Не хватает минеральных удобрений и гербицидов, не везде обеспечиваются их надежное хранение и эффективное использование. Закупочные цены не соответствуют необходимым издержкам производства. Все это привело к замедлению темпов прироста сельскохозяйственной продукции".

Насколько глубоко в действительности зашел продовольственный кризис? Никаких официальных статистических данных о наличии продуктов питания в магазинах и на рынках различных городов Союза нет. Ходят слухи о голодных

обмороках среди населения ряда городов, о карточной системе, о закрытых, для приезжих из провинции, городах. Но это лишь слухи. Их трудно проверить.

В прошлом году на Западе была сделана попытка более или менее объективно оценить продовольственную ситуацию в СССР. Был проведен опрос 782 эмигрантов из 102 городов Советского Союза о наличии продуктов питания и ценах на них в магазинах и на рынке. Оценка наличия продуктов в магазинах производилась на основании учета процента ответов на следующие вопросы: Были ли продукты питания в продаже регулярно? Нерегулярно? Отсутствовали вовсе или были rationированы (т. е. продавались по карточкам, в виде пайков на предприятиях или в учреждениях, продавались в ограниченном количестве)? Все результаты обрабатывались статистически.

Таблица 1

Наличине продуктов питания в магазинах
(в целом по СССР), n=782

Продукты питания:	Имеются на прилавках		Отсутствуют %	Продажа рационирована %
	всегда %	нерегулярно %		
1. Мясо:				
говядина,	8	57	23	13
свинина,	10	52	26	12
птица	13	45	33	9
колбасные изделия	13	66	14	7
2. Рыба	69	25	5	1
3. Молоко	24	72	3	1
4. Масло	22	70	5	3
5. Маргарин	74	23	3	-
6. Яйца	39	59	6	1
7. Сыр	25	50	21	4
8. Хлеб	89	11	-	-
9. Мука	46	32	16	6
10. Сахар	83	17	-	-
11. Картофель	30	55	14	1
12. Капуста	39	51	10	-
13. Помидоры	16	47	36	1
14. Фрукты	22	62	16	-
15. Водка	93	7	-	-

Данные касаются периода с января по ноябрь 1981 года. Поскольку продовольственное положение в СССР, к сожалению, продолжает ухудшаться, результаты исследования, как нам кажется, и сегодня представляют определенный интерес.

Как мы видим, в магазинах советских городов почти никогда не бывает мяса, плохо со снабжением молоком,

Таблица 2

Наличие продуктов питания в городах Союза, в зависимости от количества жителей.

Продукты питания	Города с населением:					
	более 1000.000		от 100.000 до 1 млн.		менее 100.000	
	магазин (всегда) %	рынок (всегда) %	магазин (всегда) %	рынок (всегда) %	магазин (всегда) %	рынок (всегда) %
1. Мясо:						
говядина,	12	58	2	50	-	31
свинина,	16	64	1	52	2	32
птица,	20	62	5	57	2	41
колбаса	18	59	7	50	62	-
2. Рыба	75	-	61	-	60	-
3. Молоко	29	54	18	55	7	70
4. Масло	30	47	11	45	5	42
5. Маргарин	81	-	67	-	58	-
6. Яйца	48	63	30	59	19	69
7. Сыр	29	70	19	70	12	86
8. Хлеб	96	-	82	-	65	-
9. Мука	55	-	39	-	16	-
10. Сахар	90	-	75	-	62	-
11. Картофель	31	70	29	70	28	82
12. Капуста	41	86	36	83	32	71
13. Помидоры	15	76	17	65	15	65
14. Фрукты	22	90	22	82	17	82
15. Водка	92	-	93	-	95	-

маслом, сыром, фруктами, неважно с мукой, яйцами, картошкой и другими овощами. Сносно с рыбой (правда, очень ограниченный ассортимент) и маргарином. Практически везде есть хлеб (и поэтому только нельзя говорить о голоде), всегда и везде (может быть, лишь за исключением районов со специальным режимом, которые находятся вне области нашего исследования) есть водка (таблица 1).

Среди 14 городов Союза с населением более миллиона жителей лучше всего снабжение продуктами питания в Минске (23% опрошенных регулярно покупали в магазинах мясо, 20% — масло, 27% — молоко), в Киеве (18% — мясо, 25% — масло, 28% — молоко), в Москве (15% — мясо, 34% — масло, 33% — молоко).

Труднее всего приходится жителям Харькова и Донецка (здесь постоянные перебои с мясом и маслом), Днепропетровска (нет мяса, сыра, яиц), Ташкента (нет мяса и молока).

Положение со снабжением населения продуктами питания было бы катастрофическим, если бы не рынок. Производство сельскохозяйственной продукции на 3% всех посевных площадей — тех 3%, что находятся в личном пользовании отдельных граждан — удовлетворяет 28% потребностей населения в продуктах питания. (В этом, по-видимому, и корень проблемы. Существующие формы коллективного землепользования, полностью зависимые от государственной политики, не способны, в принципе, стать эффективным поставщиком сельскохозяйственной продукции).

Важную роль личных подсобных хозяйств и садово-огородных кооперативов в производстве сельскохозяйственной продукции вынужден был признать в своем докладе на майском Пленуме ЦК и Л. Брежнев. "Их доля в производстве мяса, молока, птицы, а тем более картофеля, овощей и фруктов, — сказал он, — достаточно весома. Дальнейшее увеличение помощи этим хозяйствам... может дать быструю и ощутимую отдачу". И... никакой конкретной помощи приусадебным хозяйствам в проекте продовольственной программы СССР, принятом на Пленуме, не предусмотрено. Слишком серьезная это задача. Слишком радикальной должна быть перестройка всей системы сельского хозяйства. Боятся ее нынешние руководители. И приусадебные участки по-прежнему страдают из-за недостатка необходимого инвен-

таря, малогабаритной техники, площадей под сенокос,¹ а главное — из-за налоговой политики государства.

Рынок удовлетворяет потребности населения в овощах и фруктах, в сыре и яйцах (в больших городах), но мясо (особенно говядина) далеко не всегда бывает и на рынке (таблица 2). Очевидно держать крупный рогатый скот в личном хозяйстве не всегда выгодно. Связано это, вероятно, с направленной против личных хозяйств системой налогообложения и с тем, что крестьяне получают все меньше и меньше земель под сенокос (колхозы, систематически не выполняя планы поставок государству мяса, стремятся хоть как-то восполнить недостачу кормов для скота за счет сена с крестьянских участков). В результате, крестьяне держат молодняк лишь до осени, а затем отдают телят на бойню, т. к. зимой скот нечем кормить.

Интересно, что в небольших городах на рынке легче купить молоко, масло и сыр (рынок здесь частично компенсирует недостаток этих продуктов в магазинах, по сравнению с большими городами), но очень трудно найти мясо, которого совсем нет в магазинах. Таким образом, небольшие и средние города, в которых проживает 80% всего городского населения Союза, больше всего страдают из-за нехватки мясных продуктов.

Стоимость мяса, молока, яиц и фруктов на рынке, в среднем, в 2,5 раза выше, чем в магазинах (таблица 3). Овощи стоят на рынке в четыре раза дороже.

Даже при условии, что советский потребитель мог бы все необходимые продукты купить в магазине, для того, чтобы питаться в соответствии с советскими же гигиеническими нормами, ему пришлось бы ежемесячно тратить лишь на приобретение этих продуктов 93 рубля 80 копеек (таблица 4). Поскольку в государственной торговле всегда перебои с мясом, маслом, сыром, яйцами, фруктами и овощами, советские граждане должны были бы удовлетворять часть своих потребностей в продуктах за счет рынка, где цены намного выше. Их месячные расходы должны были бы колебаться между двумя цифрами: 93 рубля 80 копеек и 174 рубля 80

---

1. Канд. эконом. наук И. Шихов, "Крестьянское подворье", газета "Труд", 23. 5. 1982 г.

Таблица 3

Стоимость продуктов питания (руб./кг)

Продукты питания	Города с населением:					
	более 1.000.000		от 100.000 до 1 млн		менее 100.000	
	магазин	рынок	магазин	рынок	магазин	рынок
1. Мясо:						
говядина,	2,07	5,41	2,20	5,59	2,17	5,69
свинина,	2,13	5,12	2,17	5,33	2,12	5,27
птица .	2,74	7,14	2,76	7,74	2,95	7,32
колбаса	2,73	6,98	2,82	6,62	2,82	5,44
2. Рыба	1,61	-	1,40	-	1,48	-
3. Молоко	0,29	0,68	0,29	0,67	0,27	0,66
4. Масло	3,48	5,93	3,43	5,49	3,43	5,06
5. Маргарин	1,77	-	1,78	-	1,97	-
6. Яйца	0,12	0,28	0,12	0,29	0,12	0,29
7. Сыр	3,05	4,77	3,01	4,53	2,96	4,45
8. Хлеб	0,22	-	0,22	-	0,21	-
9. Мука	0,45	-	0,43	-	0,46	-
10. Сахар	0,86	-	0,83	-	0,83	-
11. Картофель	0,22	0,75	0,15	0,80	0,18	0,70
12. Капуста	0,23	0,94	0,26	0,82	0,26	0,78
13. Помидоры	1,11	4,03	0,75	3,02	0,66	2,27
14. Фрукты	1,55	3,99	1,51	3,50	1,60	3,25
15. Водка	9,63	-	9,33	-	9,65	-

копеек на человека. Позволить себе такую роскошь могут лишь очень немногие: номенклатура и люди, живущие на нелегальные доходы (впрочем, недостаток продуктов в магазинах и высокие цены на рынке несомненно являются факторами, стимулирующими воровство и взяточничество).

Таблица 4

Стоимость месячной диеты, соответствующей советским нормам питания.²

Продукты питания	Нормы питания (кг)	Стоимость 1 кг (в рублях)		Наличие продуктов в магазине (%)	Общая стоимость (руб.)	
		магазин	рынок		магазин	рынок
1. Мясо (говядина)	6,83	2,12	5,50	8	14,48	37,50
2. Рыба	2,00	1,52	-	69	3,04	-
3. Молоко	8,44	0,29	0,67	24	2,45	5,65
4. Масло	8,44	3,46	5,63	22	29,20	47,52
5. Маргарин (или растительные жиры)	9,19	1,79	-	74	16,45	-
6. Яйца (штук)	19,33	0,12	0,29	39	2,32	5,61
7. Мучные изделия	9,17	0,44	-	46	4,03	-
8. Сахар	3,33	0,85	-	83	2,83	-
9. Картофель	8,08	0,19	0,77	30	1,54	6,22
10. Овощи	12,17	0,24	0,88	39	2,92	10,71
11. Фрукты	9,42	1,54	3,73	22	14,51	35,14
Итого:					93,77	174,77

Реальные условия жизни заставили советского человека выработать на практике свою особую, не похожую на ту, что разрабатывалась в НИИ гигиены, ежемесячную диету (таблица 5). Калорийность такой диеты — около 3.300 калорий в день. Эта цифра близка к принятым в большинстве стран мира нормам (в США, например, — 3.400 калорий в день). Но советские граждане почти половину необходимых калорий

2. Нормы питания взяты из сборника: "СССР в цифрах в 1978 г.", Москва, 1979, с. 204.

получают за счет хлеба и картофеля (в США, для сравнения, — 22%).

Таблица 5

Стоимость реальной месячной диеты советского человека.

Продукты питания	Нормы питания (кг/человек)	Реальная диета (кг/человек)	Стоимость реальной диеты (руб.)
1. Зерновые и картофель	17,25	33,06	8,37
2. Молочные продукты	25,32	17,17	10,93
3. Мясо и рыба	8,53	4,29	8,86
4. Жиры	9,19	1,46	3,84
5. Яйца (штук)	19,33	9,00	1,41
6. Сахар	3,33	3,96	3,37
7. Овощи и фрукты	21,59	13,18	1,84
Общая стоимость			47,62

Почти в 7 раз меньше, чем необходимо, получают советские люди жиров, в 2,2 раза меньше — яиц, в 2 раза меньше — мяса, в 1,5 раза меньше — овощей и фруктов.

Но зато они съедают в 2 раза больше хлеба и картошки (исстари эти два продукта питания считают в наших краях святынями: не раз выручали они в трудную минуту, выручают и сейчас).

Весь упор — на хлеб. Пока он есть. Но почти четверть потребности страны в хлебе СССР удовлетворяет за счет импорта (из США, Канады, Аргентины). Прекращение экспорта хлеба в СССР, что может быть вызвано агрессивной внешней политикой Советского Союза и несоблюдением им своих международных обязательств, приведет к еще большему недостатку кормов для скота и уменьшению посевных пло-

щадей для других сельскохозяйственных культур (чтобы хоть как-то возместить недостаток кормов для скота, необходимы будут дополнительные пастбища). Совсем или почти совсем исчезнет с прилавков магазинов мясо, уменьшится доля и других продуктов в реальном рационе питания советского человека. И все это нечем будет восполнить. Ведь хлеб, как мы видим, — единственный продукт питания, всегда доступный населению. Кроме водки.

Не желая идти по пути радикальных реформ сельского хозяйства, которые могут на 180 градусов изменить продовольственную ситуацию в стране, как изменила ее в свое время Новая экономическая политика, советские руководители стремятся решить проблему при помощи палеативных средств: увеличения к 1990 году производственных мощностей в сельском хозяйстве примерно в 1,5 раза, энергетических мощностей — в 1,6 раза, минеральных удобрений — в 1,7 раза, повышения закупочных цен и расширения жилищного строительства в деревне.

На все это требуются огромные дополнительные капиталовложения (лишь на жилищное строительство в колхозах и совхозах планируется выделить 160 миллиардов рублей). Откуда возьмутся такие средства у государства, которое содержит самую мощную в мире армию, уже третий год ведет войну в Афганистане, "помогает" десяткам стран, угрожает соседней Польше и впредь не собирается отказываться от своей агрессивной империалистической политики?

Но даже если такие средства найдутся, существующая система сельскохозяйственного производства проглотит их без всякой отдачи. После мартовского Пленума ЦК КПСС 1965 года "энерговооруженность труда (в сельском хозяйстве) выросла, — по словам Брежнева, — более чем в три раза. Фонд орошаемых и осушаемых земель увеличился в 1,7 раза. В три раза возросли поставки минеральных удобрений. Основные производственные фонды пищевых отраслей промышленности за последние три пятилетия увеличились в 2,7 раза". Колоссальные цифры. Куда там капиталистической Америке! А результаты видны на прилавках советских магазинов: лишь хлеб (да и тот на четверть покупной — из той же Америки) и водка.

Империалистическая политика советского государства лишает население и выгод от внешней торговли. На майском

Пленуме принято решение сократить импорт продовольствия из капиталистических стран. Правда, проект продовольственной программы предусматривает сотрудничество с зарубежными странами, но, в основном, лишь с социалистическими. Но вот какая продовольственная помощь может поступать в СССР из голодной Комбоджи или разрушенной Польши — представить себе трудно.

Анализ нынешнего продовольственного положения и недавно принятого проекта продовольственной программы СССР приводит к неутешительному выводу: пока государство будет продолжать делать ставку на пушки (ракеты, танки, атомные бомбы и карательный аппарат КГБ) населению страны вряд ли стоит надеяться на масло.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

И. Померанцев

ВМЕСТО РЕЦЕНЗИИ

Начну с цитаты:

"Не могу спокойно слышать слов: Чигирин, Черкасы, Хорол, Лубны, Чертомлых, Дикое Поле, не могу без волнения видеть очеретяных крыш, стриженных мужицких голов, баб в жёлтых и красных сапогах, даже лыковых кошёлочек, в которых они носят на коромыслах вишни и сливы. "Чайка скиглить, літаючи, мов за дітьми плаче, сонце гріє, вітер віє на степу козацім"... Это Шевченко, — совершенно гениальный поэт! Прекраснее Малороссии нет страны в мире. И главное то, что у неё теперь уже нет истории, — её историческая жизнь давно и навсегда кончена. Есть только прошлое, песни, легенды о нём — какая-то вневременность. Это меня восхищает больше всего".

Это абзац из едва ли не лучшей русской прозаической книги XX века "Жизнь Арсеньева", начатой Иваном Буниным в 1927 и законченной в 1933 году.

Теперь ещё одна цитата, в переводе с украинского:

"Трагедия украинской эмиграции, трагедия всего — за редким исключением — украинства XIX-XX столетий в их бесконечном провинциализме. От Маруси Дротивны¹ через Винниченко до нашего леопардизма — вновь и вновь честные души, прекрасные намерения, благородные чувства — и провинциальность, провинциальность, провинциальность. Украинство всё время прекраснодушно и мечтательно, оно всё время стоит вне своей эпохи. Иногда оно гордится этим, чаще — вовсе об этом не думает. А порой делается страшно волевым, страшно активным, едва ли не звериным, но это выглядит очень мило и немного смешно. Потому наш европеизм всегда отстаёт от Европы по меньшей мере на каких-нибудь 30 лет и догнать его не может, как быстроногий Ахилл в воображении Зенона Элеата не может догнать черепахи. Потому наши органично-национальные устремления всякий раз сводятся к закостенелости и реставраторству".

---

1. Персонаж рассказа "Маруся" украинского писателя Квитки-Основьяненко.

Строки эти были написаны в 1947 году украинским эссеистом и филологом Юрием Шерехом. В 1978 году издательство "Сучасність" выпустило почти четырехсотстраничный том эссеистики Юрия Шереха "Друга черга" — "Вторая очередь". В этот том вошли работы о литературе, театре и идеологии, написанные и опубликованные автором в украинской и иноязычной периодике с 1947 по 1956 годы. Юрий Шерех — литературный псевдоним Юрия Шевелёва, до недавнего времени профессора славистики Колумбийского университета. Ещё до войны Ю. Шевелёв закончил Харьковский университет, там же защитил диссертацию, получил учёное звание доцента. Он — ученик Булаховского, одного из крупнейших украинских языковедов. В войну Ю. Шевелёв эмигрировал. В академических кругах хорошо известно и его имя, и его работы, к примеру, "Историческая фонология украинского языка". Но здесь речь пойдет не о языкеводе Ю. Шевелёве, а об эссеисте Шевелёве-Шерехе.

Вернёмся к цитатам. Не правда ли, на первый взгляд бунинская Малороссия не так уж далека от Украины Шереха? Но не будем доверять первому взгляду. Между двумя цитатами — пропасть. Ибо одна из них, принадлежащая перу русского гения, — это отходная и украинскому народу, и его культуре, другая же — горькая и жестокая констатация, без которой невозможно сдвинуться с мёртвой точки, то есть преодолеть тот самый провинциализм, закостенелость и реставраторство, о которых и пишет Шерех. Как бы ни был поэтичен и музыкален абзац из "Жизни Арсеньева", но в нём поэзия поминовения и музыка похорон. Шерех же ставит диагноз, чтобы знать, как лечить, как спасти Украину.

Боюсь, что для большинства русских Украина — это прежде всего галушки, Оксаны и Наталки, бандура и, конечно же, Шевченко. Не Шевченко поэт, а Шевченко — символ, памятник, монумент. Ну как же, упрямый наклон головы, казацкие усы, круча Днепра. Что ещё о Шевченко? Ну, выкуплен у помещика-крепостника русскими художниками, трудная судьба — лихая доля, забрит в солдаты, форт Шевченко. Но всё-таки — он же поэт! Да, поэт, ну, как Пушкин для России. Боюсь, что я не преувеличил: это, примерно, всё, что может сказать тамбовец, пермяк или сибиряк. А между тем Шевченко только в-десятых выкупленный крепостной, лихая доля,

круча Днепра. А во-первых — он поэт. Сопоставление его с Пушкиным — большая натяжка даже в смысле их влияния на национальные литературы. После Пушкина у России были писатели не уступавшие ему в гениальности, а по влиянию на мировую литературу даже более значительные, чем он. Шевченко же был и остаётся вершиной украинской национальной литературы. Как поэты, Шевченко и Пушкин тоже разнятся. Шевченко один из первых, если не первый поэт славянства, почувывший, что слова — это не только их значения, по-нынешнему — семантика, но и живая самоценная материя, материал, ткань. Шевченко воссоздает реальность языком как таковым. По этому отношению к языку Шевченко ближе всех других славянских поэтов своей эпохи к традиции Шекспира. Имя же Пушкина вовсе не случайно чаще всего стоит рядом с именем Байрона.

В. Набоков: "Телодвижения, ужимки, ландшафты, томление деревьев, запахи, дожди, тающие и переливчатые оттенки природы, всё нежно-человеческое (как ни странно!), а также всё мужицкое, грубое, сочно-похабное, выходит по-русски не хуже, если не лучше, чем по-английски". Думаю, что, когда О. Мандельштам писал об эллинистической природе русского языка, он имел в виду то, что между русскими словами, между их звучанием и тем, что они означают, будь то предмет, действие, направление, признак, — дистанция, стремящаяся к нулю. В этом смысле русский язык "материальнее" английского. В этом же смысле украинский — ещё "эллинистичней", ещё "материальней" русского. Шевченко, как никто другой из украинцев, чувствовал эту материальность родного языка и прекрасно пользовался ею.

Я упомянул даты написания "Жизни Арсеньева" не только из любви к хронологии. Последнюю точку в своей, условно говоря, повести Бунин поставил в 1933 году. Как раз в том же году застрелился украинский писатель Мыкола Хвильевый, зачинатель и вдохновитель украинского культурного ренессанса двадцатых годов, насильственно свергнутого, выкорчеванного, расстрелянного. В двадцать же седьмом году, когда Бунин выводил на первой странице своей рукописи "Я родился полвека тому назад, в средней России, в деревне, в отцовской усадьбе", Украина пробовала дышать пол-

ной грудью. Об этом времени Шерех пишет так: "Это был период буйных надежд и великих начал. Это был период кипения и первых стадий кристаллизации. Период формирования заново украинского духовного мира, когда только отделились небо от земли, материки от водоёмов. События оборвали развитие, и новосозданному миру не суждено было быть заселённым рыбами, насекомыми и животными, быть покрытым искрами цветов и лесными чащами. Свершились только первые дни мироздания. Но воздвиглась неколебимая твердь, и очерки морей и материков проступили на ещё неостывшей земле". Я хочу назвать несколько художников, чье творчество определяло сердцебиение, пульс и дыхание тех лет: Аркадий Любченко, Евгений Плужник, Павло Тычина, Лесь Курбас, Мыкола Кулиш, Юрий Яновский, Владимир Свидзинский, Богдан-Игорь Антонич. Это были художники европейской, модернистской ориентации. Это были художники, которые никому не смотрели в затылок, которые открывали и создавали мир вместе с Гарсия Лоркой, Борисом Пастернаком, Томасом Вульфom, Арто. Знал ли Бунин об этой обращенной не в прошлое, а в будущее Украине? Не стоит гадать, ведь Бунину не только Маяковский, но даже Блок казался оскорблением русской словесности.

Мне было десять. Я учился в третьем классе. На уроке украинской литературы меня вызвали к доске. Но прозвенел звонок. Я знал, что меня вызовут через три дня, на следующем уроке украинской литературы. Три дня я читал маленький текст и пересказывал его, пересказывал. Всё было так, как я и предполагал: меня вызвали спустя три дня и велели сперва прочесть текст, а после пересказать. Я прочёл и пересказал, и получил четвёрку. Я сел за парту и заплакал. Я плакал не из-за оценки. Я плакал от бессилия: этот почти родной, этот чужой язык не поддавался мне. Он был живой. Лишь теперь я понял, чем можно было его взять — любовью.

Юрий Шерех — продолжатель традиций Шевченко и украинского ренессанса двадцатых годов. Это проявляется в его речевой свободе и напряжённом синтаксисе, в широте и дерзости ассоциаций, в его кровном родстве с европейской литературой, философией и вообще культурой, в его вере в ценность человека, индивидуума. Его мысли о поражении украинского освободительного движения сороковых годов

перекликаются с сартровской философией резистанса и отталкиваются от неё. Он ищет, находит и убедительно доказывает связь Коцюбинского и Росселини, Мыколы Кулиша и Жана Жироду. Это не попытка стать на цыпочки, чтобы дотянуться до Европы. Нет, это аргументированная уверенность в том, что Украина тоже определяет культурный климат Старого Света. Книга Шереха многопланова и многоотемна. В ней много точных наблюдений и суждений о природе тоталитарных режимов. Причём шереховы суждения чем метафоричней, тем точнее. Тоталитаризм для него — это не только узурпация власти или примитивизация культуры, но и мышление современников, их быт, их кинофильмы, их одежда. Упразднение шляпы после революции и утверждение кепки, плоской кепочки, о котором пишет Шерех, — разве это не говорит о диктатуре больше, чем лозунговая публицистика или наукообразный анализ?

Я чуть подробнее остановлюсь на теме, которую сам автор определил как одну из главных в своей книге: на теме провинциальности. "Провинция — это всё то, что не думает, что оно — столица мира. Провинция — это всё то, что не утверждает себя столицей мира. Провинция — не география, а психология. Не теория — а душа".

Перед украинцами всегда был большой соблазн объяснить все национальные беды тем, что их родина порабощена, колонизирована. Шерех тоже об этом не забывает. Но он понимает, что обвинения и проклятия — это не выход. Что выход нужно искать в самих себе, в национальных нравственных ресурсах. Только преодолев провинциальность, косность, замкнутость, Украина может обрести себя. Потому-то так нелицеприятно и жёстко пишет Шерех о всём том, что опутывает и сдавливают Украину изнутри. Эта жёсткость — от любви к родине, от ясности ума, от здравого смысла. Думаю, что публично высказанное трезвое отношение Шереха к Организации украинских националистов и Украинской повстанческой армии, боровшихся в годы II-ой мировой как против русско-советской, так и против фашистской оккупации, было в своё время актом интеллектуального и профессионального мужества. Да, задачи ОУН и УПА были благородны: освобождение Украины, обретение национальной независимости. Но Шерех пишет и о нездоровых тенденциях в украинском освободительном движении: о псевдо-

элитарности, нормативности, примате слепой веры над мыслью... Не эти ли черты так упорно прививали своим гражданам германская и советская диктатуры? Находясь между молотом и наковальной невольно начинаешь жить по их железным законам. Есть над чем задуматься.

Шерех пишет: "От нашей эпохи мы усвоили элементы массовости воспитания. Мы не усвоили осознания своего места в мире. Мы утверждаем: Украина. Мы забываем добавить: и мир. Мы учим людей умирать за Украину. К сожалению, это тоже нужно. Но почему мы не учим жить за Украину?" Книга Шереха далека от дидактики, и, тем не менее, она учит жить. Я не о рецептах или нравоучениях. Учить можно и по-другому: примером собственного мышления и поступка. В противовес массовым, элитарным или псевдоэлитарным теориям Шерех утверждает ценность человека, его неповторимость, его силу и хрупкость. Чем свободнее человек, тем свободнее его родина. Как научить человека быть свободным? Политика себя скомпрометировала. Политика, без которой немыслимо становление Украины, нуждается в прививке культуры. Шерех утверждает: "Да, мы ждём, что художник будет нашим Моисеем. Для этого он должен понять своё время".

Стихотворение, написанное мною в юности:

Я ни разу не разговаривал
со старым гуцулом,
похожим из-за
барашковой шапки
на недокуренную сигару.

Спустя несколько лет вновь мелькнуло в одном стихотворении:

...с гуцулами,
припаянными к воздуху
вроде сосуллек...

Гуцулы — центростремительны. Штаны у них узкие, дудочкой. Когда танцуют, становятся в тесный круг, руки друг другу кладут на плечи. В танцах, коломыйках — бесконечные повторы. Изменяется лишь темп — с каждым поворотом он всё стремительней и стремительней. Кажется, нет такой силы, которая могла бы разомкнуть тесный гуцульский круг.

Левобережные украинцы — центробежны. Шаровары у

них широкие. Песен — на все народы хватит. Когда танцуют — любая сцена им тесна.

Ирпень — это память о людях, о лете. О моём предпоследнем киевском лете. О моём приятеле, к которому я в то лето наезжал в ирпенский Дом писателей. Приятель работал над переводом романа о каком-то африканском диктаторе. Он всегда был рад меня видеть. Пожимая мне руку, он часто говорил: "Как жаль, только что уехал Гелий! Снова вы не познакомились".

Уже после ареста Гелия я узнал, что Гелий считал моего, да и своего, приятеля — стукачом, провокатором.

...о воле, о бегстве из-под кабалы, о хвое на зное, о сером левкое...

Шерех: "Что хорошего может дать Назарет? Назарет был глухой провинцией. Оттуда родом Иисус Назарей. Он не мыслил категориями Назарета и Самарии и их противопоставления. Для него существовало человечество, человек, мир и Бог. Назарет и Иерусалим стали очагами тысячелетней истории. И когда шли на Восток крестовыми походами и когда сегодня арабы воюют бомбами с евреями — всё это — и многое другое — следствие того, что Назарет утвердил себя как центр мира".

Так не пишут авторы из провинции.

Сперва село близ Черновиц, после их околица — Сад-гора. И слово сад и слово гора есть в русском языке. Но, верно, во всей России нет ни деревушки, ни околицы с таким именем, с таким названием, похожим на сказку.

Вижняца. Городок такой. Во сто крат лучше, чем Вишняца. Во сто крат свежей, сочней, терпче.

Я жил на Украине лет с пяти. В детстве я не замечал, не осознавал, что живу на Украине. Казалось, город — это нечто русское, потому что говорят в нём по-русски, а село — украинское, потому что говорят там по-украински. Много позже один грузинский поэт сказал мне: отчего ты защищаешь украинцев, да они же сами стесняются говорить на своём родном языке, их никто не заставляет говорить по-русски. В этих словах есть доля истины. Но думаю, рассуждать

об этом нужно совсем иначе: до чего же доведён огромный, сорокамиллионный народ, если он и впрямь зачастую шарахается своего языка? Здесь уместны не упреки, а желание разобраться в трагизме судьбы украинцев, исторических истоках этого трагизма.

Шерех: "Мы в состоянии войны с Россией. Это неопровержимый факт, и от исхода этой войны зависит наше быть или не быть. И России, в конечном счёте, тоже. Казалось бы: нужно изучать врага, нужно найти в нём свою пятую колонну, своих квислингов".

Боже, до чего же мы довели украинцев, если такая умница видит в нас в лучшем случае квислингов?!

Шевченко и Пушкин? Нет, ничего общего. Самая пронзительная шевченковская тема — детства — у Пушкина вообще отсутствует. Скорее уж Шевченко и Диккенс.

Но вот два отрывка, завершающих стихи ленинградца Кушнера и киевлянина Стуса.

Сами себе не прощаем слабости.
В счастье есть приторный привкус сладости.
Нам же любовного стыдно вздоха.
Ветер взбивает листву без устали.
Я ни с одною себя не чувствовал
Так хорошо, как с тобой: так плохо.

Прощай. Не озирайся. Благівість
про тогосвітні зустрічі звістує
зелена зірка вечора. Крихкий
звереснув яр. Скажи — синочок мій
нехай віка без мене довікує.
Прощай. Не озирайся. Озирнись!!!

Отчего-то в моей памяти эти два отрывка стояли рядом. Я отыскал их сейчас в книгах поэтов и переписал. На бумаге они не кажутся мне близкими. Но я больше доверяю памяти.

Ирпень — это не слово, это сгусток прозрачной смолы.

Тем же летом Гелий попросил приятеля поехать вместе с ним в Москву. Гелию нужно было договориться об участии в пресс-конференции, на которой он намеревался публично отказаться от советского гражданства. После приятель рассказывал, что Гелий очень нервничал, боялся, что за ним сле-

дят, заставляя приятеля идти позади, чтобы засечь возможных преследователей. Рассказывая всё это, приятель морщился.

А между тем никакой необходимости в преследователях не было: ведь рядом с Гелием был приятель.

...о белой вербене, о терпком терпении смолы...

Шерех: "Шанс Украины — не в отгороженности, а как раз в рубежности. Сотни лет мы плачем, что мы чайка при битой дороге.² Эта жалобная песня и вправду хороша... Но шанс Украины как раз в том, что она при битой дороге. Что она и Европа и Азия. Наша культура вбирала элементы обеих сторон света. Было много ориентальных влияний и связей. Их нужно отделить, изучить, выделить. Триполье и Иран. Византийская прививка тоже была восточной. Шпенглер рассматривает византийскую культуру как арабскую. Слово о полку Игореве связано не только с нормандскими сагами и песней о Роланде. Оно связано с Библией и эпосами Востока. Преступление России не только в том, что она оторвала нас от Европы. Она оторвала нас и от Востока. Она взращивала не только еврофобство, но и пренебрежение к Востоку".

Н. Бердяев: "Противоречивость и сложность русской души может быть связана с тем, что в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. Русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ. Россия есть целая часть света, огромный Востоко-Запад, она соединяет два мира".

Может, мы — две чайки при битой дороге?

Это горы. А это село, затухающее, остывающее. В нем школа-интернат. Я в ней учитель. Вечерами я обхожу приземистые корпуса, где спят мои ученики, гуцульские дети. В коридоре на первом этаже стоят десятки пар детских ботинок, туфелек, галош, сандалий. Почему сандалий — ведь на дворе октябрь? Обувь сношена до белизны. Свисают обрывки шнурков: узел на узле. Обувь влажная. От неё исходит прелый дух кожи, пота, дождя. Вы бы попробовали, глядя на

---

2. Строка из украинской песни конца XVII — начала XVIII веков.

эти ботинки, туфельки, галоши, сандалии — да почему же сандалии, ведь на дворе октябрь! — не опереться на перила, не расплакаться...

Из сообщений информационных агентств: в народном суде Садгорского района г. Черновцы состоялся суд над правозащитником Иосифом Зисельсом.

Иосиф — мой друг. Садгора — сказка с плохим концом.

Со времени написания Шерехом своих эссе прошло двадцать, двадцать пять, тридцать лет. Этого не ощущаешь при чтении, потому что талантливое слово преодолевает время. Думаю, что и в будущем читатель будет получать наслаждение от страстного слова украинского эссеиста. И всё же, насколько реализовались прогнозы и устремления Шереха? Думаю, что он был прав, делая ставку на человека и культуру. Другое дело, что ни в условиях эмиграции, ни на самой Украине в силу различных обстоятельств не удалось сделать процесс развития культуры непрерывным. И всё же, я думаю, на пути утверждения человеческой личности именно в эти десятилетия были заложены моральные основы будущих национальных свершений Украины. И сделано это было прежде всего теми украинскими писателями, поэтами, философами, которые, к несчастью, больше известны миру как политзаключённые мордовских и уральских лагерей.

В тот день всю тебя, от гребёнок до ног,
Как трагик в провинции драму шекспирову,
Носил я с собою и знал назубок,
Шатался по городу и репетировал.

Эту пастернаковскую строфу Маяковский назвал гениальной. Кажется, он был восхищён дыханием, то есть синтаксисом, тем, что Пастернак мыслил не строчкой или строчками, а сразу целой строфой. Прежде Пастернака это порой удавалось Фету. Вот, к примеру, его по-германски сумрачная, неизъяснимо прекрасная — со скрипом, присвистом, развевающимися волосами, уходящая из-под ног строфа из "На качелях":

И опять в полусвете ночном
Средь верёвок, натянутых туго,

На доске этой шаткой вдвоём
Мы стоим и бросаем друг друга.

Шевченко тоже мыслил не строчками, а целыми периодами, зачастую стихотворениями. Я только о дыхании, то есть о синтаксисе.

Был конец сентября. Бабье лето. Он заночевал у меня, а наутро пошёл к Гелию. Никогда ни до, ни после я не видел его таким измятым и чёрным, каким-то ржавым. Когда он пришёл, Гелия уже не было. Дверь открыли гебисты. Как положено, поехали делать обыск у пришедшего. На обыске нашли публицистику Гелия. Должно быть, на всякий случай готовили для суда факт "изготовления и распространения".

Я знаю, что приятель потом проведывал уже умирающего Гелия в больнице. Вот что меня мучит: отчего Гелий так и не сказал ему в лицо: подлец, провокатор! Отчего не прогнал его, не выгнал в три шеи?

...о друзьях, для которых малы мои похвалы и мои восхваленья, мои славословья, мои похвалы...

Я бы поставил на этом точку, если бы писал о книге парагвайского, кубинского или южноафриканского демократа. Но я пишу на русском языке о книге украинца, пишу для тех, кто считает себя русскими. У нас накопилось много долгов: перед венграми, перед поляками, чехами. Но самый тяжкий, самый неоплатный долг у нас перед Украиной. Забудем об этом — тем хуже для нас.

Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.

Это Пастернак. Но я не о нём. Я о "Жизни Арсеньева". Эта проза пронизана шафрановою полосой грусти, тоски, утрат. Из-за этой шафрановой полосы "Жизнь Арсеньева" больше похожа на витраж, чем на прозу. Очарование поэзии в этих косых шафрановых полосах, нереальных, неуловимых, словно придуманных не поэтами, а нами, нашим воображением, словно нами самими излучаемых.

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

ПИСЬМО А. СОЛЖЕНИЦЫНА ПРЕЗИДЕНТУ США Р. РЕЙГАНУ

11 мая этого года в Белом Доме состоялась встреча Президента США Рональда Рейгана с представителями различных течений советской оппозиции. Среди приглашенных был и автор "ГУЛАГа" Александр Исаевич Солженицын. Однако Солженицын от участия во встрече отказался. Мотивировку своего отказа он изложил в письме американскому президенту. Принять или не принять то или иное приглашение — личное дело каждого. Но, поскольку в письме А. И. Солженицына затронуты вопросы, имеющие безусловное общественное значение, мы считаем необходимым полностью опубликовать это письмо вместе с комментарием известного правозащитника, бывшего политзаключенного, редактора журнала "Вести из СССР" Кронида Любарского.

Президенту США Рональду Рейгану, 3-е мая 1982-го года.

Лично, конфиденциально

Дорогой господин Президент!

Я восхищаюсь многими аспектами вашей деятельности, радуюсь за Америку, что у нее, наконец, такой президент, не перестаю благодарить Бога, что Вы не убиты злодейскими пулями.

Однако, я никогда не добивался чести быть принятым в Белом доме — ни при президенте Форде, (этот вопрос возник у них без моего участия), ни позже. За последние месяцы несколькими путями ко мне приходили косвенные запросы, при каких обстоятельствах я готов был бы принять предложение посетить Белый дом. Я всегда отвечал: я готов приехать для существенной беседы с Вами, в обстановке, дающей возможность серьезного эффективного разговора, — но не для внешней церемонии. Я не располагаю жизненным временем для символических встреч.

Однако мне было объявлена (телефонным звонком советника Пайпса) не личная встреча с Вами, а ланч с участием эмигрантских политиков. Из тех же источников пресса огласила, что речь идет о ланче для "советских диссидентов". Но

ни к тем, ни к другим писатель-художник по русским понятиям не принадлежит. Я не могу дать себя поставить в ложный ряд. К тому же, факт, форма и дата приема были установлены и переданы в печать прежде, чем сообщены мне. Я и до сегодняшнего дня не получил никаких разъяснений, ни даже имен лиц, среди которых приглашен на одиннадцатое мая.

Еще хуже, что в прессе оглашены также и варианты и колебания Белого дома, и публично названа, а Белым домом не опровергнута формулировка причины, по которой отдельная встреча со мной сочтена нежелательной: что я являюсь "символом крайнего русского национализма". Эта формулировка оскорбительна для моих соотечественников, страданиям которых я посвятил всю мою писательскую жизнь.

Я — вообще не "националист", а патриот. То есть я люблю свое отечество — и оттого хорошо понимаю, что и другие также любят свое. Я не раз выражал публично, что жизненные интересы народов СССР требуют немедленного прекращения всех планетарных советских захватов. Если бы в СССР пришли к власти люди, думающие сходно со мною, — и первым действием было бы уйти из Центральной Америки, из Африки, из Азии, из Восточной Европы, оставив все эти народы их собственной вольной судьбе. Их вторым шагом было бы прекратить убийственную гонку вооружений, но направить силы страны на лечение внутренних, уже почти вековых ран, уже почти умирающего населения. И уж конечно, открыли бы выходные ворота тем, кто хочет эмигрировать из нашей неудачливой страны.

Но удивительно: все это — не устраивает Ваших близких советников! Они хотят — чего-то другого. Эту программу они называют "крайним русским национализмом", а некоторые американские генералы предлагают уничтожить атомным ударом — избирательно русское население. Странно: сегодня в мире русское национальное самосознание внушает наибольший страх: правителям СССР — и Вашему окружению. Здесь проявляется то враждебное отношение к России как таковой, стране и народу, вне государственных форм, которое характерно для значительной части американского образованного общества, американских финансовых кругов и, увы, даже Ваших советников. Настроение это губительно для будущего обоих наших народов.

Господин Президент. Мне тяжело писать это письмо. Но я думаю, что если бы где-нибудь встречу с Вами сочли нежелательной по той причине, что Вы — патриот Америки — Вы бы тоже были оскорблены.

Когда Вы уже не будете президентом и если Вам придется быть в Вермонте — я сердечно буду рад встретить Вас у себя.

Так как весь этот эпизод уже получил искажительное гласное толкование, и весьма вероятно, что мотивы моего не-приезда также будут искажены, — боюсь, что я буду вынужден опубликовать это письмо, простите.

С искренним уважением

А. Солженицын.

СОПРОВОДИТЕЛЬНОЕ ПИСЬМО, ПОДПИСАННОЕ НАТАЛЬЕЙ СОЛЖЕНИЦЫНОЙ.

Александр Солженицын написал конфиденциальное письмо Президенту Рейгану, изложив причины, по которым он не мог принять предложение на ланч.

Он отказывался комментировать свое решение в ответ на многочисленные вопросы прессы, из уважения к Президенту. Белый дом сделал одиннадцатого мая краткое официальное заявление, так же не сообщив мотивы Солженицына. Ни сам он, ни Белый дом не имели намерения публично обсуждать ситуацию.

Однако, еще до одиннадцатого мая кто-то из лиц, имеющих доступ к переписке Президента, неофициально дал возможность газете "Вашингтон пост" использовать содержание письма. При этом были опубликованы вторичные и обойдены главные мотивы писателя, что исказило суть дела. Пресса и радио в Соединенных Штатах и Европе широко распространили эти сведения. А. Солженицын считает совершенно неприемлемым факт произвольного использования его личного письма Президенту — и вынужден опубликовать свои действительные объяснения.

Подпись: Наталья Солженицына

(Оба письма опубликованы в газете "Русская мысль")

О ПИСЬМЕ А. СОЛЖЕНИЦЫНА ПРЕЗИДЕНТУ Р. РЕЙГАНУ

Александр Солженицын отказался от приглашения Президента Рональда Рейгана на ленч в Белом Доме 11 мая 1982 г. Поскольку ни у граждан, ни у резидентов США нет юридической обязанности принимать приглашения Президента, этот факт так и остался бы личным делом А. Солженицына и Р. Рейгана, если бы А. Солженицын не сделал свои объяснения по этому поводу всеобщим достоянием. Объяснения эти были многократно переданы радиостанциями, в особенности — вещающими на Советский Союз, опубликованы в прессе, включая русскую зарубежную. Поступив так, А. Солженицын не может быть в претензии, что сказанное им будет обсуждаться, в том числе публично.

Я не буду много говорить о тоне письма. Но мне представляется бестактным заявление А. Солженицына, что у него нет времени для "символических встреч" с Президентом. А. Солженицын, очевидно, занят более важными делами. Означает ли это, что, в отличие от него, Президент США затеял встречу с "диссидентами" от скуки, не зная, чем бы заполнить свой досуг? Как следует понимать приглашение к себе в Вермонт, когда Р. Рейган "уже не будет Президентом"? Как выражение уверенности, что на переизбрание на новый срок Р. Рейгану рассчитывать нечего? Или как любезное приглашение заходить лет через шесть? Надо ли понимать так, что через шесть лет у А. Солженицына найдется время для "символической встречи"? Ведь ясно, что эту будущую встречу с отставным президентом едва ли можно будет рассматривать как "серьезный эффективный разговор".

Наконец, удивительным представляется то обстоятельство, что приглашение Президента отклонено не на основании каких-то слов или поступков самого Президента, а на основании того, что и как писала вокруг этого приглашения американская пресса. После нескольких лет пребывания в США можно было бы уже понимать ясно, что американская пресса не находится в том же отношении к Р. Рейгану, в каком советская находится в отношении к Л. Брежневу.

Но если бы речь шла только о форме отказа, вряд ли бы стоило обсуждать этот вопрос публично. К сожалению,

содержание письма более чем соответствует форме.

Трудно поверить, что письмо написано человеком с чувством ответственности, когда читаешь в нем об американских генералах, "предлагающих уничтожить атомным ударом — избирательно русское население", о "значительной части" советников Президента, "финансовых кругов", "образованного общества" США, "враждебно относящихся к России как таковой, стране и народу". До сих пор такое приходилось читать лишь на 9-й странице "Литгазеты", в комментариях Юрия Жукова, да — в последнее время - в телеоткровениях о. Дмитрия Дудко.

Хотелось бы знать источник информации А. Солженицына. Имеет ли он твердые основания для столь серьезных заявлений?

Вполне возможно, что когда-то какая-то американская газета опубликовала мнение какого-то генерала о том, как расправиться с "этими русскими". Публикация бредовых мнений — неизбежная плата за свободу прессы. Публиковались в американской прессе и дикие антиамериканские заявления, а недавно даже было объявлено, что Второе Пришествие Христа уже произошло.

Но А. Солженицын явно дает понять, что он имеет в виду не случайный безответственный бред. Нет, его "американские генералы" намеренно поставлены бок о бок в одной фразе с "советниками Президента", чтобы ни у кого не оставалось сомнения, что это такие генералы, которые не только хотят, но и реально могут уничтожить атомным ударом русский народ.

Но если прав в своем утверждении А. Солженицын, то совершенно прав и Л. Брежнев, устанавливая свои ракеты всех радиусов действия, наращивая число боеголовок. Не смог накормить население — пусть хоть от атомной смерти спасет. Ведь мало нам утешения в том, что А. Солженицын вроде бы отделяет самого Президента от массы ненавистников России. Что может сделать один человек, даже Президент, если и его советники против него, и генералы тоже, и финансовые круги, и образованное общество? Да может быть и сам Президент на самом деле такой же, как и они, и дело тут лишь в старой крестьянской вере в доброго царя и плохих министров? Будет очень нераспорядительно со стороны А. Чаковского не опубликовать в следующем номере "Лит-

газеты" цитаты из А. Солженицына в рубрике "Это говорят они сами".

Что ж, это дешево стоит — походя сказать злую неправду об обществе той страны, которая дала тебе приют. Завтра с обыском не придут. Я лишь просил бы американцев, читающих письмо А. Солженицына, воспринимать его слова об американском обществе как его сугубо частное мнение, а не как выражение точки зрения "значительной части" русских.

Но не только о "значительной части" американцев имеет А. Солженицын нелестное мнение. Оно — хотя и по другим причинам — распространяется и на многих советских правозащитников, иначе говоря — "советских диссидентов" и "эмигрантских политиков", если употреблять выражения, использованные самим А. Солженицыным.

Нежелание поставить себя "в ложный ряд" с этими "политиками" и "диссидентами" названо в самом начале письма, и трудно избавиться от впечатления, что это-то и есть главная причина отказа от приглашения. Думается, что нашлось бы время даже и для "символической встречи", если бы эта встреча была "отдельной".

А. Солженицын сообщает, что "по русским понятиям" "писатель-художник" не принадлежит ни к "политикам", ни к "диссидентам". Я отрицаю за А. Солженицыным право на монопольное определение того, что является, а что не является "русским". Напомню здесь лишь несколько имен русских писателей, которые не боялись поставить себя "в ложный ряд" с политиками: А. Радищев, К. Рылеев, А. Грибоедов, Ф. Тютчев, Н. Чернышевский, А. Герцен, Н. Огарев... Все они — политики самых различных, подчас противоположных направлений, а последние двое — даже "эмигрантские политики". Стоит сказать и о столь часто вспоминаемом сейчас Ф. Достоевском, посвятившем значительную часть своего "Дневника писателя" чисто политическим темам (даже если не говорить о его "петрашевской" юности). Список же русских писателей, которые на нынешнем языке были бы названы "диссидентами", даже боязно и начинать. А. Пушкин был бы в их ряду далеко не первым. Следовательно, "русские понятия" далеко не так уж однозначны, как это представляется А. Солженицыну.

Да и полно — всегда ли так чурается А. Солженицын стоять "в ряду политиков"? Что такое многочисленные вы-

ступления А. Солженицына последних лет в западной и эмигрантской прессе: "Коммунизм у всех на виду — и не понят", "Чем грозит Западу плохое понимание России", "Скоро все увидим и без телевизора" и др. — это все художественная литература, belle-lettre? Это — не политика? Публичные выступления о радиовещании на Советский Союз — тоже не политика, а художественная литература? Да и само это письмо Р. Рейгану с разъяснением, что будет сделано, "если бы в СССР пришли к власти люди, думающие сходно" с А. Солженицыным — это опять литература?

Значит дело все не в том, что в ряду с политиками, а в том — с какими политиками! И вот тут, к сожалению, приходится поставить не поставленные А. Солженицыным точки над *i*. С кем почувствовал себя А. Солженицын "в ложном ряду"? Например, вот с кем:

С Георгием Винсом — человеком, представляющим за рубежом Церковь Евангельских Христиан-Баптистов, которая сейчас подвергается в СССР самым жестоким ударам властей. В ГУЛАГе сейчас около 150 членов этой Церкви.

С Людмилой Алексеевой — человеком, которого просила представлять ее за рубежом Московская Хельсинкская группа, положившая начало всемирному Хельсинкскому движению. В ГУЛАГе сейчас большинство членов Московской группы.

С Петром Григоренко — старейшим участником правозащитного движения в нашей стране, одним из его основоположников: зарубежным представителем Украинской Хельсинкской группы. Вся Украинская группа — сейчас в ГУЛАГе.

С Валерием Чалидзе — человеком, которому доверила право на зарубежное издание "Хроника текущих событий", самый старый и авторитетный орган правозащитного движения. Многие редакторы "Хроники" — тоже в ГУЛАГе.

С Айше Сеитмуратовой, которую послал за рубеж говорить от его лица многострадальный крымскотатарский народ. Народ, сосланный целиком.

Большинство "политиков" — сами в прошлом островитяне ГУЛАГа.

Создается впечатление, что А. Солженицын вообще не хочет быть ни в каком ряду — лишь "отдельный", без неудобных свидетелей, разговор устроит его. О чем же собирался говорить "писатель-художник" наедине с Президентом США?

Какой "серьезный эффективный разговор" хотел бы он с ним иметь? Неужели же о связи литературы и кино?

Что касается "эмигрантских политиков", то теперь, когда ленч состоялся, известно, о чем они говорили, ибо они говорили — прилюдно. Прежде всего и более всего — о политзаключенных. О том, чтобы крупнейшая демократическая страна мира сделала все возможное, чтобы помочь преследуемым, спасти погибающих в лагерях — за слово, за убеждения, за веру. В этом разговоре А. Солженицын не пожелал участвовать. Он предпочел сделать так, чтобы мировая пресса обсуждала не знаменательный факт первой встречи Президента США с представителями всех течений советской оппозиции, а разразившийся вокруг его собственной личности скандал.

Два года назад Н. Струве в "Вестнике РХД" обвинил соотечественников в "неблагодарном, а потому и неблагоприятном" отношении к А. Солженицыну. Он поставил вопрос: чем это объясняется? Его ответ был на удивление прост: "зависть". Почему-то, однако, завидовать А. Солженицыну стали лишь тогда, когда он начал выступать с открыто политическими и определенно тенденциозными заявлениями и статьями, а не тогда, когда он создавал свои книги, навечно вписавшие его в историю русской литературы. Тогда — не завидовали. Тогда — гордились и почитали, перепечатывали на машинке его книги, передавали из рук в руки странички, глотали за одну ночь. Тогда — садились за них в тюрьму, а другие вслед за ними — все равно перепечатывали и передавали. Уважительную память о тех, кто сам ушел в ГУЛАГ, чтобы солженицынское слово о ГУЛАГе прошло по стране — не грех бы и сохранить. По грустным обстоятельствам нашей страны без них А. Солженицын не стал бы Солженицыным.

Восемь лет назад, в 1974 г. А. Солженицын пожертвовал все свои гонорары от "Архипелага ГУЛАГ" Фонду помощи политзаключенным, носящему в людской памяти его имя. Помощь Фонда — неоценима. Но кому, как не А. Солженицыну, понимать, что человек жив не единым хлебом, и те, кому предназначены деньги Фонда, — не просто "несчастненькие", но заключенные политические, которые отдали свою свободу ради защиты определенных идей. Уважение к этим идеям для них не менее важно, чем материальная поддержка. А для многих — гораздо важнее.

Именно эти люди — на Западе их называют "диссидентами" — эти нынешние, бывшие или будущие обитатели ГУЛАГа просили "эмигрантских политиков" говорить от их имени миру. В том числе Президенту США.

Я бы задал вопрос, прямо противоположный тому, что задал Н. Струве: чем объясняется такое неблагодарное, а потому неблагоприятное отношение писателя к своим соотечественникам?

В части седьмой "Архипелага ГУЛАГ" А. Солженицын со щемящей откровенностью рассказывает о том, как, читая письма читателей "Ивана Денисовича", он вдруг ощутил, что "за десять лет потерял живое чувство Архипелага".

Мне кажется, все дело в том, что сейчас Александр Исаевич Солженицын потерял живое чувство Архипелага вновь — и на этот раз более глубоко и серьезно.

Мне тоже было тяжело писать это письмо.

20 мая 1982 г.

Кронид Любарский
Редактор бюллетеня
"Вести из СССР",
в прошлом — один
из распорядителей
"Солженицынского
Фонда"

ОТКРЫТОЕ ПИСЬМО РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА "КОНТИНЕНТ"

Уважаемые редакторы!

Это письмо — результат долгих и нелегких размышлений и яростных споров. Однако сильнее разногласий оказалась необходимость — напомнить Вам о том, что *единство в противостоянии не может быть сохраняемо любой ценой; те, кто надеются на всеобщее бесконечное терпение и молчание ради единства, должны однажды понять, что пользоваться ими можно лишь до некоторого предела.*¹

К сожалению, наши попытки сохранить видимость благополучия в правозащитном движении — ради единства — понимаются Вами явно неправильно: как наше согласие со всем тем, что происходит на страницах Вашего журнала. Правда, мы уже не раз обращали Ваше внимание на безответственные выступления редакции "Континента". Однако эти наши попытки не принимались Вами во внимание — скорее всего, из-за их келейности и достаточно явно преобладающих увещательных интонаций. Безусловно, мы отдаем себе отчет в степени собственной вины: будь мы более взыскательны к Вам в последние 5 лет, возможно, нам не пришлось бы теперь столь громко и резко говорить о просчетах "Континента", которые вселяют в нас чувство глубокой тревоги за редакцию, быстро теряющую, на наш взгляд, способность поддерживать духовное единство в среде эмигрировавших правозащитников и литераторов. Более того — создается впечатление, что Ваша редакция давно уж не стремится к этому, и даже, напротив, тратит немало пыли на разжигание излишних страстей — и не только в среде эмигрантов. Участились случаи применения недозволенных мнимополемических выпадов против борцов за права, оставшихся в СССР.

Итак: что вызвало появление этого нашего письма?

Прежде всего — пренебрежение традиционными этическими и эстетическими ценностями, которое год от года становится все более заметным в "Континенте". (Кстати, хотим заметить: употребление нами выражений "Ваш журнал",

---

1. Цитата из книги Эдуарда Кузнецова "Мордовский марафон"; с этой мыслью мы полностью солидарны.

"Ваша редакция" не случайно. Они даются нам тем больше, что мы прекрасно помним, с какой уверенностью и теплотой мы пользовались местоимением "наш" в первые два года существования "Континента": "наш журнал", "наша редакция"...). Конечно, эстетические срывы возможны и объяснимы; к тому же они, безусловно, требуют специального разговора. Однако эстетические принципы, которые вполне могут быть предметом дискуссии, зачастую соседствуют, а то и пересекаются на страницах журнала с этическими. И хотя среди нас есть и профессиональные литераторы, и профессиональные журналисты, мы говорим здесь *только* об этических нормах, явное пренебрежение которыми "Континент" демонстрирует нам всё нагляднее.

В частности, речь идёт о некоторых странностях в подборе редакционного портфеля. Чем можно объяснить, к примеру, многолетнее нежелание редакции печатать стихи Ю. Кублановского? И если они в конце концов появились на страницах "Континента", то словно под неким давлением, будто шаг этот для редакции вынужденный: "Метрополь" и "Вестник РХД" опубликовали, и мог появиться вопрос, почему несколько лет задерживали в "Континенте"... Еще более странным выглядело очевидное нежелание редакции печатать превосходные — на наш взгляд — вещи Юлии Вознесенской. И это тогда, когда она находилась за колючей проволокой! Зато в тот же период страницы журнала представлялись стихам откровенно слабым, а некоторые из них даже выносились на обложку! Как соотносить эти факты с постоянно декларируемым обещанием редакции печатать в первую очередь произведения литераторов, живущих в России, — нам непонятно.²

Но этого мало. Наша озабоченность подобными и некоторыми другими тенденциями "Континента" чаще всего не доходит до его страниц, а если и доходит, то лишь для того, чтобы дать редакции очередной повод "одёрнуть" нас, нередко с преобладанием раздражения над аргументацией, а порой с применением недозволенных приёмов. Не напоминает ли

---

2. Можно было бы назвать и других писателей, которых "Континент" не хотел печатать в последние пять лет по неясным причинам — например, Владимира Корнилова.

Вам, уважаемые редакторы, такой стиль полемики излюбленные методы советской "партийной" печати? А ведь наша озабоченность, хоть вы и пытаетесь в ней отыскать иной раз побочный смысл, продиктована лишь одним: тревогой за правильность нравственной ориентации в некоторых Ваших выступлениях и дискуссиях — касаются ли они отдельных лиц (Синявского или Копелева, Эткинда или Плюща) или проблем (будь то оценка власовского движения или попытка "по-новому" взглянуть на судьбу и личность Марии Спирidonовой).

Ваша увлеченная переориентация, весь курс Вашей редакционной практики последних лет оказался обескураживающе последовательным. Когда "Континент" "добрался" до Корнея Чуковского, а затем, не дав читателю передышки, до Лидии Корнеевны Чуковской (№№ 25 и 27), мы даже не удивились. Просто мы вдруг со всей очевидностью поняли, что наше нежелание "выносить сор из избы" может сослужить "Континенту" плохую службу; ещё немного — и поступательное движение журнала в том же направлении остановить никому не удастся. А журнал занимает в общественной жизни такое положение, что при необратимости этого движения он был бы не просто потерян для нашего сообщества, но и причинил бы ему большой ущерб.

Упомянутые публикации "Континента", касающиеся семьи Чуковских, явились как бы квинтэссенцией Вашей редакторской деятельности за несколько последних лет. Подробный разбор этих материалов не входит в нашу теперешнюю задачу. Однако, состоявшись, такой разбор неизбежно привёл бы к выделению двух основных аспектов, которые обходить молчанием и дальше — непозволительно.

Первый из них относится к условиям нашей работы и жизни в России, к нашим взаимоотношениям с лучшей частью отечественной интеллигенции, без поддержки которой правозащитное движение не могло бы ни возникнуть, ни — тем более — продолжаться вот уже более полутора десятков лет. Едва ли этому утверждению нужны доказательства. Казалось бы, именно его и должны были бы взять редакторы "Континента" в качестве одного из главных принципов для своей работы. Однако на практике выходит иначе.

Наблюдая за тенденциями "Континента", наши друзья здесь, в России, всё чаще убеждаются в том, что их содей-

стве правозащитному движению "вознаграждается" в журнале то низкой иронией, то шельмованием, то грубыми окриками или абсолютно безосновательными обвинениями. Можно ли после этого упрекать их, если сочувствие нашему делу сменяется в них безразличием? Вас же, по-видимому, такое положение не слишком беспокоит — во всяком случае, значительно меньше, чем в шестидесятые годы, когда Вы сами жили в СССР. Нынешнее Ваше отношение ко вчерашним друзьям и помощникам часто — увы, слишком часто, чтобы можно было говорить о случайности, — отношение это всё откровеннее строится теперь по принципу: "Мавр сделал своё дело..."

В связи с этим мы считаем совершенно необходимым предостеречь Вас от соблазна, одолевающего, вероятно, не одних Н. Дюжеву с Н. Горбаневской. Раздавшийся со страниц "Континента" призыв к тому, чтобы "такого рода рассказы о 'замечательных людях' (как 'Белый волк') постоянно печатались 'Памятью'", — затея весьма опасная и дурно пахнущая. Такая "ЖЗЛ наизнанку" принесла бы её инициаторам славу весьма сомнительного свойства.

Второй аспект — непосредственно наше отношение к выступлениям Н. Дюжевой и Н. Горбаневской по поводу обсуждаемых публикаций сборника "Память".

Прежде всего: мы полностью солидарны с той характеристикой, которую Лидия Чуковская дала рецензии Н. Дюжевой. Нас тоже привели в недоумение некоторые образчики литературоведческих изысканий критикессы, в частности — её попытка представить Корнея Чуковского как "собирательный образ советского лубка" (?) или утверждение, что лишь "благодаря своей дочери, Лидии Корнеевне, он как бы приобрёл новый кредит посмертного морального доверия". Но если стиль и смысл подобной фразы могут вызвать лишь сожаление, то выражения типа "личность спряталась за двойным экраном" вызывают чувство, которое мы не назовем брезгливостью только из опасения обидеть Н. Дюжеву. Чересчур уж оно напоминает пресловутое "двойное дно" — излюбленное словосочетание литгазетчиков и кочетовых с шевцовыми...

Открытое письмо Лидии Корнеевны было достаточно исчерпывающим, оно содержало квалифицированный анализ не всегда внятных и грамотных упражнений рецензентки,

поэтому нет нужды останавливаться на них ещё раз. Нам казалось, что публикация "Континентом" Открытого письма Л. Чуковской явилась бы достойным завершением этой "дискуссии" — достойным и для читателей, и для самой редакции. Ну, действительно: ведь не амбиции же должны ставиться во главу угла, когда речь идёт о хотя бы формальном соблюдении этических норм и восстановлении справедливости.

Но не тут-то было! По-видимому, редакция "Континента" давно уже не считает нужным оставлять последнее слово за теми, кто прав, — конечно, в тех случаях, когда правота эта идет вразрез с мнением некоторых сотрудников редакции. Так получилось и на сей раз. Заботясь о "сохранении лица", журнал предпочел поместить "ответ", уровень которого вполне соотносим с уровнем рецензии, отстаиваемой "Континентом" вопреки собственным декларируемым принципам и даже вопреки здравому смыслу.

Н. Горбаневская, автор ответного слова, выступает на сей раз в нескольких ролях. И в первую очередь — "как представитель редакции сборника 'Память' ". Здесь мы вынуждены отметить явное завышение представительских прав. Выполняя технические и издательско-правовые функции, Н. Горбаневская не наделена полномочиями выступать от имени редакции "Памяти" по существу содержащихся в сборнике материалов. И уж тем более не уполномочена Н. Горбаневская защищать редакцию "Памяти" от раздающихся из России критических замечаний.

Кроме того: сказано в ответном слове, что "Континент", как всякий свободный журнал, предоставляет своим рецензентам свободу "высказывать *их* мнения о разбираемых ими книгах". Однако в данном случае свободное мнение Н. Дюжевой поддержано официальным представителем "Континента"; даже если бы мы забыли об этом, Н. Горбаневская не преминула напомнить о своей должности ответственного секретаря редакции. Говоря же о свободе мнений, мы, всецело поддерживая этот принцип, тем не менее считаем, что следование ему отнюдь не обязательно должно означать, к примеру, появление панегирических отзывов о трудах Геббельса или об известной записке В. Емельянова в ЦК КПСС.

Н. Горбаневская не ограничивает себя уже перечисленными ролями — представителя "Памяти", редакционного

работника "Континента" и адвоката Н. Дюжевой. Выступает она и в собственной роли: "Мне лично... рецензия Н. Дюжевой", в том числе и "место о воспоминаниях Шварца и Пантелеева кажутся глубоко верными". Все эти роли, вольно или невольно, затеяют истинную позицию Н. Горбаневской. И всё же эта позиция нет-нет, да и проглядывает — например, в желании выдать собственное впечатление, подкреплённое официальным статусом сотрудника "Континента", за некое общепринятое суждение. Мы говорим, в частности, о попытке Н. Горбаневской так представить читателю вторую книгу "Записок об Ахматовой" Л. Чуковской, будто в ней "из подтекста в текст прорывается образ, невероятно похожий на Чуковского из 'Белого волка' ". Связана ли сия эксцентричная трактовка с творческой манерой самой Н. Горбаневской или же она выражает мнение "Континента", — нам неизвестно. Полагаем, однако, что именно в данном случае была бы более уместной оговорка "мне лично кажется" — вместо безапелляционного утверждения. Никому из читающих здесь, в России, вторую книгу "Записок об Ахматовой" почему-то не показалось то, о чем с такой убеждённости пишется в Париже. Впрочем, мы понимаем, что для некоторой части сотрудников "Континента" подобный аргумент более чем спорный...

Редакция "Памяти" предоставила Н. Горбаневской достаточно широкие, но всё-таки ограниченные полномочия. Расширять их, используя дальность и затруднённую связь, — недостойное занятие. С другой стороны, редакция "Континента" имеет все права и возможности для осуществления соответствующего контроля, но почему-то пренебрегает этой своей обязанностью. К сожалению, обсуждаемый эпизод — не случайность. Журнал, призванный отстаивать интересы своих соотечественников в России, и в первую очередь — участников правозащитного движения, всё чаще и чаще заносит за рубежи этих интересов.

И последнее. Нашим Открытым письмом мы вовсе не предлагаем тему для новой дискуссии. Дискуссию мы не начинаем, потому что мы её не хотим. С другой стороны, Вам, уважаемые редакторы, вовсе не обязательно всеми силами пытаться доказывать беспочвенность наших упреков: мы уверены, что для Вас это не составит труда — при нынешних Ваших тенденциях, которым отчасти и посвящено это письмо. Многие здесь, в России, продолжают считать "Континент"

представляющим русское правозащитное движение за рубежом. И если это действительно так, никакого спора между нами не нужно: достаточно того, что Вы просто к нам прислушаетесь. Если же "Континент" — журнал только эмигрантский, то какая бы то ни была дискуссия тем более бессмысленна. Мы призываем Вас лишь к одному: *подумать!* Подумать над тем, *почему* могло появиться это письмо, *что* тому причиной: вздорная скандальность некоторой части российских правозащитников, по непонятной причине вдруг покинувшей на заслуженную редакцию, или же все-таки какое-то неблагоприятное в редакции? И когда Вы будете обдумывать этот вопрос, — пожалуйста, вспомните: ведь ещё не так давно мы все вместе выражали своё недоумение по поводу тех, кто, перелетев границу и оказавшись "под чужим небосводом", почему-то быстро перестал понимать оставшихся в России. И обсуждая это, каждый из нас был уверен, что уж его-то минует чаша сия, и если нам и придётся уехать, то уж память-то наша останется при нас...

Нам очень больно напоминать Вам об этом. Но приходится.

Открытое письмо подписано группой правозащитников и литераторов, часть из которых — авторы и редакторы Самиздата, а также бывшие сотрудники сборника "Память". Поскольку обнародование полного перечня имен подписавшихся дало бы обильную пищу сыску, шестеро из поддержавших Открытое письмо решили ограничиться своими подписями.

Публикация Открытого письма поручается А. Д. Синявскому. Задержка публикации была вызвана надеждой на то, что редакция "Континента" в конце концов найдет в себе мужество признать, хотя бы частично, справедливость обращенных к ней критических замечаний. Но ожидание этого слишком затянулось.

Ноябрь 1981 — Апрель 1982

Пинхос Подрабинек, Игорь Промыслов,
Владимир Гершуни, Татьяна Трусова,
Виктор Гринёв, Юрий Диков

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ДВИЖЕНИЯ

- 3 Ответы советских граждан на вопросы журнала „Альтернатива“.
- 33 Ответы независимого альманаха «Варианты» (Москва) на вопросы журнала «Альтернатива» (Париж).

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ СЕГОДНЯ

- 45 *Кронид Любарский*. О структуре политических репрессий в СССР.
- 56 *Георгий Давыдов*. Дело N 58

ПОЛЬСКИЙ ОПЫТ

- 61 Дискуссия о возможных путях выхода из кризиса. (*Я. Куронь, З. Буяк, В. Кулерский, Б. Лис*)
- 78 Главное — сохранить структуру «Солидарности». (Интервью с представителями польского свободного профсоюза).

НАЦИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

- 86 Волнения в Грузии (Самиздат).
- 100 *Израиль Клейнер*. Петлюра и евреи.
- 115 *Всеволод Исаев*. Миграция в города, общественные изменения и движение сопротивления на Украине.

РЕЛИГИЯ, ФИЛОСОФИЯ, ЭТИКА

- 126 Малоизвестные «Философические письма» П. А. Чаадаева.
- 152 *С. Глузман*. В мире Филофея (Самиздат).

ТРУД — РАБОЧЕЕ ДВИЖЕНИЕ — ПРОБЛЕМЫ САМОУПРАВЛЕНИЯ

- 163 *Энциклика папы Иоанна-Павла II*. О труде человека.
- 187 *Вадим Белоцерковский*. Рабочие волнения в СССР в начале 60-х годов

ЭКОНОМИКА

- 202 *Владимир Малинкович*. Продовольственное положение в СССР в 1981 году.

КУЛЬТУРА И ВРЕМЯ

- 212 *Игорь Померанцев*. Вместо рецензии.

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ

- 223 *Александр Солженицын*. Письмо Президенту США Рональду Рейгану.
- 226 *Кронид Любарский*. О письме А. Солженицына Президенту Р. Рейгану.
- 232 Открытое письмо редакции журнала «Континент».

